

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.298.15,
СОЗДАННОГО НА БАЗЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АВТОНОМНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)»
МИНИСТЕРСТВА НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ, О РЕЗУЛЬТАТАХ РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ О ЛИШЕНИИ
ЯКОВЛЕВОЙ СВЕТЛАНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

решение диссертационного совета от 07.06.2022 г. № 114

Диссертационный совет Д 212.298.15, созданный на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, рассмотрел итоги работы комиссии диссертационного совета в составе: д.э.н., доцента Довбий И.П. (председатель комиссии), специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» (региональная экономика); д.э.н., профессора Даниловой И.В., специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» (региональная экономика); д.э.н., доцента Колмаковой И.Д., специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» (региональная экономика). Комиссия создана на заседании диссертационного совета 11.05.2022 г. (протокол № 112) по вопросу создания комиссии по рассмотрению заявления о лишении Яковлевой С.В. ученой степени кандидата экономических наук на основании письма-поручения Минобрнауки России № 3/4224 от 25.04.2022 г. о поступлении заявлений о лишении ученой степени.

Диссертация Яковлевой Светланы Владимировны на тему «Управление социально-экономическим потенциалом региона», представленная на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством» (региональная экономика), защищена 14.01.2012 г. на заседании диссертационного совета ДМ 521.002.01 при НОУ ВПО «Кисловодский институт экономики и права», научный руководитель – д.э.н., профессор Дудов Азнаур Сапарович; официальные оппоненты: д.э.н., профессор Мамедов Октай Юсуфович; к.э.н., доцент Новоселов Сергей Николаевич; ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский государственный технический университет».

При рассмотрении заявления о лишении ученой степени диссертационный совет исходил из сравнения текстов документов, направленных из Департамента

аттестации научных и научно-педагогических работников Минобрнауки России, обязательных экземпляров диссертаций, полученных из ФГАНУ «Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти», а именно: диссертаций Яковлевой С.В. на тему «Управление социально-экономическим потенциалом региона», Галачиевой С.В. на тему «Ресурсное обеспечение макрорегиона в координатах императивов устойчивого социально-экономического развития (на примере Северо-Кавказского федерального округа)», Русиновой О.С. на тему «Управление социально-экономическим развитием сельских территорий региона (на материалах Ставропольского края)», а так же текстов учебного пособия «Региональная экономика и управление» Гаврилова А.И., научной статьи Аганбегяна А.Г. «О сбалансированности уровня экономического развития и социальной сферы в России», а также текста обязательного экземпляра диссертации Белякова Д.Е. на тему «Развитие социально-экономического потенциала регионов в условиях рыночной экономики», размещенного в электронном каталоге ФГБУ «Российская государственная библиотека», выявленного дополнительно при программной оценке оригинальности диссертации Яковлевой С.В.

1. По результатам постраничного параллельного сравнения текстов (без применения средств автоматизированной проверки текстовых документов) диссертации Яковлевой С.В. на тему «Управление социально-экономическим потенциалом региона» с текстами ранее опубликованных работ, полученных из Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников Минобрнауки России, установлено наличие заимствований, выполненных с нарушением порядка использования заимствованного материала, определенного п. 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», и соответствующим ему п. 11 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.01.2002 г. № 74 «Об утверждении Единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней», действовавшим на момент защиты. Результаты постраничного сравнения текстов представлены в Приложении к заключению диссертационного совета, являющимся его неотъемлемой частью.

1.1. По результатам сравнения текста диссертации Яковлевой С.В. «Управление социально-экономическим потенциалом региона» (2012 г.) с текстом учебного пособия Гаврилова А.И. «Региональная экономика и управление» (2002 г.) установлено, что в тексте диссертации Яковлевой С.В. ссылки на работы Гаврилова А.И. отсутствуют.

Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 20–27 (8 страниц), фактически дословно совпадает с текстом § 11.1 (за исключением одного

предложения), § 11.2 и § 11.3 учебного пособия Гаврилова А.И., стр. 119–125, с сохранением разграничений на абзацы, стилистических выражений и выводов; таблицы 2, 3, 4 и рис. 1 диссертации Яковлевой С.В. полностью заимствованы из учебного пособия Гаврилова А.И. без указания на источник заимствования.

1.2. По результатам сравнения текста диссертации Яковлевой С.В. «Управление социально-экономическим потенциалом региона» (2012 г.) с текстом статьи Аганбегяна А.Г. «О сбалансированности уровня экономического развития и социальной сферы в России» (2011 г.) установлено, что в тексте диссертации Яковлевой С.В. ссылки на работы Аганбегяна А.Г. отсутствуют.

Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 33–51 (19 страниц), фактически дословно совпадает с текстом статьи Аганбегяна А.Г. Заимствованный фрагмент составляет большую часть параграфа 1.2. диссертации Яковлевой С.В. (фрагмент расположен на стр. 34–51, параграф – стр. 28–51). Заимствования произведены сплошным текстом подряд с сохранением авторского разграничения на абзацы, вводных слов и выражений, заимствовано 4 таблицы с полным набором статистических данных, подборкой показателей и прогнозами (таблицы 1–4 в статье Аганбегяна А.Г. и таблицы 5, 7–9 в диссертации Яковлевой С.В.).

1.3. По результатам сравнения текста диссертации Яковлевой С.В. «Управление социально-экономическим потенциалом региона» (2012 г.) с текстом диссертации Галачиевой С.В. «Ресурсное обеспечение макрорегиона в координатах императивов устойчивого социально-экономического развития (на примере Северо-Кавказского федерального округа)» (2011 г.) установлено, что в тексте диссертации Яковлевой С.В. ссылки на работы Галачиевой С.В. отсутствуют.

Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 51–68 (18 страниц), фактически дословно совпадает с текстом диссертации Галачиевой С.В., стр. 59–76, с сохранением разграничений на абзацы, выводов и стилистических выражений («мы полностью согласны с позицией», «мы солидарны» и др.), заимствуются ссылки на источники литературы, одинаковые по расположению и включению в совпадающие предложения, дополнительно введена подстрочная ссылка на источник (Швецов А. Децентрализация федеральной региональной политики // Федерализм. 2006. №4. С. 16), но в библиографическом списке диссертации Яковлевой С.В. данная работа отсутствует.

Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 106–132 (27 страниц), фактически дословно совпадает с текстом диссертации Галачиевой С.В., стр. 113–141, с сохранением разграничений на абзацы, выводов и стилистических выражений, заимствуются ссылки на источники литературы, одинаковые по расположению и включению в совпадающие предложения, включена дополнительно подстрочная ссылка на источник (Маркова Н., Монахова Т. Региональная политика как фактор устойчивого развития российской экономики //

Федерализм. 2004. №2 (34)), указанная публикация не включена в библиографический список диссертации Яковлевой С.В.

1.4. По результатам сравнения текста диссертации Яковлевой С.В. «Управление социально-экономическим потенциалом региона» (2012 г.) с текстом диссертации Русиновой О.С. «Управление социально-экономическим развитием сельских территорий региона (на материалах Ставропольского края)» (2011 г.) установлено, что в тексте диссертации Яковлевой С.В. ссылки на работы Русиновой О.С. отсутствуют.

Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 79–98 (20 страниц), фактически дословно совпадает с параграфом 2.1. диссертации Русиновой О.С. (стр. 59–77), и составил большую часть параграфа 2.2. диссертации Яковлевой С.В. (заимствованный фрагмент расположен на стр. 79–98, а границы параграфа – стр. 77–98). Указанные заимствования произведены сплошным текстом с сохранением авторских вводных слов, разграничения на абзацы, выводов, заимствуются ссылки (одинаковые по расположению и включению в текст совпадающих фрагментов), абсолютно идентичны рисунок 4 и содержание статистических таблиц с 10 по 17 (названия, подборка экономических показателей, временной период данных) диссертации Яковлевой С.В. с аналогичными текстами, таблицами, рисунками диссертации Русиновой О.С.

2. По результатам постраничного параллельного сравнения текста (методом ручной сверки без применения средств автоматизированной проверки текстовых документов проводилось) диссертации Яковлевой С.В. «Управление социально-экономическим потенциалом региона» с дополнительно идентифицированным комиссией диссовета текстом ранее опубликованной диссертации Белякова Д.Е. на тему «Развитие социально-экономического потенциала регионов в условиях рыночной экономики» (2001 г.) установлено наличие заимствований, выполненных с нарушением порядка использования заимствованного материала, определенного п. 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», и соответствующим ему п. 11 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.01.2002 г. № 74 «Об утверждении Единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней», действовавшим на момент защиты.

По результатам сравнения текста диссертации Яковлевой С.В. «Управление социально-экономическим потенциалом региона» (2012 г.) с текстом диссертации Белякова Д.Е. на тему «Развитие социально-экономического потенциала регионов в условиях рыночной экономики» (2001 г.) установлено, что в тексте диссертации Яковлевой С.В. ссылки на работы Белякова Д.Е. отсутствуют.

Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 15–18 (4 страницы), фактически дословно совпадает с текстом диссертации Белякова Д.Е., стр. 6–9, с сохранением разграничений на абзацы, выводов и стилистических выражений, незначительным количеством перефразированных предложений. Отмечено, что соискатель заменяет текстовое описание, которое дано в диссертации Белякова Е.Д. табличной формой, при этом дословно сохраняется содержание заимствованного фрагмента, наблюдается замена в ссылках одних и тех же предложений (ссылка в диссертации Белякова Е.Д. дана на работу Алаева Э.Б., «Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь», которую соискатель заменяет на статью Авдашевой С.Б. «Конкуренция и монопольная власть в экономике России: логика переходного процесса»).

Таким образом, сравниваемые тексты диссертации Яковлевой С.В., и источников, перечисленных в заявлении о лишении ученой степени, а также дополнительно выявленных комиссией, установлено совпадение значительных фрагментов текста с ранее опубликованными работами, присутствуют замены библиографических ссылок в идентичных текстах, искусственное включение Яковлевой С.В. в заимствованный текст дополнительных ссылок на публикации, содержание которых не соответствует заимствованному фрагменту текста, многочисленное заимствование таблиц и рисунков, что, по совокупности, является достаточным обоснованием не случайности перечисленных совпадений текстов диссертации Яковлевой С.В. и ранее опубликованных источников.

В таблице 1 приведены сводные данные по совпадающим страницам (в основной части и заключении диссертации), где имеют место заимствования, выполненные с нарушением порядка использования заимствованного материала в диссертационных работах. Всего заимствований, выполненных с нарушением требования об обязательном наличии ссылок на авторов и (или) источники заимствования материалов или отдельных результатов, выявлено на 96 страницах текста из 136 страниц (70,6% страниц) из основной части и заключения диссертации Яковлевой С.В. (общий объем диссертации – 164 страниц), что превышает количество страниц, указанное в заявлении (90 страниц).

Таблица 1

Источники заимствований, выполненных с нарушением порядка использования заимствованного материала в части оформления ссылок на авторов и (или) источники заимствования материалов	Номера страниц в источнике заимствования	Номера страниц в диссертации Яковлевой С.В.	Количество страниц в диссертации Яковлевой С.В.
Источники, отмеченные в заявлении о лишении ученой степени			
Гаврилов, А.И. Региональная экономика и управление: учеб. пособие для вузов / А.И. Гаврилов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 239 с.	34–51	20–27	8
Аганбегян, А.Г. О сбалансированности уровня экономического развития и социальной сферы в России / А.Г. Аганбегян // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации. Обзоры. – 2011. – № 14. – С. 7–20.	7–20	33–51	19
Галачиева, С.В. Ресурсное обеспечение макрорегиона в координатах императивов устойчивого социально-экономического развития (на примере Северо-Кавказского федерального округа): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: / Галачиева Светлана Владимировна. – Нальчик, 2011. – 301 с.	59–76 113–141	51–68 106–132	18 27
Русинова, О.С. Управление социально-экономическим развитием сельских территорий региона (на материалах Ставропольского края): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: / Русинова Ольга Сергеевна. – Кисловодск, 2011. – 161 с.	59–77	79–98	20
Источник, выявленный при автоматизированной проверке оригинальности			
Беляков, Д.Е. Развитие социально-экономического потенциала регионов в условиях рыночной экономики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: / Беляков Дмитрий Евгеньевич. – Москва, 2001. – 165 с.	6–9	15–18	4

3. По результатам экспертной проверки на заимствования, осуществленной посредством сервиса «Антиплагиат» – <http://susu.antiplagiat.ru>, включающей постраничное отключение из отчета общеупотребительных выражений и библиографических записей, обзор и оценку крупнейших источников заимствования, оригинальность составляет 18,00%, самоцитирование – 12,17%; цитирование – 1,67%, заимствование – 68,16%. По результатам оценки крупнейших источников обнаружены заимствования, выполненные с нарушением порядка использования заимствованного материала в части оформления ссылок на авторов и (или) источники заимствования материалов, объем которых составляет 56,37% от общего объема диссертации (таблица 2).

Таблица 2

№ п/п	Источники заимствований, выполненных с нарушением порядка использования заимствованного материала в части оформления ссылок на авторов и (или) источники заимствования материалов	Доля в тексте / доля в отчете*	Номера страниц, содержащих совпадающие блоки
1	Галачиева, С.В. Ресурсное обеспечение макрорегиона в координатах императивов устойчивого социально-экономического развития (на примере Северо-Кавказского федерального округа): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: / Галачиева Светлана Владимировна. – Нальчик, 2011. – 301 с.	<u>31,92%</u> 25,50%	51–68, 106–132
2	Русинова, О.С. Управление социально-экономическим развитием сельских территорий региона (на материалах Ставропольского края): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: / Русинова Ольга Сергеевна. – Кисловодск, 2011. – 161 с.	<u>14,36%</u> 10,69%	79–98
3	Бостанова, А.И. Организация конкурентоспособного производства за счёт совершенствования системы комплексной оценки трудового потенциала промышленного предприятия: дис. ... канд. экон. наук: 05.02.22: / Бостанова Асият Ильясовна. – Кисловодск, 2007. – 142 с.	<u>12,39%</u> 2,33%	3–5, 7–9, 69, 98–106, 133–145
4	Аганбегян, А.Г. О сбалансированности уровня экономического развития и социальной сферы в России / А.Г. Аганбегян // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации. Обзоры. – 2011. – № 14. – С. 7–20.	<u>11,30%</u> 11,26%	33–51
5	Беляков, Д.Е. Развитие социально-экономического потенциала регионов в условиях рыночной экономики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: / Беляков Дмитрий Евгеньевич. – Москва, 2001. – 165 с.	<u>5,30%</u> 3,88%	4, 11–18, 77
6	Башоров, А.Х. Механизм управления социально-экономическим развитием региона на основе эффективного использования инновационного потенциала: на примере регионов ЮФО: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: / Башоров Аслан Хусенович. – Нальчик, 2009. – 147 с.	<u>4,77%</u> 0,07%	11–18
7	Хачемизова, Э.А. Факторы социально-экономического развития и конкурентоспособности регионов / Э.А. Хачемизова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2009. – № 3. – С. 88–92.	<u>3,30%</u> 1,45%	20–27
8	Кривов, В.Д. Государственные и муниципальные финансы: учебно-методический комплекс / В.Д. Кривов, Н.А. Мамедова. – Москва: Евразийский открытый институт, 2009. – 390 с.	<u>2,81%</u> 1,19%	20–26

*Доля в тексте – отношение объема заимствованного текста по данному источнику к общему объему документа. Доли в тексте по источникам не суммируются. Доля в отчете – отношение объема заимствований, которое учитывается в рамках данного источника, к общему объему документа. Если один и тот же текст был найден в нескольких источниках, он учитывается только в одном из них.

На заседании 07.06.2022 г. диссертационный совет принял решение:

1. Аргументы о наличии в тексте диссертации Яковлевой С.В. на тему «Управление социально-экономическим потенциалом региона» заимствований, выполненных с нарушением порядка использования заимствованного материала, приведенные в заявлении о лишении ученой степени кандидата экономических наук, обоснованы.

2. Диссертация Яковлевой С.В. на тему «Управление социально-экономическим потенциалом региона», представленная на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» (региональная экономика), содержит многочисленные заимствования, выполненные с нарушением порядка использования заимствованного материала, определенного п. 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», и соответствующим ему п. 11 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.01.2002 г. № 74 «Об утверждении Единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней», действовавшим на момент защиты.

3. Рекомендовать лишить Яковлеву Светлану Владимировну ученой степени кандидата экономических наук, присужденной 14.01.2012 г. на заседании диссертационного совета ДМ 521.002.01 при НОУ ВПО «Кисловодский институт экономики и права».

На заседании 07.06.2022 г. при проведении открытого голосования по принятому решению диссертационный совет в количестве 15 человек, из 21 человека, входящего в состав совета, проголосовали: за – 15, против – 0.

Заявитель, заинтересованные лица по рассматриваемому вопросу оповещены надлежащим образом в срок.

Председатель
диссертационного совета

Антонюк Валентина Сергеевна

Ученый секретарь
диссертационного совета

Резепин Александр Владимирович

07.06.2022 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА
Д 212.298.15, СОЗДАННОГО НА БАЗЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АВТОНОМНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)»
МИНИСТЕРСТВА НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ, О РЕЗУЛЬТАТАХ РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ О ЛИШЕНИИ
ЯКОВЛЕВОЙ СВЕТЛАНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

решение диссертационного совета от 07.06.2022 г. № 114

Результаты постраничного сравнения (без применения средств автоматизированной проверки текстовых документов) текста кандидатской диссертации Яковлевой Светланы Владимировны на тему «Управление социально-экономическим потенциалом региона» со следующими источниками:

1. Гаврилов, А.И. Региональная экономика и управление: учеб. пособие для вузов / А.И. Гаврилов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 239 с.

2. Аганбегян, А.Г. О сбалансированности уровня экономического развития и социальной сферы в России / А.Г. Аганбегян // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации. Обзоры. – 2011. – № 14. – С. 7–20.

3. Галачиева, С.В. Ресурсное обеспечение макрорегиона в координатах императивов устойчивого социально-экономического развития (на примере Северо-Кавказского федерального округа): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: / Галачиева Светлана Владимировна. – Нальчик, 2011. – 301 с.

4. Русинова, О.С. Управление социально-экономическим развитием сельских территорий региона (на материалах Ставропольского края): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: / Русинова Ольга Сергеевна. – Кисловодск, 2011. – 161 с.

5. Беляков, Д.Е. Развитие социально-экономического потенциала регионов в условиях рыночной экономики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: / Беляков Дмитрий Евгеньевич. – Москва, 2001. – 165 с. (источник выявлен дополнительно при автоматизированной проверке оригинальности, сравнение текстов проводилось методом ручной сверки).

Сравнение текстов диссертаций приведены с учетом использования курсивного полужирного начертания текста для конкретизации слов и сочетаний, которые изменены и являются вводными или связующими словами, единичными стилистическими заменами, а также для выделения фрагментов в тексте источников заимствования для концентрации внимания на пропущенных словах и заменяемых фрагментах текста. Комментарии экспертов выделены полужирным начертанием текста.

1. Сравнение текста диссертации Яковлевой С.В. на тему «Управление социально-экономическим потенциалом региона» с текстом учебного пособия Гаврилова А.И. «Региональная экономика и управление». В тексте диссертации Яковлевой С.В. ссылки на работы Гаврилова А.И. отсутствуют.

Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 20–27: «(Стр. 20) Социально-экономическое развитие регионов в настоящее время испытывает возрастающее влияние трех главных факторов.

Рыночного — взаимопроникновение региональных, национальных и мирового рынков. *Для России и ее регионов наиболее значимыми являются либерализация внешней торговли и снятие протекционистских ограничений в ближайшем будущем в результате вступления в силу соглашения с ЕС и возможного принятия в ВТО.*

Конкурентного — усиление конкуренции на всех перечисленных рынках, особенно неценовой конкуренции — конкуренции в области качества жизни и инноваций.

Производственного — постепенный переход от фордизма к постфордизму как способу организации производства, что подразумевает: замену массового производства мелкосерийным; заменой вертикальной организации труда — горизонтальной; низкой индивидуальной ответственности — соучастием индивида в производственном процессе.

Эти факторы ведут от территориальной дифференциации и разделения труда к его территориальной интеграции, от гомогенных региональных рынков — к диверсифицированным, а в целом — от национальной региональной политики к собственно региональной на уровне отдельных субъектов Федерации.

Факторы, благоприятные сегодня для размещения на территории предприятий, завтра означают дополнительные возможности для привлечения инвестиций, увеличения занятости и решения других назревших региональных проблем. То есть они одновременно становятся условиями, индикаторами успешного социально-экономического развития регионов в будущем.

(Стр. 21) Необходимо учитывать, таким образом, воздействие этих изменений на конкурентоспособность и хозяйствующих субъектов, и регионов. Например, для регионов это означает, что одни развиваются как экономически наиболее сильные области, способны мобилизовать собственные ресурсы и привлечь дополнительные инвестиции. Другие остаются на периферии, третьи развиваются лишь в отдельных специфичных сферах (пример — туризм). Нужно выяснить, следовательно, какие факторы должны в первую очередь учитывать хозяйствующие субъекты, и какие факторы должны улучшать регионы для повышения своей конкурентоспособности.

Как и всякая экономическая система, регион имеет внутреннюю и внешнюю среду, которые взаимодействуют. Эти связи могут быть как прямого, так и косвенного воздействия.

Для качественной характеристики и оценки динамики изменения внутренней среды достаточно проанализировать следующие группы факторов, характеризующих:

- производственно-ресурсный потенциал региона;
- структуру регионального рынка;
- кадровый потенциал региона;
- региональный бюджет;
- стратегию развития региона.

Внешняя среда региона прямого воздействия включает взаимосвязи с партнерами:

внешними поставщиками товаров и услуг;
внешними потребителями;
регионами-конкурентами;
финансовыми организациями;
транспортными предприятиями.

Среда косвенного воздействия на регион может включать следующие группы факторов влияния:

общеэкономические; **(стр. 22)**
общеполитические;
научно-технические;
природно-экологические;
демографические.

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных факторов

Традиционно в отечественной экономической литературе выделяются следующие группы факторов размещения: природные, демографические, экономико-географические, экономические. Наиболее употребительные факторы названы в гр. 1 табл. 2.

Характерно, что сами названия (не говоря уже об общеизвестной практике применения) несут отпечаток эпохи построения индустриального общества первой половины XX в. с присущим ей экстенсивным способом хозяйствования при ограниченном применении рыночных регуляторов.

В зарубежной теории и практике в настоящее время принят несколько иной стандартный набор факторов. В первую очередь различают две большие группы факторов: так называемые «жесткие» и «мягкие».

Под «жесткими» понимаются количественно измеряемые факторы: а) ориентированные на производственные ресурсы (земля, рабочая сила, капитал); б) ориентированные на производство и сбыт продукции (близость партнеров по кооперации, инфраструктура, структура населения и потребления); в) установленные государством (налоги, система хозяйствования, субсидии и программы поддержки). Наиболее часто используют факторы, показанные в гр. 2 табл.2.

Если между отечественными и жесткими факторами еще можно провести параллели, то мягкие факторы в число первых пока не включены вообще. Они касаются прежде всего количественно трудноизмеряемых категорий: уровня развития социальной среды населенного пункта, его, если можно так выразиться, дружелюбности экономике. В качестве мягких факторов чаще всего упоминают:

- стабильность политической ситуации; **(стр. 23)**
- стабильность общественного климата;
- квалификацию занятых по найму;
- региональную структуру экономики и отдельных предприятий;
- качество системы образования и профессиональной подготовки кадров;
- оснащение региона вузами, технологическими центрами, исследовательскими организациями;
- наличие факторов, ориентированных на производство услуг (экономический и налоговый консалтинг, реклама, маркетинг);

Таблица 2 - Соответствие некоторых отечественных и зарубежных факторов

Отечественные факторы	Зарубежные факторы
Сырьевой — наличие сырья и его экономическая оценка	Расходы на используемое сырье Расходы на комплектующие, полуфабрикаты и услуги со стороны
Топливо-энергетический — обеспеченность ресурсами ТЭК	Расходы на энергию
Водный — обеспеченность водными ресурсами	—
Земельный — обеспеченность земельными ресурсами	Цена земельных участков
Трудовой — обеспеченность трудовыми ресурсами соответствующей квалификации	Уровень заработной платы, включая отчисления на социальные пужды Наличие соответствующих трудовых ресурсов
Транспортный: наличие коммуникаций стоимость перевозок	Транспортное положение и транспортные связи Транспортные издержки Наличие телекоммуникаций
НТП — уровень НТП, обеспечивающий эффективное применение ресурсов	Наличие технологии и ноу-хау
Потребительский — наличие основной массы потребителей товаров и услуг	Покупательная способность населения
Экономико-географическое положение	Территориальное расположение, близость рынков
Агломерационные эффекты	Нагрузка на окружающую среду, инфраструктурное оснащение, эффекты синергии

[1 – Составлено по: Региональная экономика /Под ред. Т.Г. Морозовой. Гл. 4. — М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1995, а также Carmona-Schneider J.J., a.a.O., S.7, Krätke S., a.a.O., S.25.]

(стр. 24)

- отношение к экономике основных действующих лиц региона (предприятий и союзов предпринимателей, работающих по найму и профсоюзов, коммунальных и региональных администраций, политиков);
- качество жизни в регионе (качество жилья, экологическая ситуация, культурные и рекреационные возможности и т.д.).

Новые тенденции в соотношении отдельных факторов.

Соотношение между отдельными факторами размещения их значимость находятся в постоянном движении. Все же середины 90-х годов можно зафиксировать несколько общих изменений, которые в еще большей степени будут действовать на рубеже веков.

Важнейшей тенденцией является то, что значение жестких факторов размещения снизилось в пользу мягких. Именно мягкие факторы все чаще становятся условиями экономического успеха.

По группе жестких факторов в соответствии со структурной перестройкой экономики от первичного (сельское хозяйство) ко вторичному (промышленность) и третичному (услуги и информация) секторам факторы «земля», «близость к источникам сырья», «издержки на заработную плату и первоначальный капитал» теряют свое значение в пользу агломерационных преимуществ (близости рынков, оснащения инфраструктурой и т.д.).

Таблица 3 - Ранжирование факторов по стадиям производственного цикла
(в порядке убывания значимости)

Факторы	Производство	Распределение	Управление /маркетинг/ сбыт	Исследования и развитие
Надежность энергоснабжения	1			
Наличие телекоммуникаций	2	1	1	2
Стабильность политического положения	3	5	2	1
Издержки на заработную плату	4	4	3	
Наличие квалифицированной рабочей силы	5			4

(стр. 25)

Продолжение таблицы 3				
Близость к сети магистральных автодорог		2		
Транспортные издержки		3		
Близость к аэропорту			4	
Здоровая экономическая ситуация			5	
Стабильность социального климата				3
Возможность сотрудничества с исследовательскими организациями				5

В ходе дальнейшего развития транспорта и коммуникаций снизилась роль транспортных издержек. В то же время качество транспортных соединений (наличие международных аэропортов, скоростных железнодорожных линий) играет первостепенную роль.

Среди мягких факторов определяющий вес получают стабильность экономического, социального и политического положения. Возрастает значение близости к исследовательским центрам, хороших условий жизни для высококвалифицированных трудовых ресурсов. Важным фактором становится и само наличие у управленческих структур региона стратегии согласованного развития, которая главной своей целью должна иметь создание благоприятного имиджа региона.

Если дифференцировать факторы не по принципу мягкий — жесткий, а по стадиям производства, то современные предпочтения распределяются следующим образом.

Безусловно, учет этих тенденций на практике подразумевает, что не все они одинаково важны для конкретного населенного пункта или конкретного предприятия. Например, издержки на факторы производства будут, очевидно, и дальше играть решающую роль при изготовлении трудоемкой (стр. 26) конечной продукции или для молодых предприятий с высокой потребностью в капитале.

В аспекте конкретных регионов более высокую значимость будут иметь те факторы, которые характерны для отраслей специализации регионального социально-экономического комплекса.

В более общем плане вес фактора будет зависеть от его способностей локализоваться и быть мобильным: наиболее привязанными к территории будут факторы с сильной концентрацией и немобильные (рис. 1).

Итак, управленческому звену предприятий и организаций, работникам территориальных подразделений по экономике и прогнозированию, финансам, промышленной и инвестиционной политике необходимо адекватно оценивать реальные факторы размещения производительных сил, постоянно и своевременно улавливая современные тенденции.

Мобильность	Локализация	
	концентрированные	дисперсные
Немобильные	Агломерационные преимущества, высокоспециализированная инфраструктура предприятия	Неспециализированная инфраструктура, местные коммунальные земельные участки
Маломобильные	Высококвалифицированные трудовые ресурсы, внутрифирменное ноу-хау	Неквалифицированные трудовые ресурсы
Высокомобильные	Специализированная информация	Неспециализированная информация, банковский капитал по нормальным условиям

Рис. 1. Примеры пространственной дифференциации факторов размещения

Из всей совокупности факторов выделяются главные, действующие в конкретном регионе и/или преимущественно воздействующие на выбор месторасположения конкретного предприятия. (Стр. 27)

Таблица 4 - Ранжирование факторов размещения по отраслям специализации ВВЭР (в порядке убывания значимости)

Факторы размещения	Машино-строение	Автомобиле-строение	Электро-техника	Химическая промышленность	Пищевая промышленность
Издержки на заработную плату	1	3	5		
Наличие телекоммуникаций	2	1	1	5	
Наличие квалифицированной рабочей силы	3		4	2	
Стабильность политического положения	4	4	3	4	3
Надежность энергоснабжения	5	2	2	1	1
Низкие налоги предприятий		5			
Наличие сырья					2
Близость рынков					4
Возможность посменной работы				3	
Близость к сети магистральных автодорог					5

Актуальным требованием становится жесткая работа по анализу и позитивному влиянию на мягкие факторы размещения. Заинтересованные в этом региональные и муниципальные органы власти и управления подталкиваются к долговременной деятельности по улучшению производственной, социальной, институциональной и экологической инфраструктур региона, созданию и поддержанию его имиджа как средства привлечения инвестиций.» – фактически дословно на 8 страницах диссертации (стр. 20–27) совпадает с текстом § 11.1 (за исключением одного предложения – выделено курсивным полужирным начертанием), § 11.2 и § 11.3 учебного пособия Гаврилова А.И. с сохранением разграничений на абзацы, стилистических выражений и выводов, название и содержание табл. 2, 3, 4 и рис. 1 диссертации Яковлевой С.В. полностью заимствованы из учебного пособия Гаврилова А.И. без указания источника заимствования, причем в табл. 2 в источнике заимствования присутствует ссылка на источник данных, а

в диссертации Яковлевой С.В. ссылок на источник данных и источник заимствования нет; текст учебного пособия Гаврилова А.И., стр. 119–125: «(Стр. 119) Социально-экономическое развитие регионов в настоящее время испытывает возрастающее влияние трех главных факторов.

1. Рыночного — взаимопроникновение региональных, национальных и мирового рынков. *Для России и ее регионов наиболее значимыми являются либерализация внешней торговли и снятие протекционистских ограничений в ближайшем будущем в результате вступления в силу соглашения с ЕС и возможного принятия в ВТО.*

2. Конкурентного — усиление конкуренции на всех перечисленных рынках, особенно неценовой конкуренции — конкуренции в области качества жизни и инноваций.

3. Производственного — постепенный переход от фордизма к постфордизму как способу организации производства, что подразумевает: замену массового производства мелкосерийным; заменой вертикальной организации труда — горизонтальной; низкой индивидуальной ответственности — соучастием индивида в производственном процессе.

Эти факторы ведут от территориальной дифференциации и разделения труда к его территориальной интеграции, от гомогенных региональных рынков — к диверсифицированным, а в целом — от национальной региональной политики к собственно региональной на уровне отдельных субъектов Федерации.

Факторы, благоприятные сегодня для размещения на территории предприятий, завтра означают дополнительные возможности для привлечения инвестиций, увеличения занятости и решения других назревших региональных проблем. То есть они одновременно становятся условиями, индикаторами успешного социально-экономического развития регионов в будущем.

Необходимо учитывать, таким образом, воздействие этих изменений на конкурентоспособность и хозяйствующих субъектов, и регионов. Например, для регионов это означает, что одни развиваются как экономически наиболее сильные области, способны мобилизовать собственные ресурсы и привлечь дополнительные инвестиции. Другие остаются на периферии, третьи развиваются лишь в отдельных специфичных сферах (пример — туризм). Нужно выяснить, следовательно, какие факторы должны в первую очередь учитывать хозяйствующие субъекты, и какие факторы должны улучшать регионы для повышения своей конкурентоспособности.

Как и всякая экономическая система, регион имеет внутреннюю и внешнюю среду, которые взаимодействуют. Эти связи могут быть как прямого, так и косвенного воздействия.

Для качественной характеристики и оценки динамики изменения внутренней среды достаточно проанализировать следующие группы факторов, характеризующих:

- производственно-ресурсный потенциал региона;
- структуру регионального рынка;
- кадровый потенциал региона;
- региональный бюджет;
- стратегию развития региона.

(Стр. 120) Внешняя среда региона прямого воздействия включает взаимосвязи с партнерами:

- внешними поставщиками товаров и услуг;
- внешними потребителями;
- регионами-конкурентами;
- финансовыми организациями;
- транспортными предприятиями.

Среда косвенного воздействия на регион может включать следующие группы факторов влияния:

- общеэкономические;
- общеполитические;
- научно-технические;
- природно-экологические;
- демографические.

11.2. Сравнительный анализ отечественных и зарубежных факторов

Традиционно в отечественной экономической литературе выделяются следующие группы факторов размещения: природные, демографические, экономико-географические, экономические. Наиболее употребительные факторы названы в гр. 1 табл. 11.1.

Характерно, что сами названия (не говоря уже об общеизвестной практике применения) несут отпечаток эпохи построения индустриального общества первой половины XX в. с присущим ей экстенсивным способом хозяйствования при ограниченном применении рыночных регуляторов.

В зарубежной теории и практике в настоящее время принят несколько иной стандартный набор факторов. В первую очередь различают две большие группы факторов: так называемые «жесткие» и «мягкие».

Под «жесткими» понимаются количественно измеряемые факторы: а) ориентированные на производственные ресурсы (земля, рабочая сила, капитал); б) ориентированные на производство и сбыт продукции (близость партнеров по кооперации, инфраструктура, структура населения и потребления); в) установленные государством (налоги, система хозяйствования, субсидии и программы поддержки). Наиболее часто используют факторы, показанные в гр. 2 табл. 11.1.

Если между отечественными и жесткими факторами еще можно провести параллели, то мягкие факторы в число первых пока не включены вообще. Они касаются прежде всего количественно трудноизмеряемых категорий: уровня развития социальной среды населенного пункта, его, если можно так выразиться, дружелюбности экономике. В качестве мягких факторов чаще всего упоминают:

- стабильность политической ситуации;
- стабильность общественного климата;
- квалификацию занятых по найму;
- региональную структуру экономики и отдельных предприятий;
- качество системы образования и профессиональной подготовки кадров;
- оснащение региона вузами, технологическими центрами, исследовательскими организациями; (стр. 121)

Соответствие некоторых отечественных и зарубежных факторов¹

<i>Отечественные факторы</i>	<i>Зарубежные факторы</i>
Сырьевой — наличие сырья и его экономическая оценка	Расходы на используемое сырье Расходы на комплектующие, полуфабрикаты и услуги со стороны
Топливо-энергетический — обеспеченность ресурсами ТЭК	Расходы на энергию
Водный — обеспеченность водными ресурсами	—
Земельный — обеспеченность земельными ресурсами	Цена земельных участков
Трудовой — обеспеченность трудовыми ресурсами соответствующей квалификации	Уровень заработной платы, включая отчисления на социальные нужды Наличие соответствующих трудовых ресурсов
Транспортный: наличие коммуникаций стоимость перевозок	Транспортное положение и транспортные связи Транспортные издержки Наличие телекоммуникаций
НТП — уровень НТП, обеспечивающий эффективное применение ресурсов	Наличие технологии и ноу-хау
Потребительский — наличие основной массы потребителей товаров и услуг	Покупательная способность населения
Экономико-географическое положение	Территориальное расположение, близость рынков
Агломерационные эффекты	Нагрузка на окружающую среду, инфраструктурное оснащение, эффекты синергии

[1 – Составлено по: Региональная экономика /Под ред. Т.Г. Морозовой. Гл. 4. — М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1995, а также Carmona-Schneider J.J., a.a.O., S.7, Krätke S., a.a.O., S.25.]

- наличие факторов, ориентированных на производство услуг (экономический и налоговый консалтинг, реклама, маркетинг);
- отношение к экономике основных действующих лиц региона (предприятий и союзов предпринимателей, работающих по найму и профсоюзов, коммунальных и региональных администраций, политиков);
- качество жизни в регионе (качество жилья, экологическая ситуация, культурные и рекреационные возможности и т.д.).

11.3. Новые тенденции в соотношении отдельных факторов

Соотношение между отдельными факторами размещения их значимость находятся в постоянном движении. Все же середины 90-х годов можно зафиксировать несколько общих изменений, которые в еще большей степени будут действовать на рубеже веков.

Важнейшей тенденцией является то, что значение жестких факторов размещения снизилось в пользу мягких. Именно мягкие факторы все чаще становятся условиями экономического успеха (1).

По группе жестких факторов в соответствии со структурной перестройкой экономики от первичного (сельское хозяйство) ко вторичному (промышленность) и третичному (услуги и информация) секторам факторы (стр. 122) «земля», «близость к источникам сырья», «издержки на заработную плату и первоначальный капитал» теряют свое значение в пользу агломерационных преимуществ (близости рынков, оснащения инфраструктурой и т.д.) (2).

Ранжирование факторов по стадиям производственного цикла
(в порядке убывания значимости)¹

Факторы	Производство	Распределение	Управление /маркетинг/ сбыт	Исследования и развитие
Надежность энергоснабжения	1			
Наличие телекоммуникаций	2	1	1	2
Стабильность политического положения	3	5	2	1
Издержки на заработную плату	4	4	3	
Наличие квалифицированной рабочей силы	5			4
Близость к сети магистральных автодорог		2		
Транспортные издержки		3		
Близость к аэропорту			4	
Здоровая экономическая ситуация			5	
Стабильность социального климата				3
Возможность сотрудничества с исследовательскими организациями				5

[1 – Источник : Carmona-Schneider J.J., a.a.O., S.9.]

В ходе дальнейшего развития транспорта и коммуникаций снизилась роль транспортных издержек. В то же время качество транспортных соединений (наличие международных аэропортов, скоростных железнодорожных линий) играет первостепенную роль.

Среди мягких факторов определяющий вес получают стабильность экономического, социального и политического положения. Возрастает значение близости к исследовательским центрам, хороших условий жизни для высококвалифицированных трудовых ресурсов. Важным фактором становится и само наличие у управленческих структур региона стратегии согласованного развития, которая главной своей целью должна иметь создание благоприятного имиджа региона (3).

Если дифференцировать факторы не по принципу мягкий — жесткий, а по стадиям производства, то современные предпочтения распределяются следующим образом (4).

Безусловно, учет этих тенденций на практике подразумевает, что не все они одинаково важны для конкретного населенного пункта или конкретного предприятия. Например, издержки на факторы производства (стр. 124) будут, очевидно, и дальше играть решающую роль при изготовлении трудоемкой конечной продукции или для молодых предприятий с высокой потребностью в капитале.

В аспекте конкретных регионов более высокую значимость будут иметь те факторы, которые характерны для отраслей специализации регионального социально-экономического комплекса.

В более общем плане вес фактора будет зависеть от его способностей локализоваться и быть мобильным: наиболее привязанными к территории будут факторы с сильной концентрацией и немобильные (рис. 11.1).

Итак, управленческому звену предприятий и организаций, работникам территориальных подразделений по экономике и прогнозированию, финансам, промышленной и инвестиционной политике необходимо адекватно оценивать

реальные факторы размещения производительных сил, постоянно и своевременно улавливая современные тенденции. (Стр. 125)

<i>Мобильность</i>	<i>Локализация</i>	
	<i>концентрированные</i>	<i>дисперсные</i>
Немобильные	Агломерационные преимущества, высокоспециализированная инфраструктура предприятия	Неспециализированная инфраструктура, местные коммунальные земельные участки
Маломобильные	Высококвалифицированные трудовые ресурсы, внутрифирменное ноу-хау	Неквалифицированные трудовые ресурсы
Высокомобильные	Специализированная информация	Неспециализированная информация, банковский капитал по нормальным условиям

Рис. 11.1. Примеры пространственной дифференциации факторов размещения

Из всей совокупности факторов выделяются главные, действующие в конкретном регионе и/или преимущественно воздействующие на выбор месторасположения конкретного предприятия.

Таблица 11.3
Ранжирование факторов размещения по отраслям специализации ВВЭР (в порядке убывания значимости)

<i>Факторы размещения</i>	<i>Машиностроение</i>	<i>Автомобилестроение</i>	<i>Электротехника</i>	<i>Химическая промышленность</i>	<i>Пищевая промышленность</i>
Издержки на заработную плату	1	3	5		
Наличие телекоммуникаций	2	1	1	5	
Наличие квалифицированной рабочей силы	3		4	2	
Стабильность политического положения	4	4	3	4	3
Надежность энергоснабжения	5	2	2	1	1
Низкие налоги с предприятий		5			
Наличие сырья					2
Близость рынков					4
Возможность посменной работы				3	
Близость к сети магистральных автодорог					5

(Стр. 125) Актуальным требованием становится жесткая работа по анализу и позитивному влиянию на мягкие факторы размещения. Заинтересованные в этом региональные и муниципальные органы власти и управления подталкиваются к долговременной деятельности по улучшению производственной, социальной, институциональной и экологической инфраструктур региона, созданию и поддержанию его имиджа как средства привлечения инвестиций.».

2. Сравнение текста диссертации Яковлевой С.В. на тему «Управление социально-экономическим потенциалом региона» с текстом статьи Аганбегяна А.Г. на тему «О сбалансированности уровня экономического развития и социальной сферы в России». В тексте диссертации Яковлевой С.В. ссылки на работы Аганбегяна А.Г. отсутствуют.

Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 34–51: «(Стр. 34) Международные рейтинги, в которых сравниваются экономические и социальные

показатели различных стран, свидетельствуют о большом отставании России (табл. 5).

Таблица 5. - Место России среди 146 стран по уровню экономического развития и социальных показателей

Показатели	Место России среди 146 стран мира
Уровень экономического развития (ВВП в расчете на душу населения)	43
Реальные доходы на душу населения	50
Индекс социального развития (объединяет показатели уровня реальных доходов, продолжительности жизни и образования)	65
Уровень образования	40
Обеспеченность комфортным жильем (оценка)	100
Средняя продолжительность жизни, в том числе у мужчин	105 130
Здоровье нации	127
Качество здравоохранения	130

Как видно из таблицы, только образование находится практически на уровне экономического развития.

Что касается реальных доходов в расчете на душу населения, то их место оказалось более низким, чем уровень экономического развития (50-е в сравнении с 43-м). Причина — высокий удельный вес потребления госорганов в составе валового внутреннего продукта, которое составляет в России около 20% в сравнении с 5—10% в большинстве других стран. Поэтому удельный вес конечного потребления домашних хозяйств в составе ВВП России оказывается весьма низким — около 50% против 60% и более в большинстве развитых стран.

Индекс социального развития, который ООН считает главным комплексным показателем развития социальной сферы, существенно отстает от уровня экономического развития — 65-е место в сравнении с 43-м. Главная (стр. 35) причина — крайне низкий показатель ожидаемой продолжительности жизни в России по сравнению с другими странами. По этому важнейшему показателю, характеризующему уровень жизни населения, Россия занимает лишь 105-е место, отставая не только от всех развитых стран, но и от большинства развивающихся, в том числе тех из них, уровень экономического развития которых в 1,5—2 раза ниже, чем в России.

Если говорить предметно, то средняя продолжительность предстоящей жизни в России составляет 68,7 года (2009). Примерно такого же уровня Россия достигала в середине 1960-х гг., а в середине 1980-х гг. этот показатель даже превысил 70 лет. В то время Россия отставала от самых развитых стран на 1—3 года.

За последние 40—50 лет большинство стран мира увеличило среднюю продолжительность жизни примерно на 10 лет, и сейчас в развитых странах этот показатель составляет 79 лет. При этом неуклонно растет число стран, где средняя продолжительность жизни превышает 80 лет (Австралия, Германия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Франция, Швейцария, Швеция, Япония). Даже Азербайджан, Армения, Болгария, Бразилия, Китай, Румыния, Таджикистан, Турция имеют ожидаемую продолжительность жизни 72—74 года, а Мексика, Польша, Корея — 76—79 лет.

Такая низкая ожидаемая продолжительность жизни в России связана с повышенной смертностью. В 2010 г. на 1000 человек населения в России умерло 14,3

человека против 9 в Европе и 12 в развивающихся странах (при корректировке по возрастной структуре населения). Из примерно 2 млн умерших в России, при применении европейских коэффициентов смертности, должно было бы умереть 1300 тыс. человек, т. е. на 700 тыс. меньше. При этом в России около 30% умерших (610 тыс. человек) умерли в трудоспособном возрасте. В Европе в трудоспособном возрасте умирают только около 10%, т. е. если бы европейские нормы действовали в России, в трудоспособном возрасте умерли бы 130 тыс. человек — на 480 тыс. человек меньше.

(Стр. 36) Соответственно, в сравнении с развивающимися странами, имеющими примерно тот же или даже более низкий уровень экономического развития, чем в России, у нас должно было бы умереть около 1700 тыс. человек, т. е. на 300 тыс. меньше. Смертность в трудоспособном возрасте в этих странах не превышает 20%. При применении показателей развивающихся стран к России смертность среди трудоспособного населения должна была бы составить 340 тыс. человек, т. е. на 270 тыс. человек меньше, чем это фактически имело место.

Кстати, миграционный приток населения в Россию — положительное сальдо миграции — с 2001 г. в среднем за год оказывается меньше потерь от смертности трудоспособного населения не только в сравнении с развитыми странами (здесь положительное сальдо в 1,5—2 раза ниже), но даже в сравнении с развивающимися странами.

Особенно низка средняя продолжительность жизни мужского населения России. В 2009 г. она составляла 62,8 года — почти такая же, как в беднейшей стране мира Индии, где уровень экономического развития в шесть раз ниже, чем в России. Даже в беднейших странах — Киргизии, Туркмении, Молдове — этот показатель составляет 65—67 лет; в Бразилии — 69 лет, в Китае — 71 год, в Мексике — 74 года, в Республике Корея — 79 лет и т. д. Напомним, в развитых странах этот показатель составляет 77—80 лет.

Обращает на себя внимание также крайне низкий уровень обеспеченности российского населения комфортным жильем, по этому показателю Россия даже не входит в первую сотню стран мира, уступая всем развитым странам и большинству развивающихся. Средняя обеспеченность жильем российского населения на конец 2009 г. составила 22,4 м² на человека. При этом 23% жилищного фонда не обеспечено водопроводом и 27% — канализацией. В сельской местности, где проживают более 38 млн человек (27% населения), 53% жилья не имеет водопровода и 62% — канализации. Горячего водоснабжения не имеют 35% населения страны, в том числе 75% **(стр. 37)** сельского населения. По стандартам, помещение без водопровода, канализации, горячего водоснабжения вообще не может считаться жильем. При этом средняя обеспеченность населения развитых стран Европы комфортным жильем составляет от 40 до 60 м² на душу населения — вдвое-втрое больше, чем в России, а в США — 70 м², т. е. вчетверо больше.

Мы не затрагиваем здесь таких показателей уровня жизни, как экология и безопасность жизни. По этим показателям Россия тоже стоит в конце списка развитых и развивающихся стран: у нас плохая экология, высокая смертность населения на дорогах, один из самых высоких в мире уровней самоубийств и убийств и т. д.

Возникает вопрос: почему в сравнении с экономическими показателями показатели уровня жизни в России намного ниже соответствующих показателей в других странах?

По-видимому, причины лежат в нашей нелегкой истории: значительная часть ресурсов страны отвлекалась на развитие тяжелой промышленности и, особенно, оборонных отраслей, а также содержание огромных вооруженных сил. Все эти траты, естественно, проводились за счет населения, которое недополучало свою долю финансирования. Социальная сфера финансировалась фактически по остаточному принципу. Среди других стран мы выделялись крайне низким уровнем заработной платы и доходов населения, в том числе самыми низкими заработными платами учителей и врачей, минимальными размерами пенсий и стипендий, самой низкой долей расходов на здравоохранение, крайним отставанием в объемах жилищного и коммунально-бытового строительства.

В советское время господствовала идеология преимущественного развития производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления. Ведущие отрасли тяжелой промышленности именовались гордо: металлургия — «хлеб промышленности», машиностроение — ее «сердцевина», нефтегазовая промышленность — «кровеносная система». А вот потребительские товары для населения, напротив, характеризовались **(стр. 38)** унижительным словом «ширпотреб»; для их производства стремились не создавать специализированные отрасли, их призывали делать из отходов производства тяжелой промышленности. Металлическая посуда производилась металлургами; производство холодильников, стиральных машин пытались организовать при оборонных заводах и т. д. Работники легкой и пищевой промышленности, где преобладал тяжелый конвейерный труд или труд с принудительным ритмом, задаваемым работой оборудования, получали меньше всех. Это были самые бедные в России отрасли по социальным, в том числе пенсионным, льготам, с преобладанием тяжелого женского труда, часто трехсменного. Наиболее пренебрежительное отношение в советское время было к работникам торговли, которые в кинофильмах, художественной литературе обычно фигурировали в качестве расхитителей госимущества, «воришек». Не лучшим было отношение и к работникам важнейшей для населения жилищно-коммунальной сферы. Сантехник, к примеру, обычно ассоциировался с пьяницей. Что касается артелей, производящих важные потребительские товары, то считалось, что в них преобладают инвалиды.

Другими словами, разве мог нормальный человек — «строитель коммунизма» — пойти в торговлю, жилищно-коммунальное хозяйство, на работу в артель? Для этого можно использовать «второстепенный человеческий материал». А нормальные трудящиеся должны работать станочниками, крановщиками, металлургами и т. п.

При изменении социально-экономического строя нашей страны и переходе от административно-планового управления к рыночному хозяйству многое изменилось. Сфера услуг, которая в советское время составляла только 30 % ВВП, увеличилась до 60 %. Особенно быстро начали развиваться услуги в области торговли, финансов, операций с недвижимостью. Постепенно стало меняться и отношение к этим сферам деятельности.

(Стр. 39) Однако образование, здравоохранение, наука на первых порах оказались на «задворках» развития народного хозяйства. И старые диспропорции и

недооценка этих ключевых сфер в современном обществе во многом сохранились. По-прежнему зарплаты учителей и врачей ниже зарплат промышленных рабочих, не говоря уже о доходах инженерно-технических кадров. Пренебрежительное отношение осталось к жилищно-коммунальному хозяйству, роль которого резко выросла. В поставке промышленных потребительских товаров преобладает импорт. Эти отрасли, а также наша легкая промышленность и производство промышленных потребительских товаров опять оказались на обочине развития.

Чуть лучше положение в пищевой промышленности. Сюда пришел капитал, отрасль обновилась. Были созданы крупные объединения. Но и здесь до половины всего продовольствия продолжает завозиться по импорту, поэтому и пищевая промышленность сталкивается в развитии с большими трудностями.

При невнимании государства, особенно проявившемся в 1990—2005 гг., образование и здравоохранение, чтобы выжить, все больше переходили на платную основу, в том числе развивая теневой бизнес с широким распространением подношений и взяток.

Уровень образования в России, поначалу очень высокий, так как без образования нельзя было решать проблемы развития тяжелой промышленности и, особенно, обороны страны, с каждым годом все более понижался. И вот теперь дошло до 40-го места. А ведь раньше по этому показателю мы входили в десятку передовых стран. Когда был запущен первый спутник, в США провели широкое изучение причин того, почему Россия оказалась впереди. В результате был сделан правильный вывод: причина успеха России — в лучшем образовании. В то время наша страна на образование тратила 10% национального дохода, а США — 4%. В США и других развитых странах начался подлинный бум образования, а в России, напротив, доля расходов на образование в составе ВВП стала сокращаться. И (стр. 40) сейчас на образование в России тратится менее 5% ВВП против 11% в США и 8—9% во многих развитых странах.

Еще хуже обстоят дела со здравоохранением. В условиях глубокого 10-летнего трансформационного кризиса финансирование здравоохранения со стороны государства сократилось в разы. Доходы работников других отраслей намного превысили скромные доходы работников здравоохранения. Качество лечения, его объемы сократились. И, как следствие, стала расти смертность населения, которая с 11 человек на 1000 населения в 1980-е гг. выросла до 16 человек к 2005 г. Соответственно, средняя продолжительность жизни сократилась с 69 лет в 1990 г. до 65 лет в 2000—2005 гг. Продолжительность жизни мужчин при этом сократилась с 64 до менее чем 59 лет. Рейтинг России по здоровью населения, продолжительности жизни, качеству здравоохранения резко упал в сравнении с другими странами, которые ежегодно наращивали усилия и улучшали условия здравоохранения в своих странах. И только с 2006 г., когда благодаря национальной программе «Здоровье» начали проводиться меры по улучшению здравоохранения, показатели смертности и продолжительности жизни стали демонстрировать позитивную динамику.

В период трансформационного кризиса инвестиции в народное хозяйство страны, в том числе и в жилье, снизились в 5 раз. Поэтому с 1990 до 2001 г. объем жилищного строительства сократился почти вдвое, а потом стал весьма медленно расти. Благоустройству жилья практически не уделялось сколько-нибудь заметного внимания. Например, за 15 лет (с 1995 г.) удельный вес жилья, обеспеченного

водопроводом, увеличился лишь на 6 процентных пунктов (п. п.) (с 71 до 77%), канализацией — на 7 п. п. (с 66 до 73%), горячим водоснабжением — на 10 п. п. (с 55 до 65%), газификация жилищного фонда осталась на одном уровне — 69%. При этом количество ветхого и аварийного жилья за последние 10 лет практически не сократилось. Объем жилищного строительства в расчете на душу населения в России как **(стр. 41)** был, так и остался ниже показателей развитых стран, где обеспеченность жильем в два-три раза выше, не говоря уже о его благоустройстве.

Так сложилось наше хроническое отставание по социальным показателям от уровня экономического развития.

Социальная эффективность экономического роста

После 9—10-летнего трансформационного кризиса (1990—1998/99 гг.), который был связан с распадом СССР, шоковым переходом к рынку и стихийно происшедшей массовой конверсией военного производства, уровень развития экономики и уровень жизни людей резко снизились. За эти годы ВВП сократился в 1,8 раза, а реальные доходы населения снизились в 1,9 раза. Инвестиции за это время обвалились почти в 5 раз.

Затем (с 1999 г. в экономике и с 2000 г. в социальной сфере) начался довольно интенсивный 9—10-летний подъем с достижением максимальных показателей в 2008 г. ВВП страны вырос на 90% и в 2007 г. впервые превысил уровень докризисного 1989 г., реальные доходы населения превысили этот уровень в 2005 г., а в 2008 г. превзошли его на 30% — из-за более быстрого роста потребления в составе ВВП (благодаря сокращению доли инвестиций и расходов на вооружение) и из-за снижения численности населения страны в связи с депопуляцией. Инвестиции при этом достигли в 2008 г. 60% уровня 1989 г. в результате их увеличения за 10 лет в 2,8 раза.

В какой мере этот экономический подъем повлиял на улучшение социальных показателей? Ответ на этот вопрос и покажет нам социальную эффективность экономического роста. Прежде всего отметим, что при увеличении ВВП на 90% реальные доходы населения выросли в 2,3 раза. Эти реальные доходы увеличивались у всех слоев населения — и бедных, и средних, и богатых. Об этом свидетельствуют не только статистические показатели, но и опросы различных групп семей.

Расхожее мнение, что в течение этого десятилетнего экономического подъема бедные беднели, а богатые богатели, не соответствует **(стр. 42)** действительности. За это время значительно сократилась и бедность населения.

Теперь перейдем от средних показателей к дифференциации доходов. Недостаточно сказать, что в среднем доходы намного выросли. Возникает вопрос: у каких слоев населения и насколько они выросли, кто получил наибольшую пользу от экономического подъема? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим таблицу 2.

Таблица 7. - Данные по распределению общего объема денежных доходов населения по группам с разной доходностью, %

Распределение общего объема денежных доходов населения	2000	2004	2008
Денежные доходы, всего	100	100	100
В том числе по 20%-ным группам населения: первая (с наименьшими доходами)	5,9	5,4	5,1
вторая	10,4	10,1	9,8
третья	15,1	15,1	14,8
четвертая	21,9	22,7	22,5
пятая (с наибольшими доходами)	46,7	46,7	47,8
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов – средний доход 10% населения с наибольшими доходами по сравнению с доходом 10% населения с наименьшими доходами), раз	13,9	15,2	16,7

Источник: Российский статистический ежегодник – 2010. Федеральная служба государственной статистики РФ. — М., 2010. С. 190.

Как видно, в наибольшей мере за десять лет увеличилась доля доходов пятой группы с наибольшими доходами. Она увеличилась на 1,1 п. п. (с 46,7 до 47,8%). Немного прибавила, на 0,6 п. п. (с 21,9 до 22,5%), четвертая группа, примыкающая к пятой. В сумме эти группы увеличили долю доходов на 1,7 п. п. (с 68,6 до 70,3%). Группа населения со средним доходом сократила свою долю на 0,6 п. п. (с 15,4 до 14,8%). Вторая группа, примыкающая к бедным, и первая группа с наименьшими доходами также сократились на 0,6 п. п.: с 10,4 до 9,8% и с 5,7 до 5,1% соответственно.

(Стр. 43) Таким образом, пятая и четвертая группы получили наибольший прирост денежных доходов населения не только в абсолютной сумме из-за того, что средний доход у них выше других, но и потому, что их доходы в процентном отношении росли быстрее, чем у более бедных слоев населения.

Первая, вторая и третья группы тоже увеличили средний доход: первая группа меньше других, вторая немного больше и третья еще больше, но намного меньше, чем четвертая и пятая, поскольку доля первой, второй и третьей групп в общих доходах сократилась.

В реальном выражении средние доходы за период с 2000 по 2008 г. у пятой и четвертой группы выросли в 2,2 раза, у второй и третьей — в 2 раза, а у первой — в 1,8 раза. Цифры говорят сами за себя.

Эти номинальные показатели должны быть скорректированы на индекс инфляции, которая в малообеспеченных группах по крайней мере вдвое выше, чем у высокообеспеченных групп населения. Это связано с тем, что наибольшая инфляция наблюдается в жилищно-коммунальной сфере и на продовольственном рынке. А именно эти две статьи расходов занимают преобладающее место в бюджете малообеспеченных групп. Что касается высокооплачиваемой группы населения, то доля продовольственных товаров и жилищно-коммунальных услуг у них имеет вдвое меньший удельный вес в расходах, значительная часть которых приходится на покупку зарубежных товаров, где инфляция в разы меньше. Поэтому в реальном выражении расхождение в уровне жизни бедных и богатых много выше, чем это видно из сравнительных цифр по номинальным доходам. Следовательно, подавляющая часть социального вклада от экономического роста пошла высокообеспеченным семьям, притом не только в абсолютном значении: и по темпам роста уровня жизни они существенно опережали малообеспеченные слои населения.

Однако «не хлебом единым жив человек» — важной составляющей современной жизни является обеспеченность жильем. Здесь прирост обеспеченности оказался намного ниже по сравнению с ростом уровня (**стр. 44**) экономического развития и реальных доходов. Если ВВП в 2008 г. превысил лучшие показатели советской России на 8 %, а по реальным доходам это превышение в среднем составило около 30 %, то по вводу жилья мы еще не достигли лучших показателей советского периода (около 73 млн м² в 1987 г.).

Кроме того, в период кризиса ввод жилья в России сократился с 64 млн м² (2008) до 60 млн м² (2009) и 58 м² (2010). В 2011 г. ожидается дальнейшее сокращение объема ввода жилья, в то время как объем ВВП докризисного 2008 г. и реальных доходов будет восстановлен в 2011 г., в крайнем случае в начале 2012 г. Иными словами, наше отставание по жилищной обеспеченности в период кризиса и первых послекризисных лет усугубилось.

Худшими из социальных показателей в России, как говорилось выше, являются показатели продолжительности жизни, смертности, здоровья населения и качества здравоохранения. В эту сферу в последние годы правительство вкладывает все большие средства, обновляя медицинскую технику, открывая новые высокотехнологические центры, стимулируя производство лекарств в России, ремонтируя больницы и поликлиники.

Это сказалось на общих результатах в здравоохранении. С 2006 г. началось сокращение смертности населения России: она снизилась к 2010 г. с 16,2 до 14,3 в расчете на 1000 человек населения. Ежегодно снижается и детская смертность: на 1000 детей, родившихся живыми, смертность к 2009 г. снизилась до 8,1, в то время как, например, в 2000 г. детская смертность составляла 15,3 человека на 1000 человек. Однако если смотреть не на динамику, а на уровни смертности, то картина получается неутешительная. Уровень детской смертности у нас пока более чем вдвое превышает среднюю младенческую смертность в развитых странах Европы. Младенческая смертность в Финляндии, Швеции, Норвегии составляет 2,5—2,7 человека на 1000 детей, родившихся живыми; в Италии, Германии, Австрии, Нидерландах — 3,5—4 человека.

В последние годы удалось достичь увеличения рождаемости в России. Она стала расти с 2004 г. и на 1000 человек населения увеличилась к 2009 г. с (**стр. 45**) 10,4 до 12,4. В связи с сокращением смертности немного повышается и показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. С 2001 по 2009 г. этот показатель вырос с 65,2 до 68,7 года. Однако обращает на себя внимание тот факт, что мощный экономический подъем в первые 5—6 лет не вызвал заметного улучшения здоровья населения, роста продолжительности жизни, сокращения общей смертности и т. д.

И только в последние три года (после ввода в действие национального проекта) произошла смена тренда. Смертность стала снижаться, а продолжительность жизни возрастать. Правда, в 2008 г. показатель смертности остался на уровне 2007 г. (14,6), а в 2010 г., возможно из-за аномальной жары и смога, в центре России показатель общей смертности немного вырос — с 14,2 до 14,3 человека на 1000 человек населения. И соответственно, немного снизилась средняя продолжительность жизни. Что касается младенческой смертности, то она продолжала снижаться и в 2010 г.

Анализ этих тенденций не должен заслонить тот факт, что существующая продолжительность жизни в России — показатель, совершенно не соответствующий месту России в мире, уровню ее экономического развития. Положение здесь даже при благоприятном тренде остается катастрофически плохим и требует принятия немедленных мер для исправления ситуации.

Если по объему ВВП, уровню экономического развития и реальным доходам мы достигли и даже превзошли лучшие показатели советского времени, то по другим социальным показателям — уровню образования, качеству здравоохранения, показателям смертности и продолжительности жизни, а также объемам жилищного строительства наше положение существенно ухудшилось.

Напомним, что в 1990 г. уровень рождаемости в России составлял 13,4%, а смертности — 11,2%. Поэтому на 1000 человек естественный прирост населения был 2,2 человека. При численности населения России в 148 млн человек это давало естественный прирост населения 300 тыс. (стр. 46) человек в год. В результате трансформационного кризиса коэффициент рождаемости снизился до 8,9 человека, а смертность выросла до 14,2 на 1000 человек населения. Кривая смертности намного превысила кривую рождаемости, и естественная убыль населения на 1000 человек составила в 1996 г. 5,3 человека. Когда число умерших стало превышать число родившихся, началась депопуляция. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. ежегодное сокращение численности населения в год превысило 900 тыс. человек, и численность населения России, несмотря на положительный миграционный поток, со 148 млн человек уменьшилась до 142 млн.

Число родившихся постепенно восстанавливается: к 2009 г. оно достигло 12,4 человека (в сравнении с 13,4 в 1990 г.) на 1000 человек. Однако показатели смертности пока намного выше, чем были раньше. Они выросли с 11 на 1000 человек в 1990 г. до 14,2 на 1000 человек в 2009 г., поэтому депопуляция пока продолжается в размере примерно 300 тыс. человек в год.

Возвращаясь к общей проблеме эффективности экономического роста, мы можем констатировать наличие противоречивых результатов. С одной стороны, экономический рост привел к значительному увеличению реальных доходов населения, притом всех групп — и низкооплачиваемых, и высокооплачиваемых. Жилищное строительство в годы подъема экономики увеличивалось, хотя и не достигло лучших результатов советского периода. В годы кризиса и послекризисного восстановления эти показатели опять скатились вниз. Хуже всего обстоит дело с показателями в области охраны здоровья. Существенно удалось повысить рождаемость и снизить младенческую смертность, хотя последняя еще вдвое выше, чем в Западной Европе. В последние пять лет немного снижается общая смертность и растет ожидаемая продолжительность жизни, но эти показатели пока не достигли показателей не только 80-х, но и 60-х гг. За это время другие страны сделали большой рывок вперед, и наше отставание здесь возросло.

Но, пожалуй, самым негативным последствием постсоциалистического развития страны явился небывалый рост дифференциации доходов населения. (Стр. 47) Децильный коэффициент дифференциации доходов, составлявший в советское время 3 раза, увеличился почти до 17. Если в 1990 г. в первой 20%-ной группе с наименьшими доходами было около 10% населения, то сейчас ее численность сократилась примерно до 5%. Соответственно, к пятой группе с наибольшими

доходами относилось менее трети населения, сейчас ее процент приближается к 48. По сравнению с 1990 г. все группы населения теряют доходы, приобретает же только одна — пятая группа с наибольшими доходами. Как ни печально это констатировать, но подавляющая часть социального эффекта от экономического развития коснулась населения с наивысшими доходами, а наименьший рост уровня жизни наблюдается у малообеспеченных групп. Поэтому мы считаем социальный эффект от экономического развития низким, неадекватным, неэффективным, противоречащим общечеловеческим тенденциям. Децильный коэффициент дифференциации доходов в России вдвое выше, чем в странах Еврозоны (6—10 раз), и втрое выше, чем в Японии (5 раз). Именно к этим, самым передовым показателям в мире в нашей среднесрочной и долгосрочной социальной политике мы должны стремиться.

Прогнозы Минэкономразвития показывают, что может ожидать нас в среднесрочной перспективе в ближайшие три года (табл. 8).

Таблица 8 - Прогноз Минэкономразвития по основным показателям народного хозяйства на 2011–2013 гг., прирост, %

Показатели	2010 (фактич.)	2011	2012	2013
ВВП	4	4,2	3,9	4,5
Промышленность	8,2	5,4	3,8	4,9
Инвестиции	6	6	3,5	4,4
Реальная заработная плата	4	1,5	4	4,7
Приток (отток) капитала (в млрд долл.)	-35	10	5	0

Источник: прогноз социально-экономического развития России до 2013 г. Сайт Минэкономразвития России с коррекцией в апреле 2011 г.

(Стр. 48) Старая модель экономического развития ведет нашу страну в тупик, все больше увеличивая отставание экономики России по основным экономическим и социальным показателям от стремительно развивающейся мировой экономики в целом и, особенно, экономик развивающихся стран, чей ВВП даже в кризисном 2009 г. вырос на 2%, в 2010 г. — на 5,3%, а с 2011 г., по прогнозу МВФ, вырастет на 6,5%. Кроме того, норма инвестиций у развивающихся стран поддерживается на уровне 35% в сравнении с 21% в России. Поэтому стратегические задачи социально-экономического развития России, нацеленные на достижение в обозримый исторический период сначала уровня развитых, а затем и уровня самых развитых стран, смогут быть выполнены только при переходе к новой модели экономики. Формирование такой модели — наша ключевая, основополагающая, неотложная задача.

Новая модель прежде всего должна быть моделью всесторонней модернизации социально-экономической системы.

Предстоит модернизировать реальный сектор экономики:

— обновить за 10—12 лет материально-техническую базу страны, сократив средний срок службы машин и оборудования с 19 до 8—10 лет;

— преобразовать структуру народного хозяйства в направлении повышения доли готовой продукции с высокой добавленной стоимостью; прежде всего, в разы поднять удельный вес высокотехнологичных, наукоемких и инновационных производств, удвоив роль экономики знаний (науки, информационных технологий, образования, биотехнологии, здравоохранения) в формировании ВВП России;

— утроить жилищное и инфраструктурное строительство, создать современную транспортную систему, сделав эти отрасли локомотивом развития всего народного хозяйства страны.

(Стр. 49) При этом должны быть созданы экономические и социальные условия для ускоренного развития. С этой целью в ходе структурных институциональных реформ нужно модернизировать:

— отношения собственности, освободив госсобственность от коммерческих предприятий и организаций, не выполняющих государственные функции, проведя новый крупный рыночный этап приватизации и подняв долю частной собственности с 30—35% до 65—70%, радикально подняв малый и средний бизнес;

— финансовую сферу, включая всестороннюю «банкизацию» страны с доведением суммарных активов банков до 150—200% ВВП с нынешних 75%.

В рамках финансовой системы предстоит:

— создать рыночные фонды «длинных» денег (фонд накопительных пенсий, фонд страхования и паевые фонды при резком увеличении долгосрочных пассивов коммерческих банков) и сформировать современный рынок капитала с единой крупной открытой биржей;

— сформировать цивилизованную конкурентную среду с сильным антимонопольным законодательством, преодолев не только олигархические, но и государственные монополии типа Газпрома, Сбербанка, РЖД, «Аэрофлота», не говоря о «Роснефти», «АвтоВАЗе», «Связьинвесте» и т. п.;

— углубить рыночные отношения в аграрно-промышленном секторе на основе перехода к земельному рынку, залогу земли и формированию наряду с высокоэффективными и технологически продвинутыми малыми и средними предприятиями крупных аграрно-промышленных комплексов, охватывающих всю цепочку «от поля до прилавка»;

— довести до конца реформирование всей социальной сферы, освободившись от пережитков социалистического иждивенчества и перейдя к ее современной структуре;

— коренным образом перестроить систему регионального управления, преобразовав отжившую административно-территориальную систему с преобладанием дотационных субъектов федерации прежде всего среди **(стр. 50)** относительно небольших регионов и сформировав систему крупных губерний с самофинансированием, самокупаемостью и самоуправлением при наличии стратегических общегосударственных территориальных программ.

Эта социально-экономическая модернизация, естественно, должна быть подкреплена модернизацией судебно-правовой системы, проводящимся реформированием вооруженных сил, необходимыми политическими изменениями.

При новой модели социально-экономического развития норма инвестиций должна быть повышена до 35—40%, что позволит ускорить развитие экономики страны до 5—6% в год и тем самым создать экономическую базу для решения назревших социальных проблем.

Речь идет, прежде всего, о коренном улучшении жилищной обеспеченности граждан с доведением нормы комфортного жилья, приходящегося на одного человека в России хотя бы до 40 м² — минимального уровня развитых стран. Реформирование, в котором нуждаются все виды российского образования — школьное, вузовское,

среднее профессиональное, высшее и послевузовское, — позволит вернуть Россию в число передовых по уровню образования и качеству человеческого капитала стран мира.

Самой трудной задачей в социальной сфере станет реформирование всей системы здравоохранения и подтягивание ее уровня до уровня передовых стран мира. Речь идет о том, что за 20—25 лет предстоит сократить смертность в России с 14 до 9 человек в расчете на 1000 человек населения, а младенческую смертность до 4 человек на 1000 родившихся детей, поднять рождаемость до 14, увеличить продолжительность жизни до 79 лет, в том числе мужчин до 75.

В таблице 9 показана возможная динамика международного рейтинга России по социальным показателям. (Стр. 51)

Таблица 9 - Место России в международных рейтингах среди 146 стран мира

Показатели	Исходный уровень	Через 10 лет	Через 20 лет	Через 30 лет
Уровень экономического развития	43	35	25	10–20
Индекс социального развития	65	50	35	10–20
Реальные доходы на душу населения	50	40	30	10–20
Средняя продолжительность жизни	105	65	40	10–20
Жилищная обеспеченность	100	65	40	10–20
Здравоохранение	130	70	40	10–20
Образование	40	25	15	5–10
Депопуляция/прирост населения, тыс. человек в год	–478	0	+200	+500

Решение этих жизненно важных задач превратит Россию в одного из лидеров мирового развития как в экономике, так и в социальной сфере.» – абсолютно идентичен тексту статьи Аганбегяна А.Г. (заимствуется 12,5 страниц статьи из 13,5 страниц), заимствованный фрагмент составляет большую часть параграфа «1.2. Тенденции и проблемы в оценке социально-экономического потенциала региона» диссертации Яковлевой С.В. (фрагмент расположен на стр. 34–51, параграф – стр. 28–51), заимствования произведены сплошным текстом подряд с сохранением авторского разграничения на абзацы, вводных слов и выражений, заимствованы статистические данные в текстовой части, перечисления стран, разбивки текста на внутренние структурные блоки, помимо этого заимствовано 4 таблицы с полным набором статистических данных, подборкой показателей и прогнозами (таблицы 1–4 в статье Аганбегяна А.Г, и таблицы 5, 7–9 в диссертации Яковлевой С.В., значение 6 в порядке нумерации пропущено, а вместо ссылки на табл. 7 указана ссылка на табл. 2, что соответствует нумерации таблиц в статье Аганбегяна А.Г. – выделено курсивным полужирным начертанием); текст статьи Аганбегяна А.Г., стр. 7–20: «(Стр. 7) Международные рейтинги, в которых сравниваются экономические и социальные показатели различных стран, свидетельствуют о большом отставании России (табл. 1).

Как видно из таблицы, только образование находится практически на уровне экономического развития.

Что касается реальных доходов в расчете на душу населения, то их место оказалось более низким, чем уровень экономического развития (50-е в сравнении (стр. 8) с 43-м). Причина — высокий удельный вес потребления госорганов в составе валового внутреннего продукта, которое составляет в России около 20 % в сравнении

с 5–10 % в большинстве других стран. Поэтому удельный вес конечного потребления домашних хозяйств в составе ВВП России оказывается весьма низким — около 50 % против 60 % и более в большинстве развитых стран.

Таблица 1. Место России среди 146 стран по уровню экономического развития и социальных показателей

Показатели	Место России среди 146 стран мира
Уровень экономического развития (ВВП в расчете на душу населения)	43
Реальные доходы на душу населения	50
Индекс социального развития (объединяет показатели уровня реальных доходов, продолжительности жизни и образования)	65
Уровень образования	40
Обеспеченность комфортным жильем (оценка)	100
Средняя продолжительность жизни, в том числе у мужчин	105 130
Здоровье нации	127
Качество здравоохранения	130

Индекс социального развития, который ООН считает главным комплексным показателем развития социальной сферы, существенно отстает от уровня экономического развития — 65-е место в сравнении с 43-м. Главная причина — крайне низкий показатель ожидаемой продолжительности жизни в России по сравнению с другими странами. По этому важнейшему показателю, характеризующему уровень жизни населения, Россия занимает лишь 105-е место, отставая не только от всех развитых стран, но и от большинства развивающихся, в том числе тех из них, уровень экономического развития которых в 1,5–2 раза ниже, чем в России.

Если говорить предметно, то средняя продолжительность предстоящей жизни в России составляет 68,7 года (2009). Примерно такого же уровня Россия достигала в середине 1960-х гг., а в середине 1980-х гг. этот показатель даже превысил 70 лет. В то время Россия отставала от самых развитых стран на 1–3 года.

За последние 40–50 лет большинство стран мира увеличило среднюю продолжительность жизни примерно на 10 лет, и сейчас в развитых странах этот показатель составляет 79 лет. При этом неуклонно растет число стран, где средняя продолжительность жизни превышает 80 лет (Австралия, Германия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Франция, Швейцария, Швеция, Япония). Даже Азербайджан, Армения, Болгария, Бразилия, Китай, Румыния, Таджикистан, Турция имеют ожидаемую продолжительность жизни 72–74 года, а Мексика, Польша, Корея — 76–79 лет.

Такая низкая ожидаемая продолжительность жизни в России связана с повышенной смертностью. В 2010 г. на 1000 человек населения в России умерло 14,3 человека против 9 в Европе и 12 в развивающихся странах (**стр. 9**) (при корректировке по возрастной структуре населения). Из примерно 2 млн умерших в России, при применении европейских коэффициентов смертности, должно было бы умереть 1300 тыс. человек, т. е. на 700 тыс. меньше. При этом в России около 30 % умерших (610 тыс. человек) умерли в трудоспособном возрасте. В Европе в трудоспособном возрасте умирают только около 10 %, т. е. если бы европейские нормы действовали в России, в трудоспособном возрасте умерли бы 130 тыс. человек — на 480 тыс. человек меньше.

Соответственно, в сравнении с развивающимися странами, имеющими примерно тот же или даже более низкий уровень экономического развития, чем в России, у нас должно было бы умереть около 1700 тыс. человек, т. е. на 300 тыс. меньше. Смертность в трудоспособном возрасте в этих странах не превышает 20 %. При применении показателей развивающихся стран к России смертность среди трудоспособного населения должна была бы составить 340 тыс. человек, т. е. на 270 тыс. человек меньше, чем это фактически имело место.

Кстати, миграционный приток населения в Россию — положительное сальдо миграции — с 2001 г. в среднем за год оказывается меньше потерь от смертности трудоспособного населения не только в сравнении с развитыми странами (здесь положительное сальдо в 1,5–2 раза ниже), но даже в сравнении с развивающимися странами.

Особенно низка средняя продолжительность жизни мужского населения России. В 2009 г. она составляла 62,8 года — почти такая же, как в беднейшей стране мира Индии, где уровень экономического развития в шесть раз ниже, чем в России. Даже в беднейших странах — Киргизии, Туркмении, Молдове — этот показатель составляет 65–67 лет; в Бразилии — 69 лет, в Китае — 71 год, в Мексике — 74 года, в Республике Корея — 79 лет и т. д. Напомним, в развитых странах этот показатель составляет 77–80 лет.

Обращает на себя внимание также крайне низкий уровень обеспеченности российского населения комфортным жильем, по этому показателю Россия даже не входит в первую сотню стран мира, уступая всем развитым странам и большинству развивающихся. Средняя обеспеченность жильем российского населения на конец 2009 г. составила 22,4 м² на человека. При этом 23 % жилищного фонда не обеспечено водопроводом и 27 % — канализацией. В сельской местности, где проживают более 38 млн человек (27 % населения), 53 % жилья не имеет водопровода и 62 % — канализации. Горячего водоснабжения не имеют 35 % населения страны, в том числе 75 % сельского населения. По стандартам, помещение без водопровода, канализации, горячего водоснабжения вообще не может считаться жильем. При этом средняя обеспеченность населения развитых стран Европы комфортным жильем составляет от 40 до 60 м² на душу населения — вдвое-втрое больше, чем в России, а в США — 70 м², т. е. вчетверо больше.

Мы не затрагиваем здесь таких показателей уровня жизни, как экология и безопасность жизни. По этим показателям Россия тоже стоит в конце списка развитых и развивающихся стран: у нас плохая экология, высокая смертность населения на дорогах, один из самых высоких в мире уровней самоубийств и убийств и т. д.

(Стр. 10) Возникает вопрос: почему в сравнении с экономическими показателями показатели уровня жизни в России намного ниже соответствующих показателей в других странах?

По-видимому, причины лежат в нашей нелегкой истории: значительная часть ресурсов страны отвлекалась на развитие тяжелой промышленности и, особенно, оборонных отраслей, а также содержание огромных вооруженных сил. Все эти траты, естественно, проводились за счет населения, которое недополучало свою долю финансирования. Социальная сфера финансировалась фактически по остаточному принципу. Среди других стран мы выделялись крайне низким уровнем заработной платы и доходов населения, в том числе самыми низкими заработными платами

учителей и врачей, минимальными размерами пенсий и стипендий, самой низкой долей расходов на здравоохранение, крайним отставанием в объемах жилищного и коммунально-бытового строительства.

В советское время господствовала идеология преимущественного развития производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления. Ведущие отрасли тяжелой промышленности именовались гордо: металлургия — «хлеб промышленности», машиностроение — ее «сердцевина», нефтегазовая промышленность — «кровеносная система». А вот потребительские товары для населения, напротив, характеризовались унижительным словом «ширпотреб»; для их производства стремились не создавать специализированные отрасли, их призывали делать из отходов производства тяжелой промышленности. Металлическая посуда производилась металлургами; производство холодильников, стиральных машин пытались организовать при оборонных заводах и т. д. Работники легкой и пищевой промышленности, где преобладал тяжелый конвейерный труд или труд с принудительным ритмом, задаваемым работой оборудования, получали меньше всех. Это были самые бедные в России отрасли по социальным, в том числе пенсионным, льготам, с преобладанием тяжелого женского труда, часто трехсменного. Наиболее пренебрежительное отношение в советское время было к работникам торговли, которые в кинофильмах, художественной литературе обычно фигурировали в качестве расхитителей госимущества, «воришек». Не лучшим было отношение и к работникам важнейшей для населения жилищно-коммунальной сферы. Сантехник, к примеру, обычно ассоциировался с пьяницей. Что касается артелей, производящих важные потребительские товары, то считалось, что в них преобладают инвалиды.

Другими словами, разве мог нормальный человек — «строитель коммунизма» — пойти в торговлю, жилищно-коммунальное хозяйство, на работу в артель? Для этого можно использовать «второстепенный человеческий материал». А нормальные трудящиеся должны работать станочниками, крановщиками, металлургами и т. п.

При изменении социально-экономического строя нашей страны и переходе от административно-планового управления к рыночному хозяйству многое изменилось. Сфера услуг, которая в советское время составляла только 30 % ВВП, увеличилась до 60 %. Особенно быстро начали развиваться услуги в области торговли, финансов, операций с (стр. 11) недвижимостью. Постепенно стало меняться и отношение к этим сферам деятельности.

Однако образование, здравоохранение, наука на первых порах оказались на «задворках» развития народного хозяйства. И старые диспропорции и недооценка этих ключевых сфер в современном обществе во многом сохранились. По-прежнему зарплаты учителей и врачей ниже зарплат промышленных рабочих, не говоря уже о доходах инженерно-технических кадров. Пренебрежительное отношение осталось к жилищно-коммунальному хозяйству, роль которого резко выросла. В поставке промышленных потребительских товаров преобладает импорт. Эти отрасли, а также наша легкая промышленность и производство промышленных потребительских товаров опять оказались на обочине развития.

Чуть лучше положение в пищевой промышленности. Сюда пришел капитал, отрасль обновилась. Были созданы крупные объединения. Но и здесь до половины

всего продовольствия продолжает завозиться по импорту, поэтому и пищевая промышленность сталкивается в развитии с большими трудностями.

При невнимании государства, особенно проявившемся в 1990–2005 гг., образование и здравоохранение, чтобы выжить, все больше переходили на платную основу, в том числе развивая теневой бизнес с широким распространением подношений и взяток.

Уровень образования в России, поначалу очень высокий, так как без образования нельзя было решать проблемы развития тяжелой промышленности и, особенно, обороны страны, с каждым годом все более понижался. И вот теперь дошло до 40-го места. А ведь раньше по этому показателю мы входили в десятку передовых стран. Когда был запущен первый спутник, в США провели широкое изучение причин того, почему Россия оказалась впереди. В результате был сделан правильный вывод: причина успеха России — в лучшем образовании. В то время наша страна на образование тратила 10 % национального дохода, а США — 4 %. В США и других развитых странах начался подлинный бум образования, а в России, напротив, доля расходов на образование в составе ВВП стала сокращаться. И сейчас на образование в России тратится менее 5 % ВВП против 11 % в США и 8–9 % во многих развитых стран.

Еще хуже обстоят дела со здравоохранением. В условиях глубокого 10-летнего трансформационного кризиса финансирование здравоохранения со стороны государства сократилось в разы. Доходы работников других отраслей намного превысили скромные доходы работников здравоохранения. Качество лечения, его объемы сократились. И, как следствие, стала расти смертность населения, которая с 11 человек на 1000 населения в 1980-е гг. выросла до 16 человек к 2005 г. Соответственно, средняя продолжительность жизни сократилась с 69 лет в 1990 г. до 65 лет в 2000–2005 гг. Продолжительность жизни мужчин при этом сократилась с 64 до менее чем 59 лет. Рейтинг России по здоровью населения, продолжительности жизни, качеству здравоохранения резко упал в сравнении с другими странами, которые ежегодно наращивали усилия и улучшали условия здравоохранения в своих странах. И только с 2006 г., когда благодаря национальной программе «Здоровье» (стр. 12) начали проводиться меры по улучшению здравоохранения, показатели смертности и продолжительности жизни стали демонстрировать позитивную динамику.

В период трансформационного кризиса инвестиции в народное хозяйство страны, в том числе и в жилье, снизились в 5 раз. Поэтому с 1990 до 2001 г. объем жилищного строительства сократился почти вдвое, а потом стал весьма медленно расти. Благоустройству жилья практически не уделялось сколько-нибудь заметного внимания. Например, за 15 лет (с 1995 г.) удельный вес жилья, обеспеченного водопроводом, увеличился лишь на 6 процентных пунктов (п. п.) (с 71 до 77 %), канализацией — на 7 п. п. (с 66 до 73 %), горячим водоснабжением — на 10 п. п. (с 55 до 65 %), газификация жилищного фонда осталась на одном уровне — 69 %. При этом количество ветхого и аварийного жилья за последние 10 лет практически не сократилось. Объем жилищного строительства в расчете на душу населения в России как был, так и остался ниже показателей развитых стран, где обеспеченность жильем в два-три раза выше, не говоря уже о его благоустройстве.

Так сложилось наше хроническое отставание по социальным показателям от уровня экономического развития.

Социальная эффективность экономического роста

После 9–10-летнего трансформационного кризиса (1990–1998 / 99 гг.), который был связан с распадом СССР, шоковым переходом к рынку и стихийно происшедшей массовой конверсией военного производства, уровень развития экономики и уровень жизни людей резко снизились. За эти годы ВВП сократился в 1,8 раза, а реальные доходы населения снизились в 1,9 раза. Инвестиции за это время обвалились почти в 5 раз.

Таблица 2. Данные по распределению общего объема денежных доходов населения по группам с разной доходностью, %

Распределение общего объема денежных доходов населения	2000	2004	2008
Денежные доходы, всего	100	100	100
В том числе по 20%-ным группам населения:			
первая (с наименьшими доходами)	5,9	5,4	5,1
вторая	10,4	10,1	9,8
третья	15,1	15,1	14,8
четвертая	21,9	22,7	22,5
пятая (с наибольшими доходами)	46,7	46,7	47,8
Кoeffициент фондов (коэффициент дифференциации доходов – средний доход 10% населения с наибольшими доходами по сравнению с доходом 10% населения с наименьшими доходами), раз	13,9	15,2	16,7

Источник: Российский статистический ежегодник – 2010. Федеральная служба государственной статистики РФ. — М., 2010. С. 190.

Затем (с 1999 г. в экономике и с 2000 г. в социальной сфере) начался довольно интенсивный 9–10-летний подъем с достижением максимальных (стр. 13) показателей в 2008 г. ВВП страны вырос на 90 % и в 2007 г. впервые превысил уровень докризисного 1989 г., реальные доходы населения превысили этот уровень в 2005 г., а в 2008 г. превзошли его на 30 % — из-за более быстрого роста потребления в составе ВВП (благодаря сокращению доли инвестиций и расходов на вооружение) и из-за снижения численности населения страны в связи с депопуляцией. Инвестиции при этом достигли в 2008 г. 60 % уровня 1989 г. в результате их увеличения за 10 лет в 2,8 раза.

В какой мере этот экономический подъем повлиял на улучшение социальных показателей? Ответ на этот вопрос и покажет нам социальную эффективность экономического роста. Прежде всего отметим, что при увеличении ВВП на 90 % реальные доходы населения выросли в 2,3 раза. Эти реальные доходы увеличивались у всех слоев населения — и бедных, и средних, и богатых. Об этом свидетельствуют не только статистические показатели, но и опросы различных групп семей.

Расхожее мнение, что в течение этого десятилетнего экономического подъема бедные беднели, а богатые богатели, не соответствует действительности. За это время значительно сократилась и бедность населения.

Теперь перейдем от средних показателей к дифференциации доходов. Недостаточно сказать, что в среднем доходы намного выросли. Возникает вопрос: у каких слоев населения и насколько они выросли, кто получил наибольшую пользу от экономического подъема? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим таблицу 2.

Как видно, в наибольшей мере за десять лет увеличилась доля доходов пятой группы с наибольшими доходами. Она увеличилась на 1,1 п. п. (с 46,7 до 47,8 %). Немного прибавила, на 0,6 п. п. (с 21,9 до 22,5 %), четвертая группа, примыкающая к пятой. В сумме эти группы увеличили долю доходов на 1,7 п. п. (с 68,6 до 70,3 %). Группа населения со средним доходом сократила свою долю на 0,6 п. п. (с 15,4 до 14,8%). Вторая группа, примыкающая к бедным, и первая группа с наименьшими доходами также сократились на 0,6 п. п.: с 10,4 до 9,8 % и с 5,7 до 5,1 % соответственно.

Таким образом, пятая и четвертая группы получили наибольший прирост денежных доходов населения не только в абсолютной сумме из-за того, что средний доход у них выше других, но и потому, что их доходы в процентном отношении росли быстрее, чем у более бедных слоев населения.

Первая, вторая и третья группы тоже увеличили средний доход: первая группа меньше других, вторая немного больше и третья еще больше, но намного меньше, чем четвертая и пятая, поскольку доля первой, второй и третьей групп в общих доходах сократилась.

В реальном выражении средние доходы за период с 2000 по 2008 г. у пятой и четвертой группы выросли в 2,2 раза, у второй и третьей — в 2 раза, а у первой — в 1,8 раза. Цифры говорят сами за себя.

Эти номинальные показатели должны быть скорректированы на индекс инфляции, которая в малообеспеченных группах по крайней мере вдвое выше, чем у высокообеспеченных групп населения. Это связано с тем, что наибольшая инфляция наблюдается в жилищно-коммунальной сфере (**стр. 14**) и на продовольственном рынке. А именно эти две статьи расходов занимают преобладающее место в бюджете малообеспеченных групп. Что касается высокооплачиваемой группы населения, то доля продовольственных товаров и жилищно-коммунальных услуг у них имеет вдвое меньший удельный вес в расходах, значительная часть которых приходится на покупку зарубежных товаров, где инфляция в разы меньше. Поэтому в реальном выражении расхождение в уровне жизни бедных и богатых много выше, чем это видно из сравнительных цифр по номинальным доходам. Следовательно, подавляющая часть социального вклада от экономического роста пошла высокообеспеченным семьям, притом не только в абсолютном значении: и по темпам роста уровня жизни они существенно опережали малообеспеченные слои населения.

Однако «не хлебом единым жив человек» — важной составляющей современной жизни является обеспеченность жильем. Здесь прирост обеспеченности оказался намного ниже по сравнению с ростом уровня экономического развития и реальных доходов. Если ВВП в 2008 г. превысил лучшие показатели советской России на 8 %, а по реальным доходам это превышение в среднем составило около 30 %, то по вводу жилья мы еще не достигли лучших показателей советского периода (около 73 млн м² в 1987 г.).

Кроме того, в период кризиса ввод жилья в России сократился с 64 млн м² (2008) до 60 млн м² (2009) и 58 м² (2010). В 2011 г. ожидается дальнейшее сокращение объема ввода жилья, в то время как объем ВВП докризисного 2008 г. и реальных доходов будет восстановлен в 2011 г., в крайнем случае в начале 2012 г. Иными словами, наше отставание по жилищной обеспеченности в период кризиса и первых послекризисных лет усугубилось.

Худшими из социальных показателей в России, как говорилось выше, являются показатели продолжительности жизни, смертности, здоровья населения и качества здравоохранения. В эту сферу в последние годы правительство вкладывает все бóльшие средства, обновляя медицинскую технику, открывая новые высокотехнологические центры, стимулируя производство лекарств в России, ремонтируя больницы и поликлиники.

Это сказалось на общих результатах в здравоохранении. С 2006 г. началось сокращение смертности населения России: она снизилась к 2010 г. с 16,2 до 14,3 в расчете на 1000 человек населения. Ежегодно снижается и детская смертность: на 1000 детей, родившихся живыми, смертность к 2009 г. снизилась до 8,1, в то время как, например, в 2000 г. детская смертность составляла 15,3 человека на 1000 человек. Однако если смотреть не на динамику, а на уровни смертности, то картина получается неутешительная. Уровень детской смертности у нас пока более чем вдвое превышает среднюю младенческую смертность в развитых странах Европы. Младенческая смертность в Финляндии, Швеции, Норвегии составляет 2,5–2,7 человека на 1000 детей, родившихся живыми; в Италии, Германии, Австрии, Нидерландах — 3,5–4 человека.

В последние годы удалось достичь увеличения рождаемости в России. Она стала расти с 2004 г. и на 1000 человек населения увеличилась к 2009 г. (стр. 15) с 10,4 до 12,4. В связи с сокращением смертности немного повышается и показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. С 2001 по 2009 г. этот показатель вырос с 65,2 до 68,7 года. Однако обращает на себя внимание тот факт, что мощный экономический подъем в первые 5–6 лет не вызвал заметного улучшения здоровья населения, роста продолжительности жизни, сокращения общей смертности и т. д.

И только в последние три года (после ввода в действие национального проекта) произошла смена тренда. Смертность стала снижаться, а продолжительность жизни возрастать. Правда, в 2008 г. показатель смертности остался на уровне 2007 г. (14,6), а в 2010 г., возможно из-за аномальной жары и смога, в центре России показатель общей смертности немного вырос — с 14,2 до 14,3 человека на 1000 человек населения. И соответственно, немного снизилась средняя продолжительность жизни. Что касается младенческой смертности, то она продолжала снижаться и в 2010 г.

Анализ этих тенденций не должен заслонить тот факт, что существующая продолжительность жизни в России — показатель, совершенно не соответствующий месту России в мире, уровню ее экономического развития. Положение здесь даже при благоприятном тренде остается катастрофически плохим и требует принятия немедленных мер для исправления ситуации.

Если по объему ВВП, уровню экономического развития и реальным доходам мы достигли и даже превзошли лучшие показатели советского времени, то по другим социальным показателям — уровню образования, качеству здравоохранения, показателям смертности и продолжительности жизни, а также объемам жилищного строительства наше положение существенно ухудшилось.

Напомним, что в 1990 г. уровень рождаемости в России составлял 13,4 %, а смертности — 11,2 %. Поэтому на 1000 человек естественный прирост населения был 2,2 человека. При численности населения России в 148 млн человек это давало естественный прирост населения 300 тыс. человек в год. В результате

трансформационного кризиса коэффициент рождаемости снизился до 8,9 человека, а смертность выросла до 14,2 на 1000 человек населения. Кривая смертности намного превысила кривую рождаемости, и естественная убыль населения на 1000 человек составила в 1996 г. 5,3 человека. Когда число умерших стало превышать число родившихся, началась депопуляция. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. ежегодное сокращение численности населения в год превысило 900 тыс. человек, и численность населения России, несмотря на положительный миграционный поток, со 148 млн человек уменьшилась до 142 млн.

Число родившихся постепенно восстанавливается: к 2009 г. оно достигло 12,4 человека (в сравнении с 13,4 в 1990 г.) на 1000 человек. Однако показатели смертности пока намного выше, чем были раньше. Они выросли с 11 на 1000 человек в 1990 г. до 14,2 на 1000 человек в 2009 г., поэтому депопуляция пока продолжается в размере примерно 300 тыс. человек в год.

Возвращаясь к общей проблеме эффективности экономического роста, мы можем констатировать наличие противоречивых результатов. **(Стр. 16)** С одной стороны, экономический рост привел к значительному увеличению реальных доходов населения, притом всех групп — и низкооплачиваемых, и высокооплачиваемых. Жилищное строительство в годы подъема экономики увеличивалось, хотя и не достигло лучших результатов советского периода. В годы кризиса и послекризисного восстановления эти показатели опять скатились вниз. Хуже всего обстоит дело с показателями в области охраны здоровья. Существенно удалось повысить рождаемость и снизить младенческую смертность, хотя последняя еще вдвое выше, чем в Западной Европе. В последние пять лет немного снижается общая смертность и растет ожидаемая продолжительность жизни, но эти показатели пока не достигли показателей не только 80-х, но и 60-х гг. За это время другие страны сделали большой рывок вперед, и наше отставание здесь возросло.

Но, пожалуй, самым негативным последствием постсоциалистического развития страны явился небывалый рост дифференциации доходов населения. Децильный коэффициент дифференциации доходов, составлявший в советское время 3 раза, увеличился почти до 17. Если в 1990 г. в первой 20 %-ной группе с наименьшими доходами было около 10 % населения, то сейчас ее численность сократилась примерно до 5 %. Соответственно, к пятой группе с наибольшими доходами относилось менее трети населения, сейчас ее процент приближается к 48. По сравнению с 1990 г. все группы населения теряют доходы, приобретает же только одна — пятая группа с наибольшими доходами. Как ни печально это констатировать, но подавляющая часть социального эффекта от экономического развития коснулась населения с наивысшими доходами, а наименьший рост уровня жизни наблюдается у малообеспеченных групп. Поэтому мы считаем социальный эффект от экономического развития низким, неадекватным, неэффективным, противоречащим общечеловеческим тенденциям. Децильный коэффициент дифференциации доходов в России вдвое выше, чем в странах Евророзны (6–10 раз), и втрое выше, чем в Японии (5 раз). Именно к этим, самым передовым показателям в мире в нашей среднесрочной и долгосрочной социальной политике мы должны стремиться. [...]

(Стр. 17) Прогнозы Минэкономразвития показывают, что может ожидать нас в среднесрочной перспективе в ближайшие три года (табл. 3).

Старая модель экономического развития ведет нашу страну в тупик, все больше увеличивая отставание экономики России по основным экономическим и социальным показателям от стремительно развивающейся мировой экономики в целом и, особенно, экономик развивающихся стран, **(стр. 18)** чей ВВП даже в кризисном 2009 г. вырос на 2 %, в 2010 г. — на 5,3 %, а с 2011 г., по прогнозу МВФ, вырастет на 6,5 %. Кроме того, норма инвестиций у развивающихся стран поддерживается на уровне 35 % в сравнении с 21 % в России. Поэтому стратегические задачи социально-экономического развития России, нацеленные на достижение в обозримый исторический период сначала уровня развитых, а затем и уровня самых развитых стран, смогут быть выполнены только при переходе к новой модели экономики. Формирование такой модели — наша ключевая, основополагающая, неотложная задача.

Таблица 3. Прогноз Минэкономразвития по основным показателям народного хозяйства на 2011–2013 гг., прирост, %

Показатели	2010 (фактич.)	2011	2012	2013
ВВП	4	4,2	3,9	4,5
Промышленность	8,2	5,4	3,8	4,9
Инвестиции	6	6	3,5	4,4
Реальная заработная плата	4	1,5	4	4,7
Приток (отток) капитала (в млрд долл.)	-35	10	5	0

Источник: прогноз социально-экономического развития России до 2013 г. Сайт Минэкономразвития России с коррекцией в апреле 2011 г.

Новая модель прежде всего должна быть моделью всесторонней модернизации социально-экономической системы.

Предстоит модернизировать реальный сектор экономики:

— обновить за 10–12 лет материально—техническую базу страны, сократив средний срок службы машин и оборудования с 19 до 8–10 лет;

— преобразовать структуру народного хозяйства в направлении повышения доли готовой продукции с высокой добавленной стоимостью; прежде всего, в разы поднять удельный вес высокотехнологичных, наукоемких и инновационных производств, удвоив роль экономики знаний (науки, информационных технологий, образования, биотехнологии, здравоохранения) в формировании ВВП России;

— утроить жилищное и инфраструктурное строительство, создать современную транспортную систему, сделав эти отрасли локомотивом развития всего народного хозяйства страны.

При этом должны быть созданы экономические и социальные условия для ускоренного развития. С этой целью в ходе структурных институциональных реформ нужно модернизировать:

— отношения собственности, освободив госсобственность от коммерческих предприятий и организаций, не выполняющих государственные функции, проведя новый крупный рыночный этап приватизации и подняв долю частной собственности с 30–35 % до 65–70 %, радикально подняв малый и средний бизнес;

— финансовую сферу, включая всестороннюю «банкизацию» страны с доведением суммарных активов банков до 150–200 % ВВП с нынешних 75 %.

(Стр. 19) В рамках финансовой системы предстоит:

— создать рыночные фонды «длинных» денег (фонд накопительных пенсий, фонд страхования и паевые фонды при резком увеличении долгосрочных пассивов коммерческих банков) и сформировать современный рынок капитала с единой крупной открытой биржей;

— сформировать цивилизованную конкурентную среду с сильным антимонопольным законодательством, преодолев не только олигархические, но и государственные монополии типа Газпрома, Сбербанка, РЖД, «Аэрофлота», не говоря о «Роснефти», «АвтоВАЗе», «Связьинвесте» и т. п.;

— углубить рыночные отношения в аграрно-промышленном секторе на основе перехода к земельному рынку, залогоу земли и формированию наряду с высокоэффективными и технологически продвинутыми малыми и средними предприятиями крупных аграрно-промышленных комплексов, охватывающих всю цепочку «от поля до прилавка»;

— довести до конца реформирование всей социальной сферы, освободившись от пережитков социалистического иждивенчества и перейдя к ее современной структуре;

— коренным образом перестроить систему регионального управления, преобразовав отжившую административно-территориальную систему с преобладанием дотационных субъектов федерации прежде всего среди относительно небольших регионов и сформировав систему крупных губерний с самофинансированием, самокупаемостью и самоуправлением при наличии стратегических общегосударственных территориальных программ.

Эта социально-экономическая модернизация, естественно, должна быть подкреплена модернизацией судебно-правовой системы, проводящимся реформированием вооруженных сил, необходимыми политическими изменениями.

При новой модели социально-экономического развития норма инвестиций должна быть повышена до 35–40 %, что позволит ускорить развитие экономики страны до 5–6 % в год и тем самым создать экономическую базу для решения назревших социальных проблем.

Речь идет, прежде всего, о коренном улучшении жилищной обеспеченности граждан с доведением нормы комфортного жилья, приходящегося на одного человека в России хотя бы до 40 м² — минимального уровня развитых стран. Реформирование, в котором нуждаются все виды российского образования — школьное, вузовское, среднее профессиональное, высшее и послевузовское, — позволит вернуть Россию в число передовых по уровню образования и качеству человеческого капитала стран мира.

Самой трудной задачей в социальной сфере станет реформирование всей системы здравоохранения и подтягивание ее уровня до уровня передовых стран мира. Речь идет о том, что за 20–25 лет предстоит сократить смертность в России с 14 до 9 человек в расчете на 1000 человек населения, (**стр. 20**) а младенческую смертность до 4 человек на 1000 родившихся детей, поднять рождаемость до 14, увеличить продолжительность жизни до 79 лет, в том числе мужчин до 75.

В таблице 4 показана возможная динамика международного рейтинга России по социальным показателям.

Таблица 4. Место России в международных рейтингах среди 146 стран мира

Показатели	Исходный уровень	Через 10 лет	Через 20 лет	Через 30 лет
Уровень экономического развития	43	35	25	10–20
Индекс социального развития	65	50	35	10–20
Реальные доходы на душу населения	50	40	30	10–20
Средняя продолжительность жизни	105	65	40	10–20
Жилищная обеспеченность	100	65	40	10–20
Здравоохранение	130	70	40	10–20
Образование	40	25	15	5–10
Демопопуляция/прирост населения, тыс. человек в год	-478	0	+200	+500

Решение этих жизненно важных задач превратит Россию в одного из лидеров мирового развития как в экономике, так и в социальной сфере.».

3. Сравнение текста диссертации Яковлевой С.В. на тему «Управление социально-экономическим потенциалом регмона» с текстом диссертации Галачиевой С.В. на тему «Ресурсное обеспечение макрорегиона в координатах императивов устойчивого социально-экономического развития (на примере Северо-Кавказского федерального округа)». В тексте диссертации Яковлевой С.В. ссылки на работы Галачиевой С.В. отсутствуют.

3.1. Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 51–68: «(Стр. 51) Опыт реализации рыночных реформ в Российской Федерации показывает, что макрорегиональный уровень управления характеризуется недостаточной проработанностью. Это, прежде всего, связано с неопределенностью места макрорегиона в сложившейся системе управления, неурегулированностью форм и методов взаимодействия различных структур территориальной системы. Однако в условиях усиления взаимозависимости регионов до такой степени, когда действия одного из них затрагивают интересы других регионов и региональных систем, возникает необходимость формирования парадигмы управления устойчивым развитием макрорегиона.

Парадигму макрорегионального управления устойчивым развитием следует рассматривать как исходную концептуальную схему, модель управления, которая должна быть ориентирована на эффективную организацию совокупности процессов и действий, ведущих к образованию и **(стр. 52)** совершенствованию взаимовыгодных межрегиональных связей, сбалансированному развитию системообразующих элементов социально-экономической системы макрорегиона, согласующемуся с вектором развития национальной экономики.

В современной отечественной науке можно выделить два подхода к вопросу государственного управления развитием социально-экономических систем разного уровня. Первый подход составляет содержание либерально-рыночной модели государственного управления (Е.Т. Гайдар, Е.Г. Ясин, А.Н. Илларионов и др.). Исходя из доктрины «Вашингтонского консенсуса», он доказывает, что механизм рыночного саморегулирования является единственно возможным. Либерально-рыночная концепция предполагает усиление роли частных источников роста (частных фирм и домохозяйств). Они должны замещать и постепенно вытеснять государство из предпринимательской зоны. Государство должно создавать максимально благоприятные условия для функционирования частных экономических

агентов, стимулировать их интерес к развитию, то есть стимулировать предложение товаров и услуг на рынке.

Второй подход представлен институционально-государственной (дирижистской) моделью управления, которая наиболее полно сформулирована такими российскими учеными как Л.И. Абалкин, С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов. Институционально-государственная концепция границы централизованного государственного регулирования связывает с закономерностями развития технологических укладов и делает ставку на возможности государства, компенсирующего недостатки делового климата и частных инвестиций. Государство в этой конструкции является основным источником роста - и как источник ключевых финансовых ресурсов, и как нейтрализатор «рыночной стихии», и как держатель ключевых институтов, необходимых для экономического роста. Государство определяет приоритеты, концентрирует на них политический и финансовый ресурс, выстраивает финансовую систему, опираясь на принадлежащие государству (стр. 53) банки и биржи, напрямую руководит ключевыми производственными компаниями (контролирует «командные высоты»). Государственный спрос не только на товары и услуги, но и на институты, оказывается здесь системообразующим. От государства же зависит в значительной мере и спрос домохозяйств.

Эта дихотомия хорошо известна из экономической теории и из экономической истории. Она возникла задолго до появления современного глобального кризиса. Выбор между экономикой спроса и экономикой предложения лежит в основе характерной для всего XX века дискуссии между кейнсианскими и неоклассическими моделями экономического роста.

Еще более актуальна эта тема для стран с развивающейся экономикой (или стран догоняющей модернизации). Анализируя опыт Германии и России второй половины XIX - начала XX веков, А. Гершенкрон показал, что в условиях догоняющего развития государство должно брать на себя компенсацию рыночной неопределенности, и особенно слабости только зарождающихся рыночных институтов [1 – Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.].

В этой связи полагаем, что в основу формирования парадигмы управления устойчивым развитием северокавказского макрорегиона должна быть положена институционально-государственная модель.

Однако можно указать, как минимум, на две ловушки, возникающие в рамках реализации дирижистского подхода.

Первая связана с тем, что уровень эффективности (неэффективности) государственных инвестиций будет в пределе задан общим уровнем эффективности инвестиций в экономике, общим уровнем конкурентности рынков, то есть: чем более конкурентной является среда, тем более эффективными (менее неэффективными) могут быть государственные инвестиции, и, наоборот, снижение уровня конкурентности среды будет (стр. 54) вести к пропорциональному росту уровня неэффективности государственных инвестиций.

Вторая обусловлена тем, что большинство успешных опытов дирижистских модернизаций были сопряжены с созданием экономики, ориентированной на промышленный экспорт. При всех недостатках внутренней институциональной среды, значительном уровне вмешательства государства в экономику мерилom

успешности фирм оставалась их способность расширять присутствие на внешних рынках в условиях жесткой конкуренции, что и являлось в конечном итоге мотором развития – фильтром, отбирающим наиболее перспективные образцы, проекты и направления бизнеса. И, наоборот, в условиях модели роста, ориентированной на внутренний спрос, плохие институты и расширение присутствия государства в экономике лишь искажают рыночные стимулы, ведут к понижению среднего уровня эффективности.

Таким образом, альтернатива выглядит не как «частные инвестиции / государственные инвестиции», а как «конкурентная среда / неконкурентная среда». В первом случае государственные инвестиции могут помочь рынку, во втором - это всего лишь попытка подменить рынок, компенсировать недостаток конкуренции масштабами и концентрацией инвестиций, собственности, полномочий, а также поиском специфических низкоконкурентных ниш в мировом разделении труда. Осознание этой альтернативы позволяет сформулировать систему безусловных приоритетов в институциональной сфере: необходимо первоочередное улучшение институтов, низкое качество которых непосредственно подавляет конкуренцию. Следовательно, интервенционистская политика государства может быть относительно успешной, только если она встроена в рынок, а не подменяет его.

В современной России управление устойчивым развитием макрорегиона основывается на административно-интеграционной парадигме, которая ориентирована на преимущественное использование (стр. 55) административных ресурсов власти. Именно эта парадигма легла в основу создания федеральных округов и позволила добиться определенных позитивных результатов, прежде всего, в области восстановления единого правового и отчасти экономического пространства Российской Федерации. Серьезные подвижки достигнуты в координации деятельности федеральных структур на территории каждого субъекта Федерации.

Однако если на начальном этапе формирования федеральных округов данная модель была оправдана, то уже через несколько лет она продемонстрировала ограниченность своих возможностей. Как верно отмечает В. Лысенко, «основные усилия здесь направляются не столько на создание правовых, политических, экономических, финансовых и иных условий для развития малого и среднего бизнеса, повышения самостоятельности местного самоуправления, включения в реформирование институтов гражданского общества, сколько на сосредоточение всех основных рычагов управления и ресурсов в руках государства, выстраивание жесткой вертикали власти под собственным руководством и при помощи федеральных программ социально-экономического развития федеральных округов, напоминающих в большинстве директивное планирование, решить основные проблемы региона» [2 – Лысенко В. Развитие федеральных округов и будущее федеративного устройства России // Федерализм. 2002. №3. С.169.].

В этой связи *более оправданным видится подход* к управлению устойчивым развитием макрорегиона с позиции теории расширенного воспроизводства, которая была выдвинута Р.И. Шнипером и его учениками относительно управления экономикой региона [3 – Воспроизводственные проблемы планового управления регионом/ Под ред. Р.И. Шнипера и А.С. Новоселова. - Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1989; Маршалова А.С, Новоселов А.С. Основы теории регионального воспроизводства. – М.: Экономика, 1998; Новоселов А.С. Методологические

проблемы управления экономикой региона // Регион: экономика и социология. 2008. №2. С.49-67.]. Воспроизводственный подход означает, что управление экономикой региона любого ранга опирается на принципы, которые устанавливаются в соответствии с законами общественного воспроизводства и отражают внутренние взаимосвязи (**стр. 56**) региональной системы [4 – Новоселов А.С. Методологические проблемы управления экономикой региона // Регион: экономика и социология. 2008. №2. С.55.]. В контексте данного подхода предметом управления является воспроизводственный процесс.

Актуальными остаются и результаты теоретических исследований по проблемам использования интеграционного подхода в управлении многорегиональными системами [5 – Керашев А.А. Интеграционно-воспроизводственная парадигма управления хозяйственным комплексом макрорегиона: дис. ... д-ра экон.наук. – Майкоп, 2005.]. Предметом управления с позиции интеграционного подхода выступает многообразие взаимодействующих экономических интересов, которые могут быть сведены в четыре группы:

- интересы федерального центра в отношении конкретной территории;
- интересы бизнес-структур, связанные с задачами развития и функционирования социальной и производственной инфраструктуры макрорегиона;
- региональные интересы, связанные с обеспечением устойчивого развития регионов в составе макрорегиона;
- интересы предприятий и организаций различных форм собственности, получающие выражение в осуществлении внутри- и межрегиональных связей.

Системное управление устойчивым развитием макрорегиона возможно, на наш взгляд, лишь на основе комплексного использования воспроизводственного и интеграционного подхода.

Воспроизводственно-интеграционная парадигма предполагает формирование стимулов для функционального и структурного сращивания в системную целостность прежде обособленных региональных воспроизводственных комплексов в рамках макрорегиона. Данная парадигма управления предполагает обеспечение устойчивого развития макрорегиона за счет получения синергетического эффекта от переплетения воспроизводственных потенциалов субъектов РФ, входящих в макрорегион.

(**Стр. 57**) В рамках воспроизводственно-интеграционной парадигмы управления устойчивым развитием макрорегиона акцент смещается с вертикальной интеграции (создание федеральных округов и укрепление института полномочных представителей Президента) в пользу усиления горизонтальных связей, на необходимость развития которой обращают ученые. *Трудно не согласиться с мнением* А. Швецова [114 –Швецов А.Н. Традиционный централизм или новый регионализм: подходы к обеспечению территориального развития // Регион: экономика и социология. - 2007. - № 1.], который отмечает, что кардинальное и отвечающее современным мировым веяниям изменение ситуации в территориальном развитии может быть связано только с преодолением в государственной региональной политике тенденции к усиленной централизации. Императивное значение приобретает переход от сверхцентрализованной системы с доминированием интересов, ресурсов и действий федерального уровня власти к новой децентрализованной системе, в которой более заметную роль мог бы играть, а, в

конечном счете, и получить преобладающее значение самостоятельный выбор регионами путей своего социально-экономического развития. Разумеется, такое самоопределение должно происходить в пределах и с соблюдением необходимых и достаточных общегосударственных установок, интересов и ограничений (конституционно-законодательных, институциональных, экономических, социальных). Иными словами, принцип «сверху вниз» в реализации региональной политики в нашей стране должен быть постепенно заменен принципом «снизу вверх» [6 – Швецов А. Традиционный централизм или новый регионализм: подходы к обеспечению территориального развития // Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 13.]. Кроме того, практика все настойчивее требует развития интеграции экономического и социального пространства страны по горизонтали, причем интеграции на более эффективных принципах и механизмах прямого взаимодействия регионов [7 – Швецов А. *Децентрализация федеральной региональной политики // Федерализм. 2006. №4. С. 16.*], что будет более реалистично в условиях расширения экономических возможностей регионов.

Мы полностью согласны с позицией А.А. Керашева относительно того, что «обеспечить потребности интеграции различных в производственном, коммерческом, финансовом, этносоциальном и других отношениях **(стр. 58)** региональных хозяйственных комплексов сможет не очередная чиновничья пирамида, а структура в форме общественной ассоциации» [8 – Керашев А.А. Интеграционно-воспроизводственная парадигма управления хозяйственным комплексом макрорегиона: дис.... д-ра экон.наук. - Майкоп, 2005. С.261.]. Как справедливо отмечает автор, реализация принципа ассоциации позволит избежать принуждения и закрепления имевшихся к началу интеграционного процесса разрывов в виде устойчивых форм институциональной асимметрии.

Горизонтальные образования получили развитие в США, Канаде, европейских федеративных государствах и представляют собой важнейший механизм саморегуляции большинства процессов жизни этих стран без вмешательства центральной власти. Так, в США все штаты сгруппированы в 9 крупных регионов, в которых отсутствуют какие-либо управляющие органы правительственного уровня. При этом федеральные власти всемерно благоприятствуют штатам в их координационном взаимодействии, умело направляя деятельность консультативных органов в нужное для федерации русло.

В России важной формой горизонтальной интеграции являются ассоциации экономического взаимодействия регионов, которые начали создаваться с 1991 г. по инициативе региональных органов власти. Положительной оценки заслуживает опыт работы ассоциаций «Сибирское соглашение» и «Большая Волга», которые решают задачи реализации крупномасштабных региональных инвестиционных программ и проектов, координируют политику занятости и социальной защиты населения, развития инфраструктуры, принимают участие в подготовке концепций по развитию отраслей экономики и производственных комплексов (например, Концепция развития нефтехимии в Поволжье, разработанная ассоциацией «Большая Волга» совместно с Приволжским федеральным округом и с корпорациями «Сибур», «ЛУКОЙЛ», «Татнефть»).

Остальные ассоциации, вопреки Федеральному закону «Об общих принципах деятельности ассоциаций экономического взаимодействия **(стр. 59)** субъектов

Российской Федерации» и Указу Президента РФ от 13 мая 2000 г., предписывающему сотрудничество института полномочных представителей Президента с ассоциациями, превратились в придаток полпредства или же фактически не функционируют. Неэффективность их работы обусловлена нечеткостью функций и правового статуса, ограниченными экономическими возможностями, входящих в них регионов. Необходима разработка механизмов регулирования интеграционных процессов в рамках ассоциаций, преодоление ориентации руководителей регионов на локальные интересы.

Перспективной формой горизонтальной интеграции является создание объединенных органов администраций нескольких соседних регионов, парламентских ассоциаций и объединенных комиссий законодательных органов субъектов РФ, в составе федерального округа, общественных объединений, создаваемых предпринимательским сообществом. Данные институты должны реализовать выходящее за рамки рутинных процедур комплексное, масштабное и проектное взаимодействие одновременно и органов государственной власти субъектов Федерации, и хозяйствующих на их территории бизнес-структур. Это не что иное как государственно-частное партнерство в ходе реализации проектов, представляющих особый интерес. Такое взаимодействие нескольких, и не только граничащих, регионов может оказаться полезным при реализации крупных инфраструктурных проектов.

Воспроизводственно-интеграционная парадигма управления устойчивым развитием макрорегиона отличается от административно-интеграционной не только по форме интеграции, но и по характеру задач, стоящих перед управляющим субъектом. Ключевыми задачами в контексте рассматриваемой парадигмы являются:

1. Разработка алгоритма институционализации интеграционных процессов в пространстве макрорегиона, детерминирующего последовательность и преемственность основных этапов упорядочивания и внутренней самоорганизации указанных процессов. **(Стр. 60)**

2. Формирование комплекса базовых инструментов регулирования воспроизводственного процесса в макрорегионе, учитывающего особенности системной организации социально-экономического пространства и воспроизводственный потенциал как макрорегиона в целом, так и его составляющих (субъектов РФ, входящих в макрорегион), и обеспечивающего согласование экономических интересов.

Институционализация интеграционных процессов выступает определяющим фактором межрегиональных взаимодействий и обеспечения устойчивого макрорегионального развития. Эффективность и комплементарность институтов в макрорегионах способствуют экономическому росту в регионах, коэволюции региональной среды, обеспечивают единство экономических, социальных и политических задач, что содействует устойчивому развитию как отдельных территорий, так и страны в целом.

В ходе разработки алгоритма институционализации интеграционных процессов в макрорегионе необходимо учитывать, что несовпадение степени сложности нового института, регламентирующего интеграционные процессы, и общего состояния институциональной среды регионов, может привести к возникновению институциональных разрывов. Особенно остро данная проблема ощутима в

макрорегионах, где неформальные правила и традиции могут оказывать доминирующее воздействие на институциональные нормы (в частности, на Северном Кавказе). Внедрение формальных правил и механизмов «сверху» способствует проявлению некомплементарности институтов и эскалации институциональных конфликтов в регионах.

Переход от административно-интеграционной парадигмы к воспроизводственно-интеграционной парадигме управления устойчивым развитием макрорегиона меняет акценты в инструментарии его осуществления. В формате воспроизводственно-интеграционной парадигмы формирование базовых инструментов регулирования воспроизводственного (стр. 61) процесса в макрорегионе связано с отказом от использования внешних макроэкономических инструментов выравнивания уровней развития регионов (перераспределительных механизмов, распределяющих уже созданный валовой внутренний продукт между регионами) и опорой на механизм внутренней мобилизации территориальных ресурсов.

В этой связи представляется конструктивной позиция В.Н. Овчинникова и Ю.С. Колесникова, считающих, что политика в отношении регионов должна заключаться в создании благоприятных условий для обеспечения самодостаточного режима воспроизводства на мезоэкономическом уровне, снятии инфраструктурных и институциональных ограничений регионального развития на пути создания разветвленной магистрально-транспортной инфраструктуры, рационализации использования территориальных ресурсов и обеспечения свободы маневра ими в трансрегиональных координатах реального экономического пространственно-временного континуума [9 – Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. С.112.].

Некоторые ученые-экономисты полагают, что воздействие государства на функционирование экономики региона должно осуществляться через внешнюю среду бизнеса. Они рассматривают систему управления как внешнюю среду, обеспечивающую безопасность товаров и услуг для потребителей, соблюдение экологических требований в процессе производства, достоверность рекламной информации, а также поддержку частного бизнеса на основе субсидирования, защиты от недобросовестной конкуренции, обеспечения возможностей выхода на рынки других стран. Формы и методы реализации региональной политики государства в таком контексте рассматриваются как с позиций интересов бизнеса, так и с позиций региональной социально-экономической системы и общества в целом.

(Стр. 62) Сторонники данного направления отмечают, что региональная экономика функционирует в рамках регулируемой внешней среды, которая определяет поведение хозяйствующих субъектов посредством воздействия на них в следующих направлениях [10 – Новоселов А.С. Методологические проблемы управления экономикой региона // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 57-58.]:

- внутрифирменные отношения;
- контрактные отношения с другими фирмами;
- внешнеэкономические связи;
- рыночная конъюнктура;

- кредитование;
- страхование рисков;
- правовые нормы, стандарты и т.д.

В данном контексте региональное управление представляет собой сложную систему форм и методов влияния на внешнюю среду функционирования бизнеса, определяющую правила поведения субъектов и устанавливающую параметры, в рамках которых реализуется процесс согласования частнопредпринимательских интересов и интересов регионального сообщества в целом.

В рамках многоукладной экономики при наличии множества собственников цель управления экономикой макрорегиона состоит в обеспечении рационального использования и расширенного воспроизводства региональных ресурсов, создании условий для жизнедеятельности населения и развития предпринимательства.

Общая эффективность системы регионального управления будет зависеть от того, насколько адекватно ее элементы отражают функции и полномочия управления, в какой степени они согласованы и соответствуют целям социально-экономического развития региона. Основные функции региональной власти состоят в создании, во-первых, достойных человека условий жизни с учетом качества среды проживания и удовлетворения **(стр. 63)** потребностей в материальных благах и услугах общественного сектора, во-вторых благоприятной среды для деятельности экономических субъектов всех форм собственности. Трансформируя обозначенные функции в практические задачи управления, можно сказать, что механизм управления макрорегионом и регионами в его составе должен способствовать воспроизводству и эффективному использованию всех региональных ресурсов – природных, человеческих и финансовых, региональной инфраструктуры, - а также обеспечивать равновесие и Парето-оптимальное развитие социальной, природной и рыночной подсистем территориальной экономики.

При этом формирование социально-экономической среды макрорегиона в рамках воспроизводственно-интеграционной парадигмы управления рассматривается как процесс взаимодействия региональных воспроизводственных циклов, а создание финансово-экономической базы региона происходит в результате эквивалентных производственно-экономических связей между бизнесом и региональной экономикой, что предполагает прямую зависимость экономических возможностей региональных органов управления от эффективности работы предприятий и организаций, расположенных на его территории.

Для обеспечения прочности конструкции макрорегионального хозяйства важно активно использовать инструменты и институты, обладающие значительным интеграционным потенциалом. В макрорегионе в качестве интеграционного модуля по отношению к общественному воспроизводству выступают магистральная инфраструктура, включающая сеть транспортных коридоров, энергосистему, сеть телекоммуникаций и др., а также рыночная инфраструктура (торгово-посредническая, финансово-кредитная, внешнеэкономическая, информационная, экономико-правовая). Недостаточный уровень развития магистральной и рыночной инфраструктуры макрорегиона приводит к снижению деловой активности, **(стр. 64)** отставанию в развитии производства, нарушению нормального воспроизводственного процесса.

Реализации крупных инфраструктурных проектов будет содействовать межрегиональное государственно-частное партнерство, которое может осуществляться разными способами: в виде финансовой кооперации, путем реализации совместных инвестиционных проектов, в форме совместных социальных программ и т.п.

Особую остроту в контексте новой парадигмы управления устойчивым режимом функционирования экономики макрорегиона вызывают вопросы межрегиональной конкуренции.

В экономической литературе выделяется две формы межрегиональной конкуренции – вертикальная и горизонтальная [11 – Конкурентоспособность регионов: теоретико-прикладные аспекты/ Под ред. Ю.К. Перского, Н.Я. Калюжной. – М: ТЕИС, 2003. С.35.]. Проявлением вертикальной конкуренции выступает конкуренция за привлечение финансовых ресурсов и увеличение объема властных полномочий. С этой целью могут применяться как ценовые способы конкуренции (деятельность, направленная на лоббирование финансовых трансфертов, финансирование региональных программ и т.п.), так и неценовые (законодательная работа, выход на мировой рынок).

Горизонтальная конкуренция осуществляется за экономические ресурсы и рынки сбыта и основывается на использовании таких инструментов как: налоговые льготы, создание зон с особым экономическим режимом, льготное кредитование, развитие рыночной и социальной инфраструктуры и др.

Межрегиональная конкуренция имеет ряд экстерналий. В.Н. Овчинников и Ю.С. Колесников предлагают различать прямые и косвенные экстерналий [12 – Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. С.96.]. К прямым экстерналиям могут быть отнесены положительные и отрицательные эффекты, возникновение которых происходит в других (стр. 65) регионах от производства общественных благ в рассматриваемом регионе. Косвенные экстерналии опосредованы движением мобильных факторов между регионами и включают следующие эффекты: импорт ценных ресурсов, экспорт налогов, экспорт проблем региона на другие территории.

Следствием межрегиональной конкуренции в границах макрорегиона может выступать нарушение Парето-оптимальности, выражающееся в ухудшении социально-экономического положения отдельных регионов и снижении степени связанности единого экономического пространства макрорегиона как ключевого критерия устойчивого развития.

В условиях конкуренции исходное неравенство территорий и нарастание темпов изменений будут продуцировать усиление межрегионального неравенства. Будет происходить жесткий, но естественный отбор территорий, не деформирующий условий рыночной конкуренции. Исходя из либерально-экономических критериев пространственной политики такой отбор более предпочтителен нежели директивное определение полюсов роста государственными властями.

По мнению А. Швецова [114 – Швецов А.Н. Традиционный централизм или новый регионализм: подходы к обеспечению территориального развития // Регион: экономика и социология. - 2007. - № 1.], региональная конкуренция может быть социально справедливой и экономически эффективной только при условии максимально возможной децентрализации системы использования финансовых

ресурсов страны. Иными словами, на каждой территории следует оставлять как можно большую долю средств, источником которых является осуществляемая на этой территории экономическая деятельность. **Безусловно**, признание естественности межрегиональной конкуренции не отменяет допустимости, и даже необходимости принятия специальных государственных мер по уменьшению чрезмерных контрастов в уровнях развития территорий посредством оказания финансовой помощи нуждающимся регионам или реализации программ оздоровления депрессивных территорий.

Современные тенденции развития общественного воспроизводства, связанные с усилением инновационной компоненты воспроизводственного (стр. 66) процесса, снижают эффект от межрегиональной конкуренции. Как отмечает ряд ученых, «все труднее в одиночку создавать конкурентное пространство за счет редкости ресурса или ограничения на получение информации ... такая постановка вопроса предполагает смещение акцента с конкурентной борьбы на конкурентное сосуществование, которое, в свою очередь, невозможно без формирования тех или иных интеграционных соглашений между субъектами экономики» [13 – Важенин С.Г., Злоченко А.Р., Татаркин А.И. Слагаемые конкурентоспособного поведения региона //Регион:экономика и социология. 2004. №3. С.37.].

В перспективе наибольшей угрозой территориальному развитию станет глобальная экономика с ее возрастающей конкуренцией на мировом уровне, нивелированием ограничений и расширением спектра неожиданных событий, причины которых будут лежать далеко за пределами возможностей влияния местных сообществ. Вся совокупность этих факторов неизбежно создает и громадные возможности для экономического прорыва регионов и их конгломератов.

В этой связи важной задачей в области управления устойчивым развитием макрорегиона является обеспечение перехода от межрегиональной конкуренции к макрорегиональной конкуренции, под которой понимается конкурентное и взаимодополняющее сосуществование регионов в составе макрорегиона, основанное на реализации общих стратегических целей и соблюдении критерия Парето-оптимальности. Макрорегиональная конкурентоспособность может быть идентифицирована в формате конкуренции в национальном или глобальном экономическом пространстве, где отдельный регион позиционирует себя от имени макрорегиона или страны с помощью своего регионального бренда, этнического «окраса» и т.п.

В основе макрорегиональной конкурентоспособности лежит теория «ядра многорегиональной системы». В терминологии А.Г. Гранберга ядром многорегиональной системы выступает «множество таких вариантов (стр. 67) развития, в осуществлении которых заинтересованы все регионы в том смысле, что им невыгодно выделяться из системы, образуя коалиции» [14 – Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. С.89.].

Решению такой управленческой задачи как формирование ядра макрорегиона способствует эффективная реализация такой функции полпредства как стратегическое планирование социально-экономического развития территории. Следует согласиться с мнением В.Н. Лексина, полагающего, что в последнее десятилетие отмечается противоречие между массовым увлечением формальной и разрозненной разработкой различных «стратегий», «программ» и тому подобных

документов, которые, в принципе должны были бы определить задачи и направления территориального развития в субъектах РФ и многих муниципальных образованиях, и отсутствием единой общегосударственной системы разработки документов, позволяющих взаимоувязывать перспективы развития отдельных регионов и страны (или макрорегиона) в целом [15 – Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. №3. С.28-29.]. Разработка региональных стратегий носила изолированный характер, недостаточно учитывались интересы и конкурентные преимущества соседних регионов. В этой связи формирование эффективной системы управления устойчивым развитием макрорегиона предполагает максимально полный учет конкурентных преимуществ каждого из регионов по сравнению друг с другом и разработку стратегии их взаимодополняющего развития, обеспечив тем самым переход от межрегиональной конкуренции к межрегиональной интеграции. Более того необходимо обеспечить согласование всех четырех уровней экономических интересов.

Стратегия развития проблемного макрорегиона, в том числе и Северного Кавказа, должна включать ряд этапов, позволяющих обеспечить последовательное распространение экономической активности от относительно более развитых к относительно менее развитым субъектам Федерации.

(Стр. 68) Мы солидарны с Р. Мельниковым, который утверждает: «На первом этапе целесообразно сконцентрироваться на стимулировании развития наиболее перспективных отраслей и пространственных полюсов роста проблемных регионов» [16 – Мельников Р. Федеральная региональная экономическая политика: стратегические альтернативы и пути реализации // Федерализм. 2006. №2. С.52.]. Это позволит решить ряд задач:

- повысить темпы экономического роста отстающих регионов в сравнении с лидирующими и сократить масштабы неравенства между регионами;
- сформировать в границах отстающих регионов динамичные центры роста, способные передавать импульсы развития смежным территориям;
- аккумулировать в результате реализации эффективных инвестиционных проектов финансовые ресурсы, необходимые для дальнейшего развития.

При этом, как отмечалось ранее, не должен нарушаться критерий Парето-оптимальности.

На втором этапе становится практически реализуемой эффективная поддержка территорий в границах проблемного региона, обладающих несколько меньшим потенциалом развития. Используя созданные на первом этапе финансовые ресурсы и рыночные возможности, можно будет подготовить и реализовать инвестиционные проекты, ориентированные на обеспечение более сбалансированного развития отстающих территорий.

Подводя итоги, можно сказать, что региональная политика федерального центра на Северном Кавказе должна трансформироваться из политики сглаживания текущих межрегиональных различий в бюджетных расходах в долгосрочную политику формирования условий и снятия ограничений, детерминирующих развитие региональных систем, обустройства территории и развития инфраструктуры с соответствующим изменением ее организации и применяемых инструментов.» – **фактически дословно на 18 страницах диссертации (стр. 51–68) совпадает с**

текстом диссертации Галачиевой С.В. (стр. 59–76) с сохранением разграничений на абзацы, выводов и стилистических выражений («более оправданным видится подход», «трудно не согласиться с мнением», «мы полностью согласны с позицией», «в этой связи представляется конструктивной позиция» «мы солидарны», «следует согласиться с мнением» – выделены курсивным полужирным начертанием), заимствуются ссылки на источники литературы, одинаковые по расположению и включению в совпадающие предложения, пропущены абзац и рисунок на стр. 68 диссертации Галачиевой С.В., также дана подстрочная ссылка на источник (Швецов А. Децентрализация федеральной региональной политики // Федерализм. 2006. №4. С. 16), который отсутствует в библиографическом списке диссертации Яковлевой С.В.; текст диссертации Галачиевой С.В., стр. 59–76: «(Стр. 59) Опыт реализации рыночных реформ в Российской Федерации показывает, что макрорегиональный уровень управления, характеризуется недостаточной проработанностью. Это, прежде всего, связано с неопределенностью места макрорегиона в сложившейся системе управления, неурегулированностью форм и методов взаимодействия различных структур территориальной системы. Однако в условиях усиления взаимозависимости регионов до такой степени, когда действия одного из них затрагивают интересы других регионов и региональных систем, возникает необходимость формирования парадигмы управления устойчивым развитием макрорегиона.

Парадигму макрорегионального управления устойчивым развитием следует рассматривать как исходную концептуальную схему, модель управления, которая должна быть ориентирована на эффективную организацию-совокупности процессов и действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимовыгодных межрегиональных связей, сбалансированному развитию системообразующих элементов социально-экономической системы макрорегиона, согласующемуся с вектором развития национальной экономики.

В современной отечественной науке можно выделить два подхода к вопросу государственного управления развитием социально-экономических систем разного уровня. Первый подход составляет содержание либерально-рыночной модели государственного управления (Е.Т. Гайдар, Е.Г. Ясин, А.Н. Илларионов и др.). Исходя из доктрины «Вашингтонского консенсуса», он доказывает, что механизм рыночного саморегулирования является единственно возможным. Либерально-рыночная концепция предполагает усиление роли (стр. 60) частных источников роста (частных фирм и домохозяйств). Они должны замещать и постепенно вытеснять государство из предпринимательской зоны. Государство должно создавать максимально благоприятные условия для функционирования частных экономических агентов, стимулировать их интерес к развитию, то есть стимулировать предложение товаров и услуг на рынке.

Второй подход представлен институционально-государственной (дирижистской) моделью управления, которая наиболее полно сформулирована такими российскими учеными как Л.И. Абалкин, С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов. Институционально-государственная концепция границы централизованного государственного регулирования связывает с закономерностями развития технологических укладов и делает ставку на возможности государства, компенсирующего недостатки делового климата и частных инвестиций. Государство

в этой конструкции является основным источником роста – и как источник ключевых финансовых ресурсов, и как нейтрализатор «рыночной стихии», и как держатель ключевых институтов, необходимых для экономического роста. Государство определяет приоритеты, концентрирует на них политический и финансовый ресурс, выстраивает финансовую систему, опираясь на принадлежащие государству банки и биржи, напрямую руководит ключевыми производственными компаниями (контролирует «командные высоты»). Государственный спрос не только на товары и услуги, но и на институты, оказывается здесь системообразующим. От государства же зависит в значительной мере и спрос домохозяйств.

Эта дихотомия хорошо известна из экономической теории и из экономической истории. Она возникла задолго до появления современного глобального кризиса. Выбор между экономикой спроса и экономикой предложения лежит в основе характерной для всего XX века дискуссии между кейнсианскими и неоклассическими моделями экономического роста.

Еще более актуальна эта тема для стран с развивающейся экономикой (или стран догоняющей модернизации). Анализируя опыт Германии и России второй половины XIX – начала XX веков, А. Гершенкрон показал, что в **(стр. 61)** условиях догоняющего развития государство должно брать на себя компенсацию рыночной неопределенности, и особенно слабости только зарождающихся рыночных институтов [51 – Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.].

В этой связи полагаем, что в основу формирования парадигмы управления устойчивым развитием северокавказского макрорегиона должна быть положена институционально-государственная модель.

Однако можно указать, как минимум, на две ловушки, возникающие в рамках реализации дирижистского подхода.

Первая связана с тем, что уровень эффективности (неэффективности) государственных инвестиций будет в пределе задан общим уровнем эффективности инвестиций в экономике, общим- уровнем конкурентности рынков, то есть: чем более конкурентной является среда, тем более эффективными (менее неэффективными) могут быть государственные инвестиции, и, наоборот, снижение уровня конкурентности среды будет вести к пропорциональному росту уровня неэффективности государственных инвестиций.

Вторая обусловлена тем, что большинство, успешных опытов дирижистских модернизаций были сопряжены с созданием экономики, ориентированной на промышленный экспорт. При всех недостатках внутренней институциональной среды, значительном уровне вмешательства государства в экономику мерилем успешности фирм оставалась их способность расширять присутствие на внешних рынках в условиях жесткой конкуренции, что и являлось в конечном итоге мотором развития – фильтром, отбирающим наиболее перспективные образцы, проекты и направления бизнеса. И, наоборот, в условиях модели роста, ориентированной на внутренний спрос, плохие институты и расширение присутствия государства в экономике лишь искажают рыночные стимулы, ведут к понижению среднего уровня эффективности.

(Стр. 62) Таким образом, альтернатива выглядит- не как «частные инвестиции / государственные инвестиции», а как «конкурентная среда / неконкурентная среда». В

первом случае государственные инвестиции могут помочь рынку, во втором – это всего лишь попытка подменить рынок, компенсировать недостаток конкуренции масштабами и концентрацией инвестиций, собственности; полномочий, а также: поиском специфических низкоконкурентных ниш в мировом разделении труда. Осознание этой альтернативы позволяет сформулировать систему безусловных приоритетов в институциональной сфере: необходимо первоочередное улучшение институтов; низкое качество которых непосредственно подавляет конкуренцию. Следовательно, интервенционистская политика государства: может быть относительно успешной только если она встроена в рынок, а не подменяет его.

В современной России управление устойчивым развитием макрорегиона основывается на административно-интеграционной' парадигме, которая ориентирована на преимущественное использование административных ресурсов власти. Именно эта парадигма легла в основу создания федеральных округов и позволила добиться определенных позитивных результатов, прежде всего, в области восстановления единого правового и отчасти экономического пространства Российской Федерации. Серьезные подвижки достигнуты в координации деятельности федеральных структур на территории каждого субъекта Федерации.

Однако если на начальном этапе формирования федеральных округов данная модель была оправдана, то уже через несколько лет она продемонстрировала ограниченность своих возможностей. Как верно отмечает В. Лысенко, «основные усилия здесь направляются не столько на создание правовых, политических, экономических, финансовых и иных условий для развития малого и среднего бизнеса, повышения самостоятельности местного самоуправления, включения в реформирование институтов гражданского общества, сколько на сосредоточение всех основных рычагов управления и ресурсов в руках государства, выстраивание жесткой вертикали власти под (стр. 63) собственным руководством и при помощи федеральных программ социально-экономического развития федеральных округов, напоминающих в большинстве директивное планирование, решить основные проблемы региона» [52 – Лысенко В. Развитие федеральных округов и будущее федеративного устройства России // Федерализм. 2002. №3. С. 169.].

В этой связи *более оправданным видится подход* к управлению устойчивым развитием макрорегиона с позиции теории расширенного воспроизводства, которая была выдвинута Р.И. Шнипером и его учениками относительно управления экономикой региона [53 – Воспроизводственные проблемы планового управления регионом/ Под ред. Р.И. Шнипера и А.С. Новоселова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1989; Маршалова А.С, Новоселов А.С. Основы теории регионального воспроизводства. – М.: Экономика, 1998; Новоселов А.С. Методологические проблемы управления экономикой региона // Регион: экономика и социология. 2008. №2. С.49-67.]. Воспроизводственный подход означает, что управление экономикой региона любого ранга опирается на принципы, которые устанавливаются в соответствии с законами общественного воспроизводства и отражают внутренние взаимосвязи региональной системы [54 – Новоселов А.С. Методологические проблемы управления экономикой региона // Регион: экономика и социология. 2008. №2. С.55.]. В контексте данного подхода предметом управления является воспроизводственный процесс.

Актуальными остаются и результаты теоретических исследований по проблемам использования интеграционного подхода в управлении многорегиональными системами [55 – Керашев А.А. Интеграционно-воспроизводственная парадигма управления хозяйственным комплексом макрорегиона: дис. ... д-ра экон.наук. – Майкоп, 2005.]. Предметом управления с позиции интеграционного подхода выступает многообразие взаимодействующих экономических интересов, которые могут быть сведены в четыре группы:

- интересы федерального центра в отношении конкретной территории;
- интересы бизнес-структур, связанные с задачами развития и функционирования социальной и производственной инфраструктуры макрорегиона;
- региональные интересы, связанные с обеспечением устойчивого развития регионов в составе макрорегиона;
- интересы предприятий и организаций различных форм собственности, получающие выражение в осуществлении внутри- и межрегиональных связей.

(Стр. 64) Системное управление устойчивым развитием макрорегиона возможно, на наш взгляд, лишь на основе комплексного использования воспроизводственного и интеграционного подхода.

Воспроизводственно-интеграционная парадигма предполагает формирование стимулов для функционального и структурного сращивания в системную целостность прежде обособленных региональных воспроизводственных комплексов в рамках макрорегиона. Данная парадигма управления предполагает обеспечение устойчивого развития макрорегиона за счет получения синергетического эффекта от переплетения воспроизводственных потенциалов субъектов РФ, входящих в макрорегион.

В рамках воспроизводственно-интеграционной парадигмы управления устойчивым развитием макрорегиона акцент смещается с вертикальной интеграции (создание федеральных округов и укрепление института полномочных представителей Президента) в пользу усиления горизонтальных связей, на необходимость развития которой обращают ученые. *Трудно не согласиться с мнением* А. Швецова, который отмечает, что кардинальное и отвечающее современным мировым веяниям изменение ситуации в территориальном развитии может быть связано только с преодолением в государственной региональной политике тенденции к усиленной централизации. Императивное значение приобретает переход от сверхцентрализованной системы с доминированием интересов, ресурсов и действий федерального уровня власти к новой децентрализованной системе, в которой более заметную роль мог бы играть, а, в конечном счете, и получить преобладающее значение самостоятельный выбор регионами путей своего социально-экономического развития. Разумеется, такое самоопределение должно происходить в пределах и с соблюдением необходимых и достаточных общегосударственных установок, интересов и ограничений (конституционно-законодательных, институциональных, экономических, социальных). Иными словами, принцип «сверху вниз» в реализации региональной политики в нашей **(стр. 65)** стране должен быть постепенно заменен принципом «снизу вверх» [56 – Швецов А. Традиционный централизм или новый регионализм: подходы к обеспечению территориального развития // Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 13.]. Кроме того, практика все настойчивее требует

развития интеграции экономического и социального пространства страны по горизонтали, причем интеграции на более эффективных принципах и механизмах прямого взаимодействия регионов [57 – Швецов А. Децентрализация федеральной региональной политики // Федерализм. 2006. №4. С.16.], что будет более реалистично в условиях расширения экономических возможностей регионов.

Мы полностью согласны с позицией А.А. Керашева относительно того, что «обеспечить потребности интеграции различных в производственном, коммерческом, финансовом, этносоциальном и других отношениях региональных хозяйственных комплексов сможет не очередная чиновничья со пирамида, а структура в форме общественной ассоциации» [58 – Керашев А.А. Интеграционно-воспроизводственная парадигма управления хозяйственным комплексом макрорегиона: дис.... д-разкон.наук. - Майкоп, 2005. С.261.]. Как справедливо отмечает автор, реализация принципа ассоциации позволит избежать принуждения и закрепления имевшихся к началу интеграционного процесса разрывов в виде устойчивых форм институциональной асимметрии.

Горизонтальные образования получили развитие в США, Канаде, европейских федеративных государствах и представляют собой важнейший механизм саморегуляции большинства процессов жизни этих стран без вмешательства центральной власти. Так, в США все штаты сгруппированы в 9 крупных регионов, в которых отсутствуют какие-либо управляющие органы правительственного уровня. При этом федеральные власти всемерно благоприятствуют штатам в их координационном взаимодействии, умело направляя деятельность консультативных органов в нужное для федерации русло.

В России важной формой горизонтальной интеграции являются ассоциации экономического взаимодействия регионов, которые начали создаваться с 1991 г. по инициативе региональных органов власти. Положительной оценки заслуживает опыт работы ассоциаций «Сибирское (стр. 66) соглашение» и «Большая Волга», которые решают задачи реализации крупномасштабных региональных инвестиционных программ и проектов, координируют политику занятости и социальной защиты населения, развития инфраструктуры, принимают участие в подготовке концепций по развитию отраслей экономики и производственных комплексов (например, Концепция развития нефтехимии в Поволжье, разработанная ассоциацией «Большая Волга» совместно с Приволжским федеральным округом и с корпорациями «Сибур», «ЛУКОЙЛ», «Татнефть»).

Остальные ассоциации, вопреки Федеральному закону «Об общих принципах деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации» и Указу Президента РФ от 13 мая 2000 г., предписывающему сотрудничество института полномочных представителей Президента с ассоциациями, превратились в придаток полпредства или же фактически не функционируют. Неэффективность их работы обусловлена нечеткостью функций и правового статуса, ограниченными экономическими возможностями, входящих в них регионов. Необходима разработка механизмов регулирования интеграционных процессов в рамках ассоциаций, преодоление ориентации руководителей регионов на локальные интересы.

Перспективной формой горизонтальной интеграции является создание объединенных органов администраций нескольких соседних регионов,

парламентских ассоциаций и объединенных комиссий законодательных органов субъектов РФ, в составе федерального округа, общественных объединений, создаваемых предпринимательским сообществом. Данные институты должны реализовать выходящее за рамки рутинных процедур комплексное, масштабное и проектное взаимодействие одновременно и органов государственной власти субъектов Федерации, и хозяйствующих на их территории бизнес-структур. Это не что иное как государственно-частное партнерство в ходе реализации проектов, представляющих особый интерес. Такое взаимодействие нескольких, и не только граничащих, регионов может оказаться полезным при реализации крупных инфраструктурных проектов.

(Стр. 67) Воспроизводственно-интеграционная парадигма управления устойчивым развитием макрорегиона отличается от административно-интеграционной не только по форме интеграции, но и по характеру задач, стоящих перед управляющим субъектом. Ключевыми задачами в контексте рассматриваемой парадигмы являются:

1. Разработка алгоритма институционализации интеграционных процессов в пространстве макрорегиона, детерминирующего последовательность и преемственность основных этапов упорядочивания и внутренней самоорганизации указанных процессов.

2. Формирование комплекса базовых инструментов регулирования воспроизводственного процесса в макрорегионе, учитывающего особенности системной организации социально-экономического пространства и воспроизводственный потенциал как макрорегиона в целом, так и его составляющих (субъектов РФ, входящих в макрорегион), и обеспечивающего согласование экономических интересов.

Институционализация интеграционных процессов выступает определяющим фактором межрегиональных взаимодействий и обеспечения устойчивого макрорегионального развития. Эффективность и комплементарность институтов в макрорегионах способствуют экономическому росту в регионах, коэволюции региональной среды, обеспечивают единство экономических, социальных и политических задач, что содействует устойчивому развитию как отдельных территорий, так и страны в целом.

В ходе разработки алгоритма институционализации интеграционных процессов в макрорегионе необходимо учитывать, что несовпадение степени сложности нового института, регламентирующего интеграционные процессы, и общего состояния институциональной среды регионов, может привести к возникновению институциональных разрывов. Особенно остро данная проблема ощутима в макрорегионах, где неформальные правила и традиции могут оказывать доминирующее воздействие на институциональные нормы (в **(стр. 68)** частности, на Северном Кавказе). Внедрение формальных правил и механизмов «сверху» способствует проявлению некомплементарности институтов и эскалации институциональных конфликтов в регионах. [...]

Переход от административно-интеграционной парадигмы к воспроизводственно-интеграционной парадигме управления устойчивым развитием макрорегиона меняет акценты в инструментарии его осуществления. В формате воспроизводственно-интеграционной парадигмы формирование базовых

инструментов регулирования воспроизводственного процесса в (стр. 69) макрорегионе связано с отказом от использования внешних макроэкономических инструментов выравнивания уровней развития регионов (перераспределительных механизмов, распределяющих уже созданный валовой внутренний продукт между регионами) и опорой на механизм внутренней мобилизации территориальных ресурсов.

В этой связи представляется конструктивной позиция В.Н. Овчинникова и Ю.С. Колесникова, считающих, что политика в отношении регионов должна заключаться в создании благоприятных условий для обеспечения самодостаточного режима воспроизводства на мезоэкономическом уровне, снятии инфраструктурных и институциональных ограничений регионального развития на пути создания разветвленной магистрально-транспортной инфраструктуры, рационализации использования территориальных ресурсов и обеспечения свободы маневра ими в трансрегиональных координатах реального экономического пространственно-временного континуума [59 – Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. С.112.].

Некоторые ученые-экономисты полагают, что воздействие государства на функционирование экономики региона должно осуществляться через внешнюю среду бизнеса. Они рассматривают систему управления как внешнюю среду, обеспечивающую безопасность товаров и услуг для потребителей, соблюдение экологических требований в процессе производства, достоверность рекламной информации, а также поддержку частного бизнеса на основе субсидирования, защиты от недобросовестной конкуренции, обеспечения возможностей выхода на рынки других стран. Формы и методы реализации региональной политики государства в таком контексте рассматриваются как с позиций интересов бизнеса, так и с позиций региональной социально-экономической системы и общества в целом.

Сторонники данного направления отмечают, что региональная экономика функционирует в рамках регулируемой внешней среды, которая определяет (стр. 70) поведение хозяйствующих субъектов посредством воздействия на них в следующих направлениях [60 – Новоселов А.С. Методологические проблемы управления экономикой региона // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 57-58.]:

- внутрифирменные отношения;
- контрактные отношения с другими фирмами;
- внешнеэкономические связи;
- рыночная конъюнктура;
- кредитование;
- страхование рисков;
- правовые нормы, стандарты и т.д.

В данном контексте региональное управление представляет собой сложную систему форм и методов, влияющих на внешнюю среду функционирования бизнеса, определяющую правила поведения субъектов и устанавливающую параметры, в рамках которых реализуется процесс согласования частнопредпринимательских, интересов и интересов регионального сообщества в целом.

В рамках многоукладной экономики» при наличии множества собственников, цель управления экономикой макрорегиона состоит в обеспечении, рационального использования и расширенного воспроизводства региональных ресурсов, создании условий для жизнедеятельности населения и развития предпринимательства.

Общая эффективность системы регионального управления будет зависеть от того, насколько адекватно ее элементы отражают функции и полномочия управления, в какой степени они согласованы и соответствуют целям социально-экономического развития региона. Основные функции региональной власти состоят в создании, во-первых, достойных человека условий жизни с учетом качества среды проживания и удовлетворения потребностей в материальных благах и услугах общественного сектора, во-вторых благоприятной среды для деятельности- экономических субъектов всех форм (стр. 71) собственности. Трансформируя обозначенные функции в практические задачи управления; можно сказать, что механизм управления макрорегионом и регионами в его составе должен способствовать воспроизводству и эффективному использованию всех региональных ресурсов – природных, человеческих и финансовых, региональной инфраструктуры, - а также обеспечивать равновесие и Парето-оптимальное развитие социальной, природной и рыночной подсистем территориальной экономики.

При этом формирование социально-экономической среды макрорегиона в рамках воспроизводственно-интеграционной парадигмы управления рассматривается как процесс взаимодействия- региональных воспроизводственных циклов, а создание финансово-экономической базы региона происходит в результате эквивалентных производственно-экономических связей между бизнесом и региональной экономикой, что предполагает прямую зависимость экономических возможностей региональных органов управления от эффективности работы, предприятий и организаций, расположенных на его территории.

Для обеспечения прочности конструкции макрорегионального хозяйства важно активно использовать инструменты и институты, обладающие значительным интеграционным потенциалом. В макрорегионе в качестве интеграционного модуля по отношению к общественному воспроизводству выступают магистральная инфраструктура, включающая сеть транспортных коридоров, энергосистему, сеть телекоммуникаций и др., а также рыночная инфраструктура (торгово-посредническая, финансово-кредитная, внешнеэкономическая, информационная, экономико-правовая). Недостаточный уровень развития магистральной и рыночной инфраструктуры макрорегиона приводит к снижению деловой активности, отставанию в развитии производства, нарушению нормального воспроизводственного процесса.

Реализации крупных инфраструктурных проектов будет содействовать межрегиональное государственно-частное партнерство, которое может осуществляться разными способами: в виде финансовой кооперации, путем (стр. 72) реализации совместных инвестиционных проектов, в форме совместных социальных программ и т.п.

Особую остроту в контексте новой парадигмы управления устойчивым режимом функционирования экономики макрорегиона вызывают вопросы межрегиональной конкуренции.

В экономической литературе выделяется две формы межрегиональной конкуренции – вертикальная и горизонтальная [61 – Конкурентоспособность регионов: теоретико-прикладные аспекты/ Под ред. Ю.К. Перского, Н.Я. Калюжной. – М.: ТЕИС, 2003. С.35.]. Проявлением вертикальной конкуренции выступает конкуренция за привлечение финансовых ресурсов и увеличение объема властных полномочий. С этой целью могут применяться как ценовые способы конкуренции (деятельность, направленная на лоббирование финансовых трансфертов, финансирование региональных программ- и т.п.), так и неценовые (законодательная работа, выход на мировой рынок).

Горизонтальная конкуренция осуществляется за экономические ресурсы и рынки сбыта и основывается на использовании таких инструментов как: налоговые льготы, создание зон с особым экономическим режимом, льготное кредитование, развитие рыночной и социальной инфраструктуры и др.

Межрегиональная конкуренция имеет ряд экстерналии. В.Н. Овчинников и Ю.С. Колесников предлагают различать прямые и косвенные экстерналии [62 – Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. С.96.]. К прямым экстерналиям могут быть отнесены положительные и отрицательные эффекты, возникновение которых происходит в других регионах от производства общественных благ в рассматриваемом- регионе. Косвенные экстерналии опосредованы движением мобильных факторов между регионами и включают следующие эффекты: импорт ценных ресурсов, экспорт налогов, экспорт проблем региона на другие территории.

Следствием межрегиональной конкуренции в границах макрорегиона может выступать нарушение Парето-оптимальности, выражающееся в ухудшении социально-экономического положения отдельных регионов и **(стр. 73)** снижении степени связанности единого экономического пространства макрорегиона как ключевого критерия устойчивого развития.

В условиях конкуренции исходное неравенство территорий и нарастание темпов изменений будут продуцировать усиление межрегионального неравенства. Будет происходить жесткий, но естественный отбор территорий, не деформирующий условий рыночной конкуренции. Исходя из либерально-экономических критериев пространственной политики такой отбор более предпочтителен нежели директивное определение полюсов роста государственными властями.

По мнению А. Швецова, региональная конкуренция может быть социально справедливой и экономически эффективной только при условии максимально возможной децентрализации системы использования финансовых ресурсов страны. Иными словами, на каждой территории следует оставлять как можно большую долю средств, источником которых является, осуществляемая на этой территории экономическая деятельность. **Безусловно**, признание естественности межрегиональной конкуренции не отменяет допустимости, и даже необходимости принятия специальных государственных мер по уменьшению чрезмерных контрастов в уровнях развития территорий посредством оказания финансовой помощи нуждающимся регионам или реализации программ оздоровления, депрессивных территорий.

Современные тенденции развития общественного воспроизводства, связанные с усилением инновационной компоненты воспроизводственного, процесса, снижают

эффект от межрегиональной конкуренции. Как отмечает ряд ученых, «все труднее в одиночку создавать конкурентное пространство за счет редкости ресурса или ограничения на получение информации ... такая постановка вопроса предполагает смещение акцента с конкурентной борьбы на конкурентное сосуществование, которое, в свою очередь, невозможно без **(стр. 74)** формирования тех или иных интеграционных соглашений между субъектами экономики» [63 – Важенин С.Г., Злоченко А.Р., Татаркин А.И. Слагаемые конкурентоспособного поведения региона // Регион: экономика и социология. 2004. №3. С.37.].

В перспективе наибольшей угрозой территориальному развитию станет глобальная экономика с ее возрастающей конкуренцией на мировом уровне, нивелированием ограничений и расширением спектра неожиданных событий, причины которых будут лежать далеко за пределами возможностей влияния местных сообществ. Вся совокупность этих факторов неизбежно создает и громадные возможности для экономического прорыва регионов и их конгломератов.

В этой связи важной задачей в области управления устойчивым развитием макрорегиона является обеспечение перехода от межрегиональной конкуренции к макрорегиональной конкуренции, под которой понимается конкурентное и взаимодополняющее сосуществование регионов в составе макрорегиона, основанное на реализации общих стратегических целей и соблюдении критерия Парето-оптимальности. Макрорегиональная конкурентоспособность может быть идентифицирована в формате конкуренции в национальном или глобальном экономическом пространстве, где отдельный регион позиционирует себя от имени макрорегиона или страны с помощью своего регионального бренда, этнического «окраса» и т.п.

В основе макрорегиональной конкурентоспособности лежит теория «ядра многорегиональной системы». В терминологии А.Г. Гранберга ядром многорегиональной системы выступает «множество таких вариантов развития, в осуществлении которых заинтересованы все регионы» в том смысле, что им невыгодно выделяться из системы, образуя коалиции» [64 – Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. С.89.].

Решению такой управленческой задачи как формирование ядра макрорегиона способствует эффективная реализация такой функции полпредства как стратегическое планирование социально-экономического развития территории. Следует согласиться с мнением В.Н. Лексина, **(стр. 75)** полагающего, что в последнее десятилетие отмечается противоречие между массовым увлечением формальной и разрозненной разработкой различных «стратегий», «программ» и тому подобных документов, которые, в принципе должны были бы определить задачи и направления территориального развития в субъектах РФ и многих муниципальных образованиях, и отсутствием, единой общегосударственной системы разработки документов, позволяющих взаимоувязывать перспективы развития отдельных регионов и страны (или макрорегиона) в целом [65 – Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. №3. С.28-29.]. Разработка региональных стратегий носила изолированный характер; недостаточно учитывались интересы и конкурентные преимущества соседних регионов. В этой связи формирование эффективной системы, управления устойчивым развитием макрорегиона предполагает максимально полный

учет конкурентных преимуществ каждого из регионов по сравнению друг с другом и разработку стратегии их взаимодополняющего развития, обеспечив тем самым переход от межрегиональной конкуренции к межрегиональной интеграции. Более того необходимо обеспечить согласование всех четырех уровней экономических интересов.

Стратегия развития проблемного макрорегиона, в том числе и Северного Кавказа, должна включать ряд этапов, позволяющих обеспечить последовательное распространение экономической активности от относительно более развитых к относительно менее развитым субъектам Федерации.

Мы солидарны с Р. Мельниковым, который утверждает: «На первом этапе целесообразно сконцентрироваться на стимулировании развития наиболее перспективных отраслей и пространственных полюсов роста проблемных регионов» [66 – Мельников Р. Федеральная региональная экономическая политика: стратегические альтернативы и пути реализации // Федерализм. 2006. №2. С.52.]. Это позволит решить ряд задач:

- повысить темпы экономического роста отстающих регионов в сравнении с лидирующими и сократить масштабы неравенства между регионами; **(стр. 76)**
- сформировать в границах отстающих регионов динамичные центры роста, способные передавать импульсы развития смежным территориям;
- аккумулировать в результате реализации эффективных инвестиционных проектов финансовые ресурсы, необходимые для дальнейшего развития.

При этом, как отмечалось ранее, не должен нарушаться критерий Парето-оптимальности.

На втором этапе становится практически реализуемой эффективная поддержка территорий в границах проблемного региона, обладающих несколько меньшим потенциалом развития. Используя созданные на первом этапе финансовые ресурсы и рыночные возможности, можно будет подготовить и реализовать инвестиционные проекты, ориентированные на обеспечение более сбалансированного развития отстающих территорий.

Подводя итоги, можно сказать, что региональная политика федерального центра на Северном Кавказе должна трансформироваться из политики сглаживания текущих межрегиональных различий в бюджетных расходах в долгосрочную политику формирования условий и снятия ограничений, детерминирующих развитие региональных систем, обустройства территории и развития инфраструктуры с соответствующим изменением ее организации и применяемых инструментов.»

3.2. Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 106–132: «(Стр. 106) Процессы интернационализации и глобализации мировой экономики, темпы развития которых ускоряются, обуславливают вовлечение не только государств, но и их отдельных регионов в систему мирохозяйственных связей. Экономика регионов характеризуется высокой степенью открытости. Все в большей мере усиливаются взаимосвязанность и взаимозависимость регионов, являющихся подсистемами глобальной экономической системы. Это предопределяет тесную зависимость процессов формирования товарных, финансовых, трудовых, информационных ресурсов и реализации конечной продукции каждого региона от размещения

производства и особенностей потребления, структуры межрегиональных связей в масштабе своей страны, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Все более важным фактором в развитии регионов становится их участие в территориальном и международном разделении труда. Развиваются межрегиональные торгово-посреднические, финансовые, информационные, научно-технические связи, прямые связи по кооперационным поставкам продукции между предприятиями, создаются совместные предприятия, филиалы международных корпораций, банков, финансово-промышленных групп, растет число различных договорных сделок по обмену товарами и услугами между регионами страны и других государств.

(Стр. 107) Процессы интеграции производственной, торгово-посреднической, финансово-кредитной, информационной деятельности закономерно приводят к тому, что практически все регионы вовлекаются в сферу экономических отношений, приобретающих характер многосторонних связей между различными государствами. При этом взаимозависимость регионов усиливается до такой степени, когда действия одного из них затрагивают интересы других регионов и региональных систем.

Ускорение научно-технического прогресса, проявляющееся в быстром распространении новых технологий в различных регионах мира, компьютеризация экономической деятельности меняют характер ведения бизнеса и межрегиональных отношений. Глобальная информатизация усиливает интеграционные процессы посредством обмена коммерческой, производственной, научно-технической информацией. Резко возрастает роль знаний и инноваций в экономическом развитии регионов и обеспечении их устойчивой конкурентоспособности [36 – Новоселов С.А. Регион как исходное понятие теории регионального воспроизводства // Регион: экономика и социология. 2006. №3.С. 4-5.]. Интернационализация и глобализация мировой экономики, порожденные процессами углубления международного разделения труда, уменьшая роль государств все более усиливают воздействие внешнеэкономических связей на экономику регионов.

Как отмечает Н.Н. Евченко, внешнеэкономическая деятельность региона представляет собой сложный социально-экономический феномен, подсистему региональной экономики, объединяющую производственные, посреднические, управленческие, контрольные, финансово-инвестиционные и иные звенья, основной задачей функционирования которой является не только получение прибыли от деятельности на внешних (экспортеры-импортеры), либо на внутреннем рынках (иностранные предприниматели и трудовые мигранты), но и эффективное включение экономики региона в глобализационные процессы [37 – Евченко Н.Н. Региональный внешнеэкономический комплекс: структура, управление, программирование развития: автореф...д.э.н. - Ростов-на-Дону, 2010 . С. 23-24.].

(Стр. 108) Региональная внешнеэкономическая политика включает обеспечение внешне - экономических интересов субъектов на международном рынке; организацию согласованности действий федеральных и региональных институциональных органов в выполнении международных договоров и соглашений; содействие субъектам в освоении опыта деятельности в области внешних связей, их вхождению в международное экономическое сотрудничество и участие в проектах и программах международных организаций, связанных с региональным развитием; создание условий для улучшения инвестиционного климата в регионах и

эффективного привлечения иностранных капиталовложений; адресную поддержку наиболее перспективных предприятий региона и создание кластеров высокой конкурентоспособности [38 – Карданов И.А. Формирование эффективной системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности на новом этапе интеграции России в мировую экономику: автореф...к.э.н. – Ростов-на-Дону, 2005. С. 23.].

Увеличение объемов импорта изменяет количественные и качественные параметры предложения товаров и услуг на внутрирегиональном рынке. Рост экспорта оказывает мультипликативный эффект на развитие отраслей, ориентированных на внутрирегиональный рынок на основе привлечения доходов в регион извне. Развитие внешнеэкономической деятельности в целом содействует формированию конкурентной среды в территориальной экономике.

Однако далеко не всегда воздействие внешнеэкономических связей оказывает положительное влияние на региональную экономику. Зарубежные контрагенты в своих интересах могут эксплуатировать ресурсный потенциал региона, осуществлять сбыт товаров низкого качества на его территории. В свою очередь, высокий спрос на внешних рынках на сырье, получаемое на территории региона, может оказывать сдерживающий эффект на развитие собственных отраслей перерабатывающей промышленности, деформируя структуру экономики и создавая импортную зависимость от продуктов переработки сырья имеющегося в регионе и даже экспортируемого из него. Кроме того, не регулируемое с учетом особенностей региональной (стр. 109) экономики поступление иностранных инвестиций может также противоречить интересам экономического роста и развития. В этой связи при разработке региональной экономической политики очевидна необходимость изучения структуры и степени воздействия внешнеэкономических связей на экономику региона. Реализация региональной экономической политики должна обеспечивать достижение поставленных целей, в том числе и за счет минимизации деструктивного воздействия и максимального использования потенциала внешнеэкономических связей.

Геоэкономические факторы имеют двойственную природу воздействия на мезоуровень: с одной стороны, они расширяют его экономическое пространство, сокращают затраты на трансакции и повышают мобильность факторов производства, трансформируя инновационное время региона, обеспечивая ускорение его социально-экономического развития; с другой, дают дополнительный импульс возрастанию территориальной асимметрии.

По данным экспертов, за 1997-2007 гг. предприятия и организации Юга России стабильно поставляли на экспорт лишь 2,9-3,7% от совокупного объема экспорта РФ. Импорт имел также весьма незначительную долю: 4,1 %- 5,9 %. Общая топливно-сырьевая структура экспорта России и отсутствие крупных запасов сырья в данном регионе являются причинами столь низкой его доли во внешней торговле. Однако по некоторым товарным позициям, например, экспорту семян подсолнечника, котельного оборудования и вооружения регион играет важную роль в России. Наибольший удельный вес во внешнеторговом обороте Юга России занимают Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области. Доля республик Северного Кавказа невелика и составляет не более 8 – 10 % по экспорту, 10 – 15 % по импорту [39 – Джавадова О.М. Значение

внешнеэкономической деятельности в развитии экономики Ставропольского края [Электронный ресурс]: сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика».- 2010. № 10. - Режим доступа к сборнику: http://science.ncstu.ru/articles/econom/2010_10].

Сегодня можно констатировать весьма низкий уровень включенности Северного Кавказа в глобальную геоэкономику и селективную интеграцию северокавказских регионов в мирохозяйственные процессы (табл. 21). (Стр. 110)

Таблица 21 – Индикаторы включенности регионов Юга России в глобальную экономику⁴⁰

Индикаторы Регион	Накопленные иностранные инвестиции на душу населения за 1996 – 2009 гг., долл. США на 1 жителя	Накопленный объем экспорта за 2000 – 2009 гг., долл. США на 1 жителя	Накопленный объем импорта за 2000 – 2009 гг., долл. США на 1 жителя
Республика Дагестан	9,7	188,7	1227,4
Республика Ингушетия	-	3196	318
Кабардино-Балкарская Республика	65,4	174,8	318,3
Карачаево-Черкесская Республика	7,4	386,4	502,9
Республика Северная Осетия – Алания	103,2	516,75	835,4
Ставропольский край	559,3	2109,2	855,6

[40 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. - М, 2009. С.]

Согласно данным таблицы, безусловным лидером по объемам накопленных иностранных инвестиций является Ставропольский край, в то время как в Республику Ингушетия капитал из-за рубежа не поступает вовсе. При этом Ингушетия существенно опережает все другие регионы СКФО по объемам накопленного экспорта на душу населения. Наиболее активным импортером является Республика Дагестан.

Более глубоко охарактеризовать воздействие внешнеэкономических связей на экономику регионов Северного Кавказа позволяет анализ товарной структуры экспорта и импорта (табл. 22).

Согласно данным таблицы, среднедушевые показатели внешней торговли регионов СКФО не достигают среднероссийских количественных значений ни по одной из групп, что еще раз подтверждает тезис о низкой включенности экономики северокавказского макрорегиона в систему международного разделения труда. В целом, товарная структура экспорта регионов СКФО весьма отличается от среднероссийской картины. Менее активны экспортно-импортные операции в сфере торговли (стр. 111) продовольственными товарами, продукцией топливно-энергетического комплекса, древесиной и целлюлозно-бумажными изделиями, металлами. На общем фоне довольно велик объем импорта машин, оборудования и транспортных средств, что объясняется отмечавшимся ранее низким уровнем развития машиностроения на территории анализируемого макрорегиона, не обеспечивающим потребности развития экономики.

Таблица 22 - Товарная структура экспорта и импорта регионов Северо-Кавказского федерального округа в 2009 году (долларов США на душу населения⁴¹, Э – экспорт, И – импорт)

		РФ	СКФО	Дагестан	Ингушетия	КБР	КЧР	РСО-Алания	Чеченская Республика	Ставропольский край
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	Э	70,1	29,0	4,9	0,6	4,0	20,8	7,4	0	87,3
	И	211,8	32,5	76,0	0,8	14,9	2,3	13,3	0	25,4
Продукция топливно-энергетического комплекса	Э	1416,9	2,8	6,5	9,7	0	0	2,1	0	0,7
	И	0	0,6	0,1	1,0	0	0,5	0,3	0	1,5
Продукция химической промышленности, каучук	Э	131,7	68,3	0,9	0	1,0	4,9	2,1	0	230,4
	И	196,4	8,4	2,3	0,6	5,1	2,1	8,0	0	22,1
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	Э	59,5	1,7	5,0	0	0	0,7	0,4	0,1	0,3
	И	36,0	1,1	0,3	0,2	0,7	3,3	0,6	1,3	2,0
Металлы и изделия из них	Э	237,0	8,2	0,4	0	0,7	0	105,1	0	0,1
	И	76,7	6,7	2,1	1,4	8,6	0,9	2,9	0,4	16,5
Машины, оборудование и транспортные средства	Э	126,5	3,9	2,0	0,2	0,3	0,2	2,4	0	9,7
	И	511,9	30,9	8,0	0,6	35,1	72,8	23,8	1,0	67,7

⁴¹ Рассчитано по: Основные социально-экономические показатели регионов Северо-Кавказского федерального округа // Статистический бюллетень. – М.: Росстат. 2010. С. 13, 92.

(Стр. 112) Лидером по среднедушевым объемам экспорта и импорта в большинстве товарных групп является Ставропольский край, уступая позиции Дагестану – по импорту продовольствия и экспорту древесины и целлюлозно-бумажных изделий, Ингушетии – по экспорту продукции топливно-энергетического комплекса, Республике Северная Осетия-Алания – по экспорту металлов и изделий из них, Карачаево-Черкесии - по импорту машин, оборудования и транспортных средств.

Динамика индикаторов включенности регионов Северного Кавказа в глобальную экономику последних лет дает, на наш взгляд, основание говорить о том, что на Северном Кавказе сформировались четыре модели: структурно-консервирующая; торгово-посредническая; импортоориентированная; модель локализованного развития.

Структурно-консервирующая модель характерна для Ставропольского края, в котором наблюдается относительно высокий по сравнению с другими регионами Северного Кавказа уровень внешнеэкономической активности. Однако внешнеторговая деятельность и производственный процесс в Ставропольском крае детерминируется краткосрочными циклами Китчена, связанными с нарушением равновесия на товарных рынках различного уровня и его восстановлением, преодолением последствий финансовой нестабильности, колебаниями средневзвешенных внутренних и мировых цен на выпускаемую продукцию, сырьевые материалы и энергоносители, изменениями валютных курсов и т.п. Феномен глобализации проявляется главным образом в выходе на внешние рынки отдельных наиболее крупных и устойчивых предприятий. Кроме того, наблюдаются

попытки ограничения выхода этих предприятий на мировой рынок со стороны некоторых государств (например, противодействие присутствию ведущего предприятия химической промышленности Ставропольского края ОАО «Невинномысский Азот» на внутреннем рынке США путем применения мер экономической дискриминации и искусственного раздувания «демпингового скандала»).

(Стр. 113) В общем объеме экспорта края мала доля продукции высоких переделов и велика доля сельскохозяйственного сырья. В структуре импорта, несмотря на сельскохозяйственную специализацию региона, представлена продукция пищевой промышленности, выпускающая продукты переработки культур, выращиваемых в Ставропольском крае (например, сахарная свекла). Это свидетельствует о недостаточной степени диверсификации отраслей пищевой промышленности и переработки сельскохозяйственной продукции в соответствии с имеющейся ресурсной базой. В качестве положительной характеристики структуры импорта необходимо отметить наличие в нем инвестиционных товаров. Данная тенденция нуждается в поддержке и регулировании по отраслям.

Инвестиционный климат Ставропольского края, по оценкам рейтингового агентства «Эксперт РА», в 2009-2010 гг. характеризуется как «2В», что означает средний потенциал, умеренный риск. В инвестиционном рейтинге регионов край занимает 8-е место по инвестиционному риску и 26-е по инвестиционному потенциалу. Наименьший инвестиционный риск – законодательный и экономический, наибольший – криминальный. Наибольший инвестиционный потенциал – инфраструктурный (53), инновационный (47) и природноресурсный (45). [42 – См.: Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2009-2010 гг. / Бюллетень рейтингового агентства «Эксперт РА», 20 декабря 2010 г. Москва. - с. 15, с. 17, с. с. 22.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.raexpert.ru/editions/bulletin/rating_invest_2010.pdf]

В 2009 г. инвесторами выступили предприятия 42 стран против 29 в 2008 г. Основные инвестиции (66%) осуществлены предприятиями Кипра. Страны СНГ вложили в экономику края 3,5 млн. долларов США, или 3%.

В качестве недостатка распределения иностранных инвестиций по видам экономической деятельности можно выделить их концентрацию в инфраструктурных отраслях, что выступает следствием отсутствия продуманной инвестиционной политики и объясняется интересами максимизации прибыли иностранных инвесторов, и может явиться **(стр. 114)** сдерживающим фактором для дальнейшего экономического развития региона.

В последние годы внешнеэкономическая деятельность Ставропольского края базируется преимущественно на стратегии опережающего развития несырьевых отраслей «с опорой на собственные силы» («назначение» решениями правительства приоритетных отраслей в качестве «локомотивов роста», усиление роли государства в экономике, мобилизационное бюджетирование, форсированное стимулирование импортозамещения, принуждение бизнеса к инвестициям и инновациям). Однако на сегодняшний день нет ни одной страны мира, которая бы успешно решала задачи развития на основе такой стратегии. Все успешные примеры укрепления международного экономического позиционирования стран (включая страны БРИК) основаны на стратегии системной интеграции в мировую экономику, в рамках

которой правительство занимается не «назначением локомотивов роста», а системной поддержкой бизнеса на перспективных нишах внешних и внутренних рынков, для освоения которых экономика региона имеет фактические и/или потенциальные конкурентные преимущества. Экономическое развитие на основе системной интеграции в механизмы мировой экономики, предполагает комплексную поддержку конкурентоспособных на мировых рынках компаний несырьевого сектора, активное привлечение инвестиций, технологий и зарубежных специалистов, последовательную поддержку экспорта и зарубежного инвестирования российских компаний, стимулирование активного включения в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Геоэкономическим вектором устойчивого развития Ставропольского края в условиях глобализации является упрочнение позиций традиционно экспортируемой продукции на мировом рынке и поиск новых ниш, формированием благоприятного инвестиционного имиджа, т.е. с последовательным переходом от структурно-консервирующей к модели, обеспечивающей включенность региона в глобальную экономику за счет (стр. 115) развития международной производственной кооперации и других форм инвестиционного сотрудничества, увеличения числа участников экспортно-импортных операций, формирования эффективной инновационно-восприимчивой структуры промышленного производства.

Условиями формирования такой модели устойчивого экономического развития региона являются:

- активная политико-дипломатическая поддержка проектов по модернизации и технологическому развитию экономики региона, привлечению иностранных инвестиций, поддержке региональных предприятий - экспортеров, в том числе оптимизация форматов (отраслевой профиль, решение организационных проблем, активное включение компаний);

- создание доступной для широкого круга экспортеров системы финансовой поддержки экспорта, включая оптимизацию форматов предоставления государственных гарантий, долгосрочных экспортных кредитов и субсидий, уточнение условий и ускорение процедур предоставления поддержки, обеспечение привязки отраслевой структуры поддержки к приоритетам экономического развития, реализацию возможности отслеживания результатов для последующей корректировки применяемых мер;

- создание эффективной организационной инфраструктуры информационно-аналитического обеспечения поддержки внешнеэкономической деятельности, мотивированной на поддержку экспорта и привлечение иностранных инвестиций в соответствии со сформированной системой приоритетов регионального развития;

- модернизация существующих институтов финансовой поддержки экспорта (Внешэкономбанк, Росэксимбанк, Россельхозбанк) за счет расширения перечня инструментов финансовой поддержки, осуществления предэкспортного кредитования, интенсивного организационного продвижения компаний вместе с предоставлением финансовой поддержки, (стр. 116) создание новых институтов покрытия рисков экспортеров, в том числе малых и средних организаций.

Торгово-посредническая модель свойственна Республике Ингушетия с высокой зависимостью количественных и качественных показателей экспорта от осуществления разовых экспортных поставок, в значительной степени

детерминирующих характер ее экспорта. Процессы, протекающие во внешней торговле и промышленном секторе республики, имеют «скачкообразный», неравномерный характер и могут быть отнесены к «взрывному» типу экономического развития, колебания в котором объясняются в большей степени воздействием случайных, непрогнозируемых факторов, нежели объективных причин. Однако наличие полиномиального экспортного тренда с регулярно повторяющимися колебаниями приблизительно равной амплитуды позволяет говорить о неких скрытых закономерностях, детерминирующих подобный характер внешнеторговой деятельности. В качестве примера можно привести крупные разовые поставки «нетипичной» для данного региона продукции либо резкое увеличение стоимостных объемов продукции экспортообразующей отрасли (отраслей), а затем – столь же резкое ее снижение.

При этом следует отметить, что наращивание экспорта в большинстве регионов Северного Кавказа происходит за счет интенсификации поставок минерального сырья и энергоносителей, что является объективным отражением общероссийских тенденций. 60% стоимостных и физических объемов экспорта округа обеспечивается за счет поставок минерального сырья, энергоресурсов и продовольственных товаров. При этом доля минерального сырья и энергоресурсов резко возросла в структуре экспортных поставок Ставропольского края. Подобная ситуация тесно связана с имеющимися тенденциями сохранения экспортной ориентации в целом по России. Основу внешней торговли страны составляют сырьевые ресурсы и продукция их первичной переработки (около 80 % общего объема экспортных поставок). Сырьевая направленность российского экспорта (**стр. 117**) обусловлена, в первую очередь, низкой конкурентоспособностью готовой продукции, нерешенностью вопросов кредитования производства и поставок, отсталостью производственной базы, нарушением кооперационных связей в результате прекращения существования СЭВ и СССР, проблемами неплатежей и другими столь же отрицательно сказывающимися на функционировании и развитии производства факторами, сопутствующими включению Российской Федерации в систему международного разделения труда.

В настоящее время максимальная экономическая эффективность экспортной деятельности российской экономики достигается именно за счет поставок сырьевых ресурсов, а не готовой продукции. Значения показателей эффективности экспорта продукции основных товарных групп свидетельствует о наличии отрицательной корреляции между показателями эффективности внешних продаж и степенью переработки продукции: затратный характер производства обуславливает снижение экономической эффективности поставок на внешний рынок товарной продукции глубокой степени обработки. В частности, в настоящее время (и, пожалуй, в ближайшей перспективе) экспорт черных металлов приносит прибыли в два раза больше, чем поставки автомобилей.

Импортоориентированная модель описывает ситуацию во внешнеэкономической сфере республик Дагестан и Северная Осетия-Алания. Незначительный объем экспорта при достаточно высокой импортозависимости приводит к образованию отрицательного сальдо торгового баланса. Практически отсутствуют иностранные инвестиции и предприятия с участием иностранного капитала. Ключевой проблемой для этих регионов выступает развитие традиционных направлений АПК в русле современных тенденций с целью импортозамещения, так

как более 80% импорта в Республике Дагестан и 55% импорта в Северной Осетии-Алании приходится на продовольственные товары; формирование эффективной сельскохозяйственной инфраструктуры (складского, тарного хозяйства, (стр. 118) логистических центров и т.д.). Говоря о перспективах интенсификации включенности в процессы глобализации Республики Дагестан, прежде всего, необходимо учитывать его особое географическое положение, которое исторически предопределило прохождение транзитных грузопотоков по его территории. Транзитный потенциал – один из факторов экономического развития Республики Дагестан. Наиболее перспективным является транзит в государства Закавказья, Средней и Юго-Восточной Азии, Персидского залива, а также встречный грузопоток в страны Восточной и Центральной Европы. Стратегически значимым в плане развития Республики Северная Осетия-Алания является функционирование транспортного трансграничного коридора с Закавказьем. Транзит является катализатором развития широкого спектра сопутствующих услуг: по заправке транспортных средств топливом, организации торговли и питания, ремонту транспортных средств и его сервисному обслуживанию.

Модель локализованного развития просматривается для Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик с низким значением индикаторов включенности в глобальную экономику. Интенсификация включенности в мирохозяйственные процессы этих регионов должна ориентироваться на традиционные отрасли конкурентных преимуществ (в первую очередь ресурсные и отрасли низких переделов), развивающиеся за счет роста мирового спроса в посткризисный период и обеспечивающие импульсы развитию несырьевого сектора через расширение внутреннего спроса. Стратегия устойчивого развития этих регионов должна основываться на использовании преимуществ сырьевой структуры хозяйственного комплекса (ориентация на зерновое и лесное хозяйство), развитии нефтехимического комплекса, который занимает лидирующие позиции в структуре экспорта Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик, стратегии кооперации товаропроизводителей, информатизации экономических субъектов и осуществлении проектов, связанных с облегчением получения хозяйствующими субъектами современной (стр. 119) релевантной информации о рынках, товарах, ресурсах, контрагентах, конкурентах, инвесторах.

Слабое воздействие глобализации, свойственное регионам в рамках импортоориентированной и локализованной моделей, обуславливает низкий уровень транзита высоких технологий и, соответственно, низкий уровень модернизации и реструктуризации региональных хозяйственных комплексов, не обеспечивает соединения и комбинирования элементов ресурсной базы и факторов производства.

Таким образом, экономическое пространство Северного Кавказа под воздействием глобализации сегментируется на отдельные региональные хозяйственные комплексы, обладающие определенной устойчивой совокупностью функций и собственной нишей в глобальной экономике. В условиях глобализации нарастает асинхронность социально-экономического и технологического развития северокавказских регионов. Сложившаяся структура внешнеэкономических связей северокавказского макрорегиона способствует эксплуатации его ресурсного потенциала и освоению внутреннего рынка зарубежными производителями, что в целом не отвечает интересам модернизации и роста региональной экономики. В этой

связи еще более актуализируется необходимость формирования продуманной стратегии устойчивого развития макрорегиона с учетом интенсификации внешнеэкономических связей. Стратегия устойчивого развития должна основываться на формировании структуры экономики, отвечающей потребностям экономического роста и развития на основе собственных ресурсов и за счет максимального использования потенциала внешнеэкономических связей.

Логика данного исследования, основанная на позициях приоритетности целей устойчивого социально-экономического развития региона, предполагает от теоретического осмысления содержания условий, детерминант и императивов ресурсного обеспечения макрорегионального развития перейти к рассмотрению стратегических императивов и **(стр. 120)** инструментария формирования инновационно ориентированной стратегии управления региональным развитием в направлении обеспечения сглаживания внутрирегиональных диспропорций.

Направления реализации региональной социально-экономической политики.

Особая значимость региональной политики для России общепризнанна. Это связано главным образом с двумя объективными обстоятельствами. Во-первых, с наличием резких территориальных различий условий экономического развития и жизнедеятельности населения, обусловленных природно-климатическими факторами. Во-вторых, с федеративным устройством государства, устойчивость которого (не только экономическая, но и политическая) в значительной степени зависит от правильно выбранной стратегии и тактики государственной региональной политики.

Тем не менее, именно этот аспект политики государства является наиболее слабо разработанным теоретически и занимает неоправданно малое (и, как правило, последнее) место во всех принятых с начала девяностых годов экономических программах российского Правительства.

По справедливому замечанию Н. Марковой и Т. Монаховой «фактически на протяжении всего этого периода активная региональная политика проводилась лишь на уровне субъектов Российской Федерации и была направлена на повышение экономической самодостаточности регионов» [43 – Маркова Н., Монахова Т. Региональная политика как фактор устойчивого развития российской экономики // Федерализм. 2004. №2 (34)]. Это в определенной степени являлось вынужденной реакцией на резкий разрыв хозяйственных связей, способствуя «выживанию» региона в кризисных условиях. Что касается региональной политики федерального Центра, то она в рассматриваемый период сводилась лишь к решению вопроса о механизмах бюджетного выравнивания. Этот аспект является важным в свете решения текущих задач региональной политики, но с точки зрения её стратегических задач, ограничение региональной политики Центра **(стр. 121)** лишь вопросом бюджетного выравнивания означает консервацию сложившейся территориальной структуры экономики или, во всяком случае, устранение федеральной власти от активного воздействия на эту структуру.

Современная политика регионального развития представляет собой совокупность целей и приоритетов развития социально-экономической деятельности в регионе, путей и средств достижения целей на основе взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов управления. Решение задачи согласования общегосударственных и региональных интересов в политике регионального развития

предполагает, прежде всего, определение полномочий различных уровней управления в регулировании процессов стратегического развития региона. В настоящее время наибольшее распространение получила концепция саморазвития территорий. В соответствии с данной концепцией устойчивое развитие достигается в результате совместных усилий различных институтов на всех уровнях управления и не является задачей, относящейся к компетенции центральных органов власти. В этом аспекте формирование региональной стратегии в большей мере основывается на инициативах, идущих «снизу-вверх». Территориальное стратегическое планирование в этом случае представляет собой, прежде всего, «самостоятельное определение местным сообществом целей и основных направлений устойчивого социально-экономического развития в динамичной конкурентной среде» [44 – Жихаревич Б.С. Территориальное стратегическое планирование в России: семь лет побед? www.leontief.ru/inc2/articles/239/308/basket/god2005.pdf], когда ответственность за развитие территории несут только само население и выбранные ими территориальные органы власти. Эффект от реализации данного подхода к обеспечению устойчивого развития достигается в результате субсидиарности (взаимодополняемости) функций различных уровней управления, а также вследствие большего опыта региональных властей, возможностей применения ими динамичных инструментов управления.

(Стр. 122) Разделяя мнение В.Н. Лексина о том, что «в современной России имеются некоторые атрибуты государственной региональной политики, но отдельные действия и механизмы регулирования территориального развития пока еще концептуально не связаны, фрагментарны и не скоординированы» [45 – Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. №3. С. 33.], отметим, что в мировой практике накоплен богатый опыт осуществления региональной политики федерального центра в отношении проблемных территорий, который, на наш взгляд, может послужить фундаментом для проведения региональной социально-экономической политики федерального центра на Северном Кавказе.

Как показывает зарубежный опыт реализации региональной политики, политика федерального центра в отношении проблемных регионов должна заключаться, прежде всего, в создании благоприятных условий для обеспечения самодостаточного режима регионального воспроизводства. **Подтверждение данного тезиса мы находим в высказывании** П. Щедровицкого, который отмечает, что «государственная политика регионального развития Российской Федерации должна быть направлена на формирование такой ее пространственной организации, которая бы повышала стоимость активов, находящихся в распоряжении территориальных сообществ, и в первую очередь — человеческого капитала и среды жизни людей (недвижимости, природных и культурно-смысловых ландшафтов и так далее)» [46 – Щедровицкий П. Государственная политика регионального развития в Российской Федерации: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://strategy2020.ru>].

Полагаем, что системный характер реализации эффективной региональной политики федерального центра на Северном Кавказе может быть обеспечен за счет сочетания трех групп инструментов:

– размещения государственных предприятий на территории проблемных регионов; **(стр. 123)**

- предоставления льгот предприятиям, функционирующим на территории проблемных регионов;
- развития производственной и социальной инфраструктуры.

С точки зрения возможности использования первой группы инструментов для обеспечения устойчивого развития северокавказского макрорегиона наибольший интерес представляет опыт Италии, на юге которой за счет государства или при его активном участии было построено много крупнейших предприятий, в основном тяжелой промышленности [47 – Wren C, Taylor J. Industrial Restructuring and Regional Policy // Oxford Economic Papers.1999. №3.]. Аналогичные меры применялись в Великобритании, где государство также самостоятельно создавало промышленные предприятия, которые потом сдавало в аренду или продавало частным предпринимателям.

Бесспорно, такие меры не укладываются в прокрустово ложе либерального рыночного хозяйства, однако видятся вполне оправданными в условиях низкой инвестиционной привлекательности проблемных регионов Северного Кавказа. Создание государственных предприятий в стратегически важных для России и макрорегиона отраслях будет способствовать, с одной стороны, формированию эффективной структуры экономики макрорегиона, наращиванию его налогового потенциала, с другой стороны, созданию дополнительных рабочих мест и сокращению оттока наиболее активных и квалифицированных работников за пределы макрорегиона. В долгосрочной перспективе эффективные государственные предприятия могут быть приватизированы, что позволит компенсировать государственные расходы на создание таких предприятий.

Льготы, предоставляемые предприятиям, функционирующим в проблемных регионах, отличаются разнообразием. Широкое распространение в мировой практике получили субсидии, предоставляемые предприятиям либо как часть суммы, необходимой для реализации проекта, либо как фиксированная сумма за одно вновь созданное место. Так, в Великобритании в 1967 – 1976 гг. работодатели в отсталых регионах (**стр. 124**) получали компенсацию 7,5% трудовых издержек в течение 7 лет на любом предприятии обрабатывающей промышленности [48 – Галкина Т.А. Региональные проблемы в современной Италии // Регионы и регионализм в странах Запада и России. – М.: ИВИ РАН, 2001.]. В Бельгии с 1959 г. Государство покрывало до 20% расходов на строительные работы и до 7,5% на устанавливаемое оборудование. В Нидерландах новые фирмы могут получить 25% от общей суммы капиталовложений, расширяющиеся – 15% [49 – Дейк Й. ван, Остерхавен Я. Прошлое, настоящее и будущее голландской региональной политики // Регион: экономика и социология. 1995. №2.]. В Люксембурге государство покрывает от 17,5%) до 25% от суммы инвестиций в проблемных регионах [50 – Былов В.Г. Экономические аспекты региональной политики в странах Европы: опыт для России. – М.: ИНИОН, 1996.]. В Германии с помощью субсидий поддерживаются три вида инвестиций:

- учредительные инвестиции, то есть инвестиции на открытие нового предприятия, субсидии по которым колеблются от 18 до 23% от общей суммы инвестиций;
- инвестиции, направленные на расширение уже существующего производства. Размер субсидий составляет от 15 до 20%;

– инвестиции на модернизацию и реконструкцию производства, субсидируемые в объеме от 10 до 15 % [51 – Economic Incentives in Germany's New Federal States: an Overview / Federal Ministry of Economics. - Bonn, August 1994.].

В Австрии размеры субсидий варьируются от 15 до 40% от объема инвестиций в зависимости от отнесения проблемных регионов к одной из пяти категорий [52 – Уишлейд Ф., Юилл Д. Системы выделения регионов в Европе: возможные уроки для России // Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. – Новосибирск: Сибирское соглашение, 2000.].

В Канаде в 1969 - 1974 гг. в период масштабного регулирования территориального развития в соответствии с законом «О стимулировании регионального развития» частные компании при создании новых предприятий или модернизации старых в «зонах поддержки» получали два вида субсидий: 1) первичные, максимальный размер которых колебался от 20% до 35% от общей суммы капиталовложений; 2) вторичные, которые (**стр. 125**) составляли 5% от инвестиций или от 5 до 7,5 тысяч канадских долларов за каждое вновь созданное рабочее место. Предпочтение отдавалось компаниям трудоемких отраслей, которые были способны оказать более действенное влияние на увеличение занятости в районах с хронической безработицей [53 – Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С.105.].

Полагаем, что для стимулирования устойчивого развития проблемных регионов СКФО целесообразно использовать выборочные субсидии, размер которых должен определяться типом проблемного региона, видом инвестиций, необходимостью проекта для проблемной территории, его вкладом в увеличение занятости и мультипликативным воздействием на другие отрасли. При этом особо следует отметить, что государственная поддержка в виде субсидий должна оказываться небольшим отечественным компаниям, так как их зависимость от местных рынков обычно выше, чем у крупных фирм, которые оказываются связанными главным образом не с местной экономикой, а со своими смежниками в более развитых регионах. Упор на поддержку именно отечественных фирм обусловлен тем, что офисы иностранных компаний остаются в крупных центрах, а сокращения персонала под воздействием конъюнктурных колебаний касаются в основном филиалов [54 – Артоболевский С.С. Региональное развитие в Великобритании (Послевоенный период). – М.: Ин-т географии РАН, 1992.].

В рамках региональной политики федерального центра в развитых странах уделяется большое внимание развитию производственной и социальной инфраструктуры.

Одним из наиболее ярких примеров стран, где в региональной политике первостепенное значение отдается развитию социальной инфраструктуры, является Финляндия. В период с 1960 по 1970 гг. в проблемных районах проводилось строительство больниц, оздоровительных центров и начальных школ. К началу 1979 г. в проблемных районах было (**стр. 126**) создано 10 университетов, на базе которых впоследствии образовались крупные технические и научно-технические центры.

Строительство объектов социальной инфраструктуры (школ, больниц, университетов) в северокавказских регионах позволит решить триединую задачу. Во-

первых, будет способствовать росту занятости населения. Во-вторых, повысит привлекательность территории для инвесторов и высококвалифицированной рабочей силы. В-третьих, развитие высшего образования будет способствовать развитию наукоемких производств.

Полагаем также целесообразным внедрение на территории Северного Кавказа опыта Германии по созданию производственной инфраструктуры, включающей в себя развитие и обустройство территорий под промышленную и коммерческую застройку, создание или расширение транспортных связей, используемых в коммерческих целях распределительных линий энергетического и водного снабжения мощностей по удалению и очистке отходов и стоков.

Существенным фактором обеспечения устойчивого развития как национальной социально-экономической системы в целом, так и входящих в нее региональных систем, является упреждающее формирование однозначно воспринимаемых приоритетов развития макрорегионов страны, а также процедур и механизмов реализации интересов государства по отношению к макрорегионам.

Следует отметить, что на сегодняшний день ни в одном документе (за исключением, и то отчасти, ФЦП «Юг России») четко не определены интересы России на Северном Кавказе и роль данного макрорегиона в формировании единого экономического пространства России [55 – Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 год. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации 17 ноября 2008 г. № 1662-р .].

Изучение содержания стратегических документов федерального уровня, дает основание сделать вывод о том, что в настоящее время федеральные органы государственной власти не имеют полного и (**стр. 127**) достоверного представления о том, как принимаемые ими решения накладываются на стратегии, программы и планы развития, разрабатываемые и реализуемые в регионах. Вместе с тем любое такое решение обязательно имеет регионально опосредованные эффекты и последствия. Поэтому экономическая политика государства должна иметь регионально-ориентированную направленность, а макрорегиональный разрез должен стать обязательным атрибутом всех принимаемых на федеральном уровне концептуальных, стратегических, программных документов и решений. Принимаемые на федеральном уровне стратегии развития базовых отраслевых комплексов экономики страны (транспортная, энергетическая и др. стратегии России) должны разрабатываться с учетом региональной структуры экономики и содержать обязательные разделы, характеризующие территориальный разрез планируемого развития той или иной отрасли.

Ретроспективный анализ пространственного экономического развития нашей страны обнаруживает недостаточную согласованность территориального и отраслевого планирования. В начале XX века в СССР, как и на Западе, восторжествовал отраслевой (корпоративный) принцип организации экономики. Региональная политика советского периода по сути дела была продолжением и пространственной проекцией политики экстенсивной индустриализации. Соответственно, региональная экономика развивалась в основном как наука о размещении производства и формировании территориальных производственных комплексов. Проблемы расселения, связанные с планированием строительства жилья, развитием инфраструктуры, организацией землепользования, экологией решались в

рамках ведомственной градостроительной науки. В соответствии с таким делением разрабатывались два предплановых документа: Генеральная схема развития и размещения производительных сил и Генеральная схема расселения на территории СССР. Их разработку осуществляли соответственно институты Госплана и Госстроя.

(Стр. 128) В 90-е годы задачи региональной политики несколько изменились, выдвинув на первый план необходимость сглаживания межрайонных различий бюджетных доходов с помощью трансфертного механизма, реализуемого в рамках корпоративной системы бюджетного федерализма. На уровне деклараций провозглашалась важность и других направлений, однако их реализация не была обеспечена достаточными финансовыми ресурсами. *Как справедливо отмечает* О.С. Пчелинцев, произошло пассивное приспособление сложившейся в советский период территориально-отраслевой структуры экономики страны к запросам мирового рынка [56 – Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. – М.: Наука, 2004. С. 10.]. В этой связи, задача интенсивного развития экономики России на качественно новом уровне нереализуема без учета особенностей пространственного развития.

Необходимо отметить особую роль федерального центра в реализации стратегий развития макрорегионов. При всей важности разработок, которые генерируют научно обоснованные представления о перспективах развития макрорегионов России, их специализации в системе мирохозяйственных связей, направлениях межрегиональных взаимодействий и реализации крупных межрегиональных проектов и программ, как показывает анализ содержания Стратегии СКФО [57 – Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. N 1485-р. [Электронный ресурс]: интернет портал Правительства Российской Федерации. - Режим доступа: <http://www.government.ru>], их конкретное наполнение натолкнулось на неясный правовой статус таких документов, что, естественно, ограничивает их поддержку из федерального бюджета. В.Е. Селиверстов указывает на формальное существование лишь двух правовых форм возможной реализации подобных макростратегий: национальных проектов и федеральных целевых и адресных программ (ФЦП и ФАЙЛ) [58 – Селиверстов В.Е. Региональная политика России: выбор новой модели // Регион: экономика и социология. 2006. №4. С.26.]. Учитывая остроту и затяжной характер социально-экономических проблем северокавказских регионов, высокую политическую напряженность, **(стр. 129)** повышающую инвестиционные риски, *считаем целесообразным* инициирование государственной программы «Северный Кавказ», в рамках которой отдельные ФЦП и ФАИП могли бы рассматриваться в качестве составных частей.

Концепция федеральной региональной политики на Северном Кавказе не должна быть заложником сложившейся системы перераспределения в виде бюджетных дотаций, субвенций, субсидий, социальных трансфертов и иных налоговых и таможенных преференций, предоставляемых субъектам РФ. *Мы полностью поддерживаем позицию* О.С. Пчелинцева о том, что региональная политика должна строиться на принципе Парето-оптимальности: никакой экономической рост, никакое перераспределение ресурсов не должны ухудшать положения одних регионов по отношению к другим [59 – Пчелинцев О.С. Проблемы социально-

экономического обоснования региональной политики // Проблемы прогнозирования. 2002. №1.].

В этой связи полагаем, что региональная политика федерального центра должна быть направлена на инвестиционную поддержку отстающих территорий, что будет способствовать, с одной стороны, сокращению масштабов межрегионального экономического неравенства, с другой – повышению темпов роста национальной экономики за счет рационального использования ресурсного потенциала региональных экономик и углубления межрегиональной интеграции. Целью такой политики является обеспечение превышения темпов роста экономики проблемных регионов над темпами роста экономики регионов наиболее развитых и, как следствие, увеличение темпов экономического роста в стране в целом. В ее основу должны быть положены три ключевые принципа:

1. Основными реципиентами федеральной поддержки должны быть проблемные, а не наиболее развитые регионы. **(Стр. 130)**

2. Федеральная поддержка должна быть направлена в большей степени на стимулирование экономического развития, нежели на удовлетворение текущих бюджетных потребностей регионов.

3. Экономически неэффективные мероприятия не должны осуществляться, даже если их бенефициариями являются жители проблемных регионов.

В качестве одного из направлений региональной социально-экономической политики на Северном Кавказе, обеспечивающего логическое развертывание концепции устойчивого развития, *можно предложить* переориентацию отраслевой структуры производства, то есть создание и развитие в этих регионах новых производств. В этом плане представляет интерес опыт Германии и США в период Великой депрессии. Так, в штате Теннесси для ликвидации значительного отставания социально-экономического развития по сравнению с другими частями страны была создана крупнейшая энергосистема [60 – Барышева Г., Плучевская Э. Аспекты общности экономического пространства // Экономист. 2008. №1. С.33.]. Дешевая электроэнергия стала одной из важнейших предпосылок ускорения процесса индустриализации. В регионе стало возможно установление и поддержка льготных тарифов на электроэнергию. Это послужило стимулом для привлечения сюда промышленных предприятий, в том числе использующих новые технологии, в частности, атомной промышленности, что способствовало улучшению условий и качества жизни населения.

Региональная экономическая политика должна быть ориентирована на органичное использование в системе действующих организационно-экономических форм хозяйствования структур этноэкономики, включения ее потенциала в корпоративную экономику и, как очень точно отмечает Ю.С. Колесников, тем самым «облагораживание» ее [61 – Колесников Ю.С. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России // Экономический вестник Ростовского государственного университет. 2003. Том 1. №2. С.23.].

(Стр. 131) Мерами государственной региональной политики в СКФО должны также решаться две важные задачи: стимулирование мобильности населения и поддержка локальных центров роста с помощью инвестиций в инфраструктуру и институциональных мер. Реализация последней задачи выступает императивом ускорения модернизации экономики регионов Северного Кавказа. Таким образом,

приоритетной стратегической целью государственной региональной политики в СКФО, *как нам представляется*, может стать разработка модернизационной модели устойчивого развития социально-экономической системы городских агломераций как наиболее чувствительных к колебаниям рынка. Система городов как опорный каркас хозяйственного пространства, во многом определяя темпы и качество экономического роста, испытывает в то же время сильное обратное влияние принятых на макроуровне и реализуемых моделей развития и соответствующих им направлений экономической и социальной политики. В этой связи приоритетны инфраструктурные инвестиции государства в территории, где концентрируется население. Тем самым быстрее снижается экономическое расстояние для бизнеса и большинства жителей территории. Необходима государственная поддержка развития локальных агломераций городов и сельских поселений, причем как по классической, так и по американской модели.

Как показывает мировой опыт, объединение поселений в агломерацию превращает территорию в ареал устойчивого и динамичного роста со значительным социальным и экономическим эффектом. При этом агломерация – это стратегический инструмент комплексного развития территории, от которого выигрывает и городской центр (решение городских проблем: вынос части производства, создание объектов транспортной и коммунально-хозяйственной инфраструктуры, развитие рекреационных баз и т.п.) и окружение (более высокий уровень инженерно-технического, социально-культурного обслуживания и качества жизни). Агломерации отличаются динамичностью экономического развития, высокой (стр. 132) концентрацией человеческих, производственных ресурсов, образовательного и научного потенциала, развитой инфраструктурой, обеспечивающей связь с национальным и глобальным рынками.

Эффективное развитие городских агломераций в регионах России не возможно без стратегического планирования данного процесса. Как отмечает О.С. Пчелинцев, разработка стратегических планов развития городских агломераций позволит [62 – Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. – М.: Наука, 2004. С. 51-52.]:

- соединить на конкретном объекте методологию и технику территориального стратегического планирования с градостроительным проектированием;
- способствовать реализации экономического и научно-технического потенциала крупных городов в единстве с их пригородной территорией;
- отработать специфический для России механизм сезонной субурбанизации.

Однако решение данной задачи затруднено вследствие юридической неопределенности городской агломерации как объекта планирования. Именно уровень агломераций является одним из самых важных в процессе управления территориальной организацией экономики регионов, в то время как они официально не являются даже объектом статистического учета. В этой связи стратегическое планирование развития городских агломераций возможно только на основе специальных договоренностей между городскими и региональными властями. Ликвидация данного институционального пробела в российском законодательстве позволит более эффективно задействовать ресурсы городских агломераций в процессе обеспечения устойчивого развития северокавказского макрорегиона.» – фактически дословно на 27 страницах диссертации (стр. 106–132) совпадает с

текстом диссертации Галачиевой С.В. (стр. 113–141) с сохранением разграничений на абзацы, выводов и стилистических выражений («по справедливому замечанию», «разделяя мнение», «подтверждение данного тезиса мы находим в высказывании», «полагаем», «бесспорно», «следует отметить», «изучение содержания стратегических документов федерального уровня, дает основание сделать вывод о том», «как справедливо отмечает», «считаем целесообразным», «мы полностью поддерживаем позицию», «в этой связи полагаем», «можно предложить», «как нам представляется» – выделены курсивным полужирным начертанием), заимствуются ссылки на источники литературы, одинаковые по расположению и включению в совпадающие предложения, пропущены три абзаца и два рисунка на стр. 129–130 диссертации Галачиевой С.В., также дана подстрочная ссылка на источник (Маркова Н., Монахова Т. Региональная политика как фактор устойчивого развития российской экономики // Федерализм. 2004. №2 (34)), который отсутствует в библиографическом списке, подзаголовок «Направления реализации региональной социально-экономической политики» (стр. 120) повторяет название параграфа диссертации Галачиевой С.В. «Основные направления реализации региональной социально-экономической политики федерального центра на Северном Кавказе» (стр. 127) с исключением нескольких слов; текст диссертации Галачиевой С.В., стр. 113–141: «(Стр. 113) Процессы интернационализации и глобализации мировой экономики, темпы развития которых ускоряются, обуславливают вовлечение не только, государств, но и их отдельных регионов в систему мирохозяйственных связей. Экономика регионов характеризуется высокой степенью открытости. Все в большей мере усиливаются взаимосвязанность и взаимозависимость регионов, являющихся подсистемами глобальной экономической системы. Это предопределяет тесную зависимость процессов формирования товарных, финансовых, трудовых, информационных ресурсов и реализации конечной продукции каждого региона от размещения производства и особенностей потребления, структуры межрегиональных связей в масштабе своей страны, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Все более важным фактором в развитии регионов становится их участие в территориальном и международном разделении труда. Развиваются межрегиональные торгово-посреднические, финансовые, информационные, научно-технические связи, прямые связи по кооперационным поставкам продукции между предприятиями, создаются совместные предприятия, филиалы международных корпораций, банков, финансово-промышленных групп, растет число различных договорных сделок по обмену товарами и услугами между регионами страны и других государств.

Процессы интеграции производственной, торгово-посреднической, финансово-кредитной, информационной деятельности закономерно приводят к тому, что практически все регионы вовлекаются в сферу экономических отношений, приобретающих характер многосторонних связей между различными государствами. При этом взаимозависимость регионов усиливается до такой степени, когда действия одного из них затрагивают интересы других регионов и региональных систем.

(Стр. 114) Ускорение научно-технического прогресса, проявляющееся в быстром распространении новых технологий в различных регионах мира,

компьютеризация экономической деятельности меняют характер ведения бизнеса и межрегиональных отношений. Глобальная информатизация усиливает интеграционные процессы посредством обмена коммерческой, производственной, научно-технической информацией. Резко возрастает роль знаний и инноваций в экономическом развитии регионов и обеспечении их устойчивой конкурентоспособности [136 – Новоселов С.А. Регион как исходное понятие теории регионального воспроизводства // Регион: экономика и социология. 2006. № 3. С. 4-5.]. Интернационализация и глобализация мировой экономики, порожденные процессами углубления международного разделения труда, уменьшая роль государств все более усиливают воздействие внешнеэкономических связей на экономику регионов.

Как отмечает Н.Н. Евченко, внешнеэкономическая деятельность региона представляет собой сложный социально-экономический феномен, подсистему региональной экономики, объединяющую производственные, посреднические, управленческие, контрольные, финансово-инвестиционные и иные звенья, основной задачей функционирования которой является не только получение прибыли от деятельности на внешних (экспортеры- импортеры), либо на внутренних рынках (иностранные предприниматели и трудовые мигранты), но и эффективное включение экономики региона в глобализационные процессы [137 – Евченко Н.Н. Региональный внешнеэкономический комплекс: структура, управление, программирование развития: автореф...д.э.н. – Ростов-на-Дону, 2010 . С. 23-24.].

Региональная внешнеэкономическая политика включает обеспечение внешне - экономических интересов субъектов на международном рынке; организацию согласованности действий федеральных и региональных институциональных органов в выполнении международных договоров и соглашений; содействие субъектам в освоении опыта деятельности в области внешних связей, их вхождению в международное экономическое сотрудничество и участию в проектах и программах международных организаций, связанных с региональным развитием; создание условий для **(стр. 115)** улучшения инвестиционного климата в регионах и эффективного привлечения иностранных капиталовложений; адресную поддержку наиболее перспективных предприятий региона и создание кластеров высокой конкурентоспособности [138 – Карданов И.А. Формирование эффективной системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности на новом этапе интеграции России в мировую экономику: автореф...к.э.н. – Ростов-на-Дону, 2005. С. 23.].

Увеличение объемов импорта изменяет количественные и качественные параметры предложения товаров и услуг на внутрирегиональном рынке. Рост экспорта оказывает мультипликативный эффект на развитие отраслей, ориентированных на внутрирегиональный рынок на основе привлечения доходов в регион извне. Развитие внешнеэкономической деятельности в целом содействует формированию конкурентной среды в территориальной экономике.

Однако далеко не всегда воздействие внешнеэкономических связей оказывает положительное влияние на региональную экономику. Зарубежные контрагенты, в своих интересах могут эксплуатировать ресурсный потенциал региона, осуществлять сбыт товаров низкого качества на его территории. В свою очередь, высокий спрос на внешних рынках на сырье, получаемое на территории региона, может оказывать

сдерживающий эффект на развитие собственных отраслей перерабатывающей промышленности, деформируя структуру экономики и создавая импортную зависимость от продуктов переработки сырья имеющегося в регионе и даже экспортируемого из него. Кроме того, не регулируемое с учетом особенностей региональной экономики поступление иностранных инвестиций может также противоречить интересам экономического роста и развития. В этой связи при разработке региональной экономической политики очевидна необходимость изучения структуры и степени воздействия внешнеэкономических связей на экономику региона. Реализация региональной экономической политики должна обеспечивать достижение поставленных целей, в том числе и за счет минимизации деструктивного воздействия и максимального использования потенциала внешнеэкономических связей.

(Стр. 116) Геоэкономические факторы имеют двойственную природу воздействия на мезоуровень: с одной стороны, они расширяют его экономическое пространство, сокращают затраты на транзакции и повышают мобильность факторов производства, трансформируя инновационное время региона, обеспечивая ускорение его социально-экономического развития; с другой, дают дополнительный импульс возрастанию территориальной асимметрии.

По данным экспертов, за 1997-2007 гг. предприятия и организации Юга России стабильно поставляли на экспорт лишь 2,9-3,7% от совокупного объема экспорта РФ. Импорт имел также весьма незначительную долю: 4,1 %- 5,9 %. Общая топливно-сырьевая структура экспорта России, и отсутствие крупных запасов сырья в данном регионе являются причинами столь низкой его доли во внешней торговле. Однако по некоторым товарным позициям, например, экспорту семян подсолнечника, котельного оборудованиями вооружения регион играет важную роль в России. Наибольший удельный вес во внешнеторговом обороте Юга России занимают Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области. Доля республик Северного Кавказа невелика и составляет не более 8 – 10 % по экспорту, 10 – 15 % по импорту [139 Джавадова О. М. Значение внешнеэкономической деятельности в развитии экономики Ставропольского края [Электронный ресурс]: сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика».- 2010. № 10. - Режим доступа к сборнику: http://science.ncstu.ru/articles/econom/2010_10].

Таблица 26 – Индикаторы включенности регионов Юга России в глобальную экономику¹⁴⁰

Регион	Индикаторы	Накопленные иностранные инвестиции на душу населения за 1996 – 2009 гг., долл. США на 1 жителя	Накопленный объем экспорта за 2000 – 2009 гг., долл. США на 1 жителя	Накопленный объем импорта за 2000 – 2009 гг., долл. США на 1 жителя
Республика Дагестан		9,7	188,7	1227,4
Республика Ингушетия		-	3196	318
Кабардино-Балкарская Республика		65,4	174,8	318,3
Карачаево-Черкесская Республика		7,4	386,4	502,9
Республика Северная Осетия – Алания		103,2	516,75	835,4
Ставропольский край		559,3	2109,2	855,6

[140 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. С.]

(Стр. 117) Сегодня можно констатировать весьма низкий уровень включенности Северного Кавказа в глобальную геоэкономику и селективную интеграцию северокавказских регионов в мирохозяйственные процессы (табл. 26)

Согласно данным таблицы, безусловным лидером по объемам накопленных иностранных инвестиций является Ставропольский край; в то время как в Республику Ингушетия-капитал из-за рубежа не поступает вовсе. При этом Ингушетия существенно опережает все другие регионы СКФО по объемам накопленного экспорта на душу населения. Наиболее активным импортером является Республика Дагестан.

Более глубоко охарактеризовать воздействие внешнеэкономических связей на экономику регионов Северного Кавказа позволяет анализ товарной структуры экспорта и импорта (табл.27).

Таблица 27 - Товарная структура экспорта и импорта регионов Северо-Кавказского федерального округа в 2009 году (долларов США на душу населения)¹⁴¹, Э – экспорт, И – импорт)

		РФ	СКФО	Дагестан	Ингушетия	КБР	КЧР	РСО-Алания	Чеченская Республика	Ставропольский край
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	Э	70,1	29,0	4,9	0,6	4,0	20,8	7,4	0	87,3
	И	211,8	32,5	76,0	0,8	14,9	2,3	13,3	0	25,4
Продукция топливно-энергетического комплекса	Э	1416,9	2,8	6,5	9,7	0	0	2,1	0	0,7
	И	0	0,6	0,1	1,0	0	0,5	0,3	0	1,5
Продукция химической промышленности, каучук	Э	131,7	68,3	0,9	0	1,0	4,9	2,1	0	230,4
	И	196,4	8,4	2,3	0,6	5,1	2,1	8,0	0	22,1
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	Э	59,5	1,7	5,0	0	0	0,7	0,4	0,1	0,3
	И	36,0	1,1	0,3	0,2	0,7	3,3	0,6	1,3	2,0
Металлы и изделия из них	Э	237,0	8,2	0,4	0	0,7	0	105,1	0	0,1
	И	76,7	6,7	2,1	1,4	8,6	0,9	2,9	0,4	16,5

¹⁴¹ Рассчитано по: Основные социально-экономические показатели регионов Северо-Кавказского федерального округа // Статистический бюллетень. – М.: Росстат. 2010. С. 13, 92.

118

Машины, оборудование и транспортные средства	Э	126,5	3,9	2,0	0,2	0,3	0,2	2,4	0	9,7
	И	511,9	30,9	8,0	0,6	35,1	72,8	23,8	1,0	67,7

(Стр. 118) Согласно данным таблицы, среднедушевые показатели внешней торговли регионов СКФО не достигают среднероссийских количественных значений ни по одной из групп, что еще раз подтверждает тезис о низкой включенности экономики северокавказского макрорегиона в систему международного разделения труда. В целом, товарная структура экспорта регионов СКФО весьма отличается от среднероссийской картины. Менее активны экспортно-импортные операции в сфере торговли продовольственными товарами, продукцией топливно-энергетического комплекса, древесиной и целлюлозно-бумажными изделиями, металлами. На общем фоне довольно велик объем импорта машин, оборудования и транспортных средств, что объясняется отмечавшимся ранее низким уровнем развития машиностроения на территории анализируемого макрорегиона, не обеспечивающим потребности развития экономики.

Лидером по среднестатистическим объемам экспорта и импорта в большинстве товарных групп является Ставропольский край, уступая позиции Дагестану – по импорту продовольствия и экспорту древесины и целлюлозно-бумажных изделий, Ингушетии – по экспорту продукции топливно-энергетического комплекса, Республике Северная Осетия-Алания – по экспорту металлов и изделий из них, Карачаево-Черкесии – по импорту машин, оборудования и транспортных средств.

Динамика индикаторов включенности регионов Северного Кавказа в глобальную экономику последних лет дает, на наш взгляд, основание говорить о том, что на Северном Кавказе сформировались четыре модели: структурно-консервирующая; торгово-посредническая; импортоориентированная; модель локализованного развития.

Структурно-консервирующая модель характерна для Ставропольского края, в котором наблюдается относительно высокий по сравнению с другими (стр. 119) регионами Северного Кавказа уровень, внешнеэкономической активности. Однако внешнеторговая деятельность и производственный процесс в Ставропольском крае детерминируется краткосрочными циклами Китчена, связанными с нарушением равновесия на товарных рынках различного уровня и его восстановлением, преодолением последствий финансовой нестабильности, колебаниями средневзвешенных внутренних и мировых цен на выпускаемую продукцию, сырьевые материалы и энергоносители, изменениями валютных курсов и т.п. Феномен глобализации проявляется главным образом в выходе на внешние рынки отдельных наиболее крупных и устойчивых предприятий. Кроме того, наблюдаются попытки ограничения выхода этих предприятий на мировой рынок со стороны некоторых государств (например, противодействие присутствию ведущего предприятия химической промышленности Ставропольского края ОАО «Невинномысский Азот» на внутреннем рынке США путем применения мер экономической дискриминации и искусственного раздувания «демпингового скандала»).

В общем объеме экспорта края мала доля продукции высоких переделов и велика доля сельскохозяйственного сырья. В структуре импорта, несмотря на сельскохозяйственную специализацию региона, представлена продукция пищевой промышленности, выпускающая продукты переработки культур, выращиваемых в Ставропольском крае (например, сахарная свекла). Это свидетельствует о недостаточной степени диверсификации отраслей пищевой промышленности и переработки сельскохозяйственной продукции в соответствии с имеющейся ресурсной базой. В качестве положительной характеристики структуры импорта необходимо отметить, наличие в нем инвестиционных товаров. Данная тенденция нуждается в поддержке и регулировании по отраслям.

Инвестиционный климат Ставропольского края, по оценкам рейтингового агентства «Эксперт РА», в 2009-2010 гг. характеризуется как «2В», что означает средний потенциал, умеренный риск. В инвестиционном рейтинге регионов край занимает 8-е место по инвестиционному риску и 26-е по (стр. 120) инвестиционному потенциалу. Наименьший инвестиционный риск – законодательный и экономический, наибольший – криминальный. Наибольший инвестиционный потенциал – инфраструктурный (53), инновационный (47) и природноресурсный (45). [142 – См.: Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2009-

2010 гг. / Бюллетень рейтингового агентства «Эксперт РА», 20 декабря 2010 г. Москва. - с. 15, с. 17, с. 22.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ww\v.raexpert.ru/editions/bulletin/rating_invest_2010.pdf

В 2009 г. инвесторами выступили предприятия 42 стран против 29 в 2008 г. Основные инвестиции (66%) осуществлены» предприятиями Кипра. Страны СНГ вложили в экономику края 3,5 млн. долларов США, или 3%.

В качестве недостатка распределения иностранных инвестиций по видам экономической деятельности можно выделить их концентрацию в инфраструктурных отраслях, что выступает следствием отсутствия продуманной инвестиционной политики и объясняется интересами максимизации прибыли иностранных инвесторов, и может явиться сдерживающим фактором для дальнейшего экономического развития региона.

В последние годы внешнеэкономическая деятельность Ставропольского края базируется преимущественно на стратегии опережающего развития несырьевых отраслей «с опорой на собственные силы» («назначение» решениями правительства приоритетных отраслей в качестве «локомотивов роста», усиление роли государства в экономике, мобилизационное бюджетирование, форсированное стимулирование импортозамещения, принуждение бизнеса к инвестициям и инновациям). Однако на сегодняшний день нет ни одной страны мира, которая бы успешно решала задачи развития на основе такой стратегии. Все успешные примеры укрепления международного экономического позиционирования стран (включая страны БРИК) основаны на стратегии системной интеграции в мировую экономику, в рамках которой правительство занимается не «назначением локомотивов роста», а системной поддержкой бизнеса на перспективных нишах внешних и внутренних рынков, для освоения которых экономика региона имеет фактические и/или потенциальные конкурентные преимущества. Экономическое развитие на **(стр. 121)** основе системной интеграции в механизмы мировой экономики, предполагает комплексную поддержку конкурентоспособных на мировых рынках компаний несырьевого сектора, активное привлечение инвестиций, технологий и зарубежных специалистов, последовательную поддержку экспорта и зарубежного инвестирования российских компаний, стимулирование активного включения в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Геоэкономическим вектором устойчивого развития Ставропольского края в условиях глобализации является упрочнение позиций традиционно экспортируемой продукции на мировом рынке и поиск новых ниш, формированием благоприятного инвестиционного имиджа, т.е. с последовательным переходом от структурно-консервирующей к модели, обеспечивающей включенность региона в глобальную экономику за счет развития международной, производственной кооперации и других форм инвестиционного сотрудничества, увеличения числа участников экспортно-импортных операций, формирования эффективной инновационно-восприимчивой структуры-промышленного производства.

Условиями формирования такой модели устойчивого экономического развития региона являются:

- активная политико-дипломатическая поддержка проектов по модернизации и технологическому развитию экономики региона, привлечению иностранных инвестиций, поддержке региональных предприятий - экспортеров, в том числе

оптимизация форматов (отраслевой профиль, решение организационных проблем, активное включение компаний);

- создание доступной для широкого круга экспортеров системы финансовой поддержки экспорта, включая оптимизацию форматов предоставления государственных гарантий, долгосрочных экспортных кредитов и субсидий, уточнение условий и ускорение процедур предоставления поддержки, обеспечение привязки отраслевой структуры поддержки к приоритетам экономического развития, реализацию возможности отслеживания результатов для последующей корректировки применяемых мер; **(стр. 122)**

- создание эффективной организационной инфраструктуры информационно-аналитического обеспечения поддержки внешнеэкономической деятельности, мотивированной на поддержку экспорта и привлечение иностранных инвестиций в соответствии со сформированной системой приоритетов регионального развития;

- модернизация существующих институтов финансовой поддержки экспорта (Внешэкономбанк, Росэксимбанк, Россельхозбанк) за счет расширения перечня инструментов финансовой поддержки, осуществления предэкспортного кредитования, интенсивного организационного продвижения компаний вместе с предоставлением финансовой поддержки, создание новых институтов покрытия рисков экспортеров, в том числе малых и средних организаций.

Торгово-посредническая модель свойственна Республике Ингушетия с высокой зависимостью количественных и качественных показателей экспорта от осуществления разовых экспортных поставок, в значительной степени детерминирующих характер ее экспорта. Процессы, протекающие во внешней торговле и промышленном секторе республики, имеют «скачкообразный», неравномерный характер и могут быть отнесены к «взрывному» типу экономического развития, колебания в котором объясняются в большей степени воздействием случайных, непрогнозируемых факторов, нежели объективных причин. Однако наличие полиномиального экспортного тренда с регулярно повторяющимися колебаниями приблизительно равной амплитуды позволяет говорить о неких скрытых закономерностях, детерминирующих подобный характер внешнеторговой деятельности. В качестве примера можно привести крупные разовые поставки «нетипичной» для данного региона продукции либо резкое увеличение стоимостных объемов продукции экспортообразующей отрасли (отраслей), а затем – столь же резкое ее снижение.

При этом следует отметить, что наращивание экспорта в большинстве регионов Северного Кавказа происходит за счет интенсификации поставок **(стр. 123)** минерального сырья и энергоносителей, что является объективным отражением общероссийских тенденций. 60% стоимостных и физических объемов экспорта округа обеспечивается за счет поставок минерального сырья, энергоресурсов и продовольственных товаров. При этом доля минерального сырья и энергоресурсов резко возросла в структуре экспортных поставок Ставропольского края; Подобная ситуация тесно связана с имеющимися тенденциями сохранения экспортной ориентации в целом по России. Основу внешней торговли страны составляют сырьевые ресурсы и продукция их первичной переработки (около 80 % общего объема экспортных поставок). Сырьевая направленность российского экспорта обусловлена, в первую очередь, низкой конкурентоспособностью готовой продукции,

нерешенностью вопросов кредитования производства и поставок, отсталостью производственной базы, нарушением кооперационных связей в результате прекращения существования СЭВ и СССР, проблемами неплатежей и другими столь же отрицательно сказывающимися на функционировании и развитии производства факторами, сопутствующими включению Российской Федерации в систему международного разделения труда.

В настоящее время максимальная экономическая эффективность, экспортной деятельности российской экономики достигается именно за счет поставок сырьевых, ресурсов, а не готовой продукции. Значения показателей эффективности экспорта продукции основных товарных групп свидетельствует о наличии отрицательной корреляции между показателями, эффективности внешних продаж и степенью переработки продукции: затратный характер производства обуславливает снижение экономической эффективности поставок на внешний рынок товарной продукции глубокой степени обработки. В частности, в настоящее время (и, пожалуй, в ближайшей перспективе) экспорт черных металлов приносит прибыли в два раза больше, чем поставки автомобилей.

Импортоориентированная модель описывает ситуацию во внешнеэкономической сфере республик Дагестан и Северная Осетия-Алания. **(Стр. 124)** Незначительный объем экспорта при достаточно высокой импортозависимости приводит к образованию отрицательного сальдо торгового баланса. Практически отсутствуют иностранные инвестиции и предприятия с участием иностранного капитала. Ключевой проблемой для этих регионов выступает развитие традиционных направлений АПК в русле современных тенденций с целью импортозамещения, так как более 80% импорта в Республике Дагестан и 55% импорта в Северной Осетии-Алании приходится на продовольственные товары; формирование эффективной сельскохозяйственной инфраструктуры (складского, тарного хозяйства, логистических центров и т.д.). Говоря о перспективах интенсификации включенности в процессы глобализации Республики Дагестан, прежде всего, необходимо учитывать его особое географическое положение, которое исторически предопределило прохождение транзитных грузопотоков по его территории. Транзитный потенциал – один из факторов экономического развития Республики Дагестан. Наиболее перспективным является транзит в государства Закавказья, Средней и Юго-Восточной Азии, Персидского залива, а также встречный грузопоток в страны Восточной и Центральной Европы. Стратегически значимым в плане развития Республики Северная Осетия-Алания является функционирование транспортного трансграничного коридора с Закавказьем. Транзит является катализатором развития широкого спектра сопутствующих услуг: по заправке транспортных средств топливом, организации торговли и питания, ремонту транспортных средств и его сервисному обслуживанию.

Модель локализованного развития просматривается для Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик с низким значением индикаторов включенности в глобальную экономику. Интенсификация включенности в мирохозяйственные процессы этих регионов должна ориентироваться на традиционные отрасли конкурентных преимуществ (в первую очередь ресурсные и отрасли низких переделов), развивающиеся за счет роста мирового спроса в посткризисный период и обеспечивающие импульсы развитию несырьевого сектора через расширение

внутреннего (стр. 125) спроса. Стратегия устойчивого развития этих регионов должна основываться на использовании преимуществ сырьевой структуры хозяйственного комплекса (ориентация на зерновое и лесное хозяйство), развитии нефтехимического комплекса, который занимает лидирующие позиции в структуре экспорта Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик, стратегии кооперации товаропроизводителей, информатизации экономических субъектов и осуществлении проектов, связанных с облегчением получения хозяйствующими субъектами современной релевантной информации о рынках, товарах, ресурсах, контрагентах, конкурентах, инвесторах.

Слабое воздействие глобализации, свойственное регионам в рамках импортоориентированной и локализованной моделей, обуславливает низкий уровень транзита высоких технологий и, соответственно, низкий уровень модернизации и реструктуризации региональных хозяйственных комплексов, не обеспечивает соединения и комбинирования элементов ресурсной базы и факторов производства.

Таким образом, экономическое пространство Северного Кавказа под воздействием глобализации сегментируется на отдельные региональные хозяйственные комплексы, обладающие определенной устойчивой совокупностью функций и собственной нишей в глобальной экономике. В условиях глобализации нарастает асинхронность социально-экономического и технологического развития северокавказских регионов. Сложившаяся структура внешнеэкономических связей северокавказского макрорегиона способствует эксплуатации его ресурсного потенциала и освоению внутреннего рынка зарубежными производителями, что в целом не отвечает интересам модернизации и роста региональной экономики. В этой связи еще более актуализируется необходимость формирования продуманной стратегии устойчивого развития макрорегиона с учетом интенсификации внешнеэкономических связей. Стратегия устойчивого развития должна основываться на формировании структуры экономики, отвечающей потребностям экономического роста и развития на основе собственных (стр. 126) ресурсов и за счет максимального использования потенциала внешнеэкономических связей.

Логика данного исследования, основанная на позициях приоритетности целей устойчивого социально-экономического развития региона, предполагает от теоретического осмысления содержания условий, детерминант и императивов ресурсного обеспечения макрорегионального развития перейти к рассмотрению стратегических императивов и инструментария формирования инновационно ориентированной стратегии управления региональным развитием в направлении обеспечения сглаживания внутрорегиональных диспропорций.

Основные направления реализации региональной социально-экономической политики федерального центра на Северном Кавказе

Особая значимость, региональной политики для России общепризнанна. Это связано главным образом с двумя объективными обстоятельствами. Во-первых, с наличием резких территориальных различий условий экономического развития, и жизнедеятельности населения, обусловленных природно-климатическими факторами. Во-вторых, с федеративным устройством государства, устойчивость которого (не только экономическая, но и политическая) в значительной степени зависит от правильно выбранной стратегии и тактики государственной региональной политики.

Тем не менее, именно этот аспект политики государства является наиболее слабо разработанным, теоретически и занимает неоправданно малое (и, как правило, последнее) место во всех принятых с начала девяностых годов экономических программах российского Правительства.

По справедливому замечанию Н. Марковой и Т. Монаховой «фактически на протяжении всего этого периода активная региональная политика проводилась лишь на уровне субъектов Российской Федерации и была направлена на повышение экономической самодостаточности регионов» [143 – Маркова Н., Монахова Т. Региональная политика как фактор устойчивого развития российской экономики // Федерализм. 2004. №2 (34)]. Это в определённой степени являлось вынужденной реакцией на резкий разрыв хозяйственных связей, способствуя «выживанию» региона в кризисных условиях. Что касается региональной политики федерального Центра, то она в рассматриваемый период сводилась лишь к решению вопроса о механизмах бюджетного выравнивания. Этот аспект является важным в свете решения **(стр. 128)** текущих задач региональной политики, но с точки зрения её стратегических задач, ограничение региональной политики Центра лишь вопросом бюджетного выравнивания означает консервацию сложившейся территориальной структуры экономики или, во всяком случае, устранение федеральной власти от активного воздействия на эту структуру.

Современная политика регионального развития представляет собой совокупность целей и приоритетов развития социально-экономической деятельности в регионе, путей и средств достижения целей на основе взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов управления. Решение задачи согласования общегосударственных и региональных интересов в политике регионального развития предполагает, прежде всего, определение полномочий различных уровней управления в регулировании процессов стратегического развития региона. В настоящее время наибольшее распространение получила концепция саморазвития территорий. В соответствии с данной концепцией устойчивое развитие достигается в результате совместных усилий различных институтов на всех уровнях управления и не является задачей, относящейся к компетенции центральных органов власти. В этом аспекте формирование региональной стратегии в большей мере основывается на инициативах, идущих «снизу-вверх». Территориальное стратегическое планирование в этом случае представляет собой, прежде всего, «самостоятельное определение местным сообществом целей и основных направлений устойчивого социально-экономического развития в динамичной конкурентной среде» [144 – Жихаревич Б.С. Территориальное стратегическое планирование в России: семь лет побед? www.leontief.ru/inc2/articles/239/308/basket/god2005.pdf], когда ответственность за развитие территории несут только само население и выбранные ими территориальные органы власти. Эффект от реализации данного подхода к обеспечению устойчивого развития достигается в результате субсидиарности (взаимодополняемости) функций различных уровней управления, а также вследствие большего опыта региональных властей, **(стр. 129)** возможностей применения ими динамичных инструментов управления **(рис. 10)**. [...]

(Стр. 130) Разделяя мнение В.Н. Лексина о том, что «в современной России имеются некоторые атрибуты государственной региональной политики, но отдельные действия и механизмы регулирования территориального развития пока

еще концептуально не связаны, фрагментарны и не скоординированы» [147 – Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. №3. С. 33.], отметим, что в мировой практике накоплен богатый опыт осуществления региональной политики федерального центра в отношении проблемных территорий, который, на наш взгляд, может послужить фундаментом для проведения региональной социально-экономической политики федерального центра на Северном Кавказе.

(Стр. 131) Как показывает зарубежный опыт реализации региональной политики, политика федерального центра в отношении проблемных регионов должна заключаться, прежде всего, в создании благоприятных условий для обеспечения самодостаточного режима регионального воспроизводства. *Подтверждение данного тезиса мы находим в высказывании* П. Щедровицкого, который отмечает, что «государственная политика регионального развития Российской Федерации должна быть направлена на формирование такой ее пространственной организации, которая бы повышала стоимость активов, находящихся в распоряжении территориальных сообществ, и в первую очередь — человеческого капитала и среды жизни людей (недвижимости, природных и культурно-смысловых ландшафтов и так далее)» [148 – Щедровицкий П. Государственная политика регионального развития в Российской Федерации: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://strategy2020.ru>].

Полагаем, что системный характер реализации эффективной региональной политики федерального центра на Северном Кавказе может быть обеспечен за счет сочетания трех групп инструментов:

- размещения государственных предприятий на территории проблемных регионов;
- предоставления льгот предприятиям, функционирующим на территории проблемных регионов;
- развития производственной и социальной инфраструктуры.

С точки зрения возможности использования первой группы инструментов для обеспечения устойчивого развития северокавказского макрорегиона наибольший интерес представляет опыт Италии, на юге которой за счет государства или при его активном участии было построено много крупнейших предприятий, в основном тяжелой промышленности [149 – Wren C, Taylor J. Industrial Restructuring and Regional Policy // Oxford Economic Papers. 1999. №3.]. Аналогичные меры применялись в Великобритании, где государство также самостоятельно создавало промышленные предприятия, которые потом сдавало в аренду или продавало частным предпринимателям.

(Стр. 132) *Бесспорно*, такие меры не укладываются в прокрустово ложе либерального рыночного хозяйства, однако видятся вполне оправданными в условиях низкой инвестиционной привлекательности проблемных регионов Северного Кавказа. Создание государственных предприятий в стратегически важных для России и макрорегиона отраслях будет способствовать, с одной стороны, формированию эффективной структуры экономики макрорегиона, наращиванию его налогового потенциала, с другой стороны, созданию дополнительных рабочих мест и сокращению оттока наиболее активных и квалифицированных работников за пределы

макрорегиона. В долгосрочной перспективе эффективные государственные предприятия могут быть приватизированы, что позволит компенсировать государственные расходы на создание таких предприятий.

Льготы, предоставляемые предприятиям, функционирующим в проблемных регионах, отличаются разнообразием. Широкое распространение в мировой практике получили субсидии, предоставляемые предприятиям, либо как часть суммы, необходимой для реализации проекта, либо как фиксированная сумма за одно вновь созданное место. Так, в Великобритании в 1967 – 1976 гг. работодатели в отсталых регионах получали компенсацию 7,5% трудовых издержек в течение 7 лет на любом предприятии обрабатывающей промышленности [150 – Галкина Т.А. Региональные проблемы в современной Италии // Регионы и регионализм в странах Запада и России. – М.: ИВИ РАН, 2001.]. В Бельгии с 1959 г. Государство покрывало до 20% расходов на строительные работы и до 7,5% на устанавливаемое оборудование. В Нидерландах новые фирмы могут получить 25% от общей суммы капиталовложений, расширяющиеся – 15% [151 – Дейк Й. ван, Остерхавен Я. Прошлое, настоящее и будущее голландской региональной политики // Регион: экономика и социология. 1995. №2.]. В Люксембурге государство покрывает от 17,5% до 25% от суммы инвестиций в проблемных регионах [152 – Былов В.Г. Экономические аспекты региональной политики в странах Европы: опыт для России. – М.: ИНИОН, 1996.]. В Германии с помощью субсидий поддерживаются три вида инвестиций: **(стр. 133)**

- учредительные инвестиции, то есть инвестиции на открытие нового предприятия, субсидии по которым колеблются от 18 до 23% от общей суммы инвестиций;

- инвестиции, направленные на расширение уже существующего производства. Размер субсидий составляет от 15 до 20%;

- инвестиции на модернизацию и реконструкцию производства, субсидируемые в объеме от 10 до 15% [153 – Economic Incentives in Germany's New Federal States: an Overview / Federal Ministry of Economics. – Bonn, August 1994.].

В Австрии размеры субсидий варьируются от 15 до 40% от объема инвестиций в зависимости от отнесения проблемных регионов к одной из пяти категорий [154 – Уишлейд Ф., Юилл Д. Системы выделения регионов в Европе: возможные уроки для России // Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии – Новосибирск: Сибирское соглашение, 2000.].

В Канаде в 1969 – 1974 гг. в период масштабного регулирования территориального развития в соответствии с законом «О стимулировании регионального развития» частные компании при создании новых предприятий или модернизации старых в «зонах поддержки» получали два вида субсидий: 1) первичные, максимальный размер которых колебался от 20% до 35% от общей суммы капиталовложений; 2) вторичные, которые составляли 5% от инвестиций или от 5 до 7,5 тысяч канадских долларов за каждое вновь созданное рабочее место. Предпочтение отдавалось компаниям трудоемких отраслей, которые были способны оказать более действенное влияние на увеличение занятости в районах с хронической безработицей [155 – Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С.105.].

Полагаем, что для стимулирования устойчивого развития проблемных регионов СКФО целесообразно использовать выборочные субсидии, размер которых должен определяться типом проблемного региона, видом инвестиций, необходимостью проекта для проблемной территории, его вкладом в увеличение занятости и мультипликативным воздействием на другие отрасли. При этом особо следует отметить, что государственная поддержка в виде субсидий должна оказываться небольшим отечественным компаниям, так как (стр. 134) их зависимость от местных рынков обычно выше, чем у крупных фирм, которые оказываются связанными главным образом не с местной экономикой, а со своими смежниками в более развитых регионах. Упор на поддержку именно отечественных фирм обусловлен тем, что офисы иностранных компаний остаются в крупных центрах, а сокращения персонала под воздействием конъюнктурных колебаний-касаются в основном филиалов [156 – Артоболевский С.С. Региональное развитие в Великобритании (Послевоенный период). – М.: Ин-т географии РАН, 1992.].

В рамках региональной политики федерального центра в развитых странах уделяется большое внимание развитию производственной и социальной инфраструктуры.

Одним из наиболее ярких примеров стран, где в региональной политике первостепенное значение отдается развитию социальной инфраструктуры, является Финляндия. В период с 1960 по 1970 гг. в проблемных районах проводилось строительство больниц, оздоровительных центров и начальных школ. К началу 1979 г. в проблемных районах было создано 10 университетов, на базе которых впоследствии образовались крупные технические и научно-технические центры.

Строительство объектов социальной инфраструктуры (школ, больниц, университетов) в северокавказских регионах позволит решить триединую задачу. Во-первых, будет способствовать росту занятости населения. Во-вторых, повысит привлекательность территории для инвесторов и высококвалифицированной рабочей силы. В-третьих, развитие высшего образования будет способствовать развитию наукоемких производств.

Полагаем также целесообразным внедрение на территории Северного Кавказа опыта Германии по созданию производственной инфраструктуры, включающей в себя развитие и обустройство территорий под промышленную и коммерческую застройку, создание или расширение транспортных связей, используемых в коммерческих целях распределительных линий (стр. 135) энергетического и водного снабжения мощностей по удалению и очистке отходов и стоков.

Существенным фактором обеспечения устойчивого развития как национальной социально-экономической системы в целом, так и входящих в нее региональных систем, является упреждающее формирование однозначно воспринимаемых приоритетов развития макрорегионов страны, а также процедур и механизмов реализации интересов государства по отношению к макрорегионам.

Следует отметить, что на сегодняшний день ни в одном документе (за исключением, и то отчасти, ФЦП «Юг России») четко не определены интересы России на Северном Кавказе и роль данного макрорегиона в формировании единого экономического пространства России [157 – Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 год. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации 17 ноября 2008 г. № 1662-р .].

Изучение содержания стратегических документов федерального уровня, дает основание сделать вывод о том, что в настоящее время федеральные органы государственной власти не имеют полного и достоверного представления о том, как принимаемые ими решения накладываются на стратегии, программы и планы развития, разрабатываемые и реализуемые в регионах. Вместе с тем любое такое решение обязательно имеет регионально опосредованные эффекты и последствия. Поэтому экономическая политика государства должна иметь регионально-ориентированную направленность, а макрорегиональный разрез должен стать обязательным атрибутом всех принимаемых на федеральном уровне концептуальных, стратегических, программных документов и решений. Принимаемые на федеральном уровне стратегии развития базовых отраслевых комплексов экономики страны (транспортная, энергетическая и др. стратегии России) должны разрабатываться с учетом региональной структуры экономики и содержать, обязательные разделы, характеризующие территориальный разрез планируемого развития той или иной отрасли.

(Стр. 136) Ретроспективный анализ пространственного экономического развития нашей страны обнаруживает недостаточную согласованность территориального и отраслевого планирования. В начале XX века в СССР, как и на Западе, восторжествовал отраслевой (корпоративный) принцип организации экономики. Региональная политика советского периода по сути дела была продолжением и пространственной проекцией политики экстенсивной индустриализации. Соответственно, региональная экономика развивалась в основном как наука о размещении производства и формировании территориальных производственных комплексов. Проблемы расселения, связанные с планированием строительства жилья, развитием инфраструктуры, организацией землепользования, экологией решались в рамках ведомственной градостроительной науки. В соответствии с таким делением разрабатывались два предплановых документа: Генеральная схема развития и размещения производительных сил и Генеральная схема расселения на территории СССР. Их разработку осуществляли соответственно институты Госплана и Госстроя.

В 90-е годы задачи региональной политики несколько изменились, выдвинув на первый план необходимость сглаживания межрайонных различий бюджетных доходов с помощью трансфертного механизма, реализуемого в рамках корпоративной системы бюджетного федерализма. На уровне деклараций провозглашалась важность и других направлений; однако их реализация не была обеспечена достаточными финансовыми ресурсами. Как справедливо отмечает О.С. Пчелинцев, произошло пассивное приспособление сложившейся в советский период территориально-отраслевой структуры экономики страны к запросам мирового рынка [158 – Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. - М.: Наука, 2004. С. 10.]. В этой связи, задача интенсивного развития экономики России на качественно новом уровне нереализуема без учета особенностей пространственного развития.

Необходимо отметить особую роль федерального центра в реализации стратегий развития макрорегионов. При всей важности разработок, которые генерируют научно обоснованные представления о перспективах развития **(стр. 137)** макрорегионов России, их специализации в системе мирохозяйственных связей,

направлениях межрегиональных взаимодействий и реализации крупных межрегиональных проектов и программ, как показывает анализ содержания Стратегии СКФО [159 – Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. N 1485-р. [Электронный ресурс]: интернет портал Правительства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.government.ru>], их конкретное наполнение натолкнулось на неясный правовой статус таких документов, что, естественно, ограничивает их поддержку из федерального бюджета. В.Е. Селиверстов указывает на формальное существование лишь двух правовых форм возможной реализации подобных макростратегий: национальных проектов и федеральных целевых и адресных программ (ФЦП и ФАИИ) [160 – Селиверстов В.Е. Региональная политика России: выбор новой модели // Регион: экономика и социология. 2006. №4. С.26.]. Учитывая остроту и затяжной характер социально-экономических проблем северокавказских регионов, высокую политическую напряженность, повышающую инвестиционные риски, *считаем целесообразным* инициирование государственной программы «Северный Кавказ», в рамках которой отдельные ФЦП и ФАИП могли бы рассматриваться в качестве составных частей.

Концепция федеральной региональной политики на Северном Кавказе не должна быть заложником сложившейся системы перераспределения в виде бюджетных дотаций, субвенций, субсидий, социальных трансфертов и иных налоговых и таможенных преференций, предоставляемых субъектам РФ. *Мы полностью поддерживаем позицию* О.С. Пчелинцева о том, что региональная политика должна строиться на принципе Парето-оптимальности: никакой экономической рост, никакое перераспределение ресурсов не должны ухудшать положения одних регионов по отношению к другим [161 – Пчелинцев О.С. Проблемы социально-экономического обоснования региональной политики // Проблемы прогнозирования. 2002. №1.].

В этой связи полагаем, что региональная политика федерального центра должна быть направлена на инвестиционную поддержку отстающих территорий, что будет способствовать, с одной стороны, сокращению масштабов межрегионального экономического неравенства, с другой – **(стр. 138)** повышению темпов роста национальной экономики за счет рационального использования ресурсного потенциала региональных экономик и углубления межрегиональной интеграции. Целью такой политики является обеспечение превышения темпов роста экономики проблемных регионов над темпами роста экономики регионов наиболее развитых и, как следствие, увеличение темпов экономического роста в стране в целом. В ее основу должны быть положены три ключевые принципа:

1. Основными реципиентами федеральной поддержки должны, быть проблемные, а не наиболее развитые регионы.

2. Федеральная поддержка должна быть направлена в большей степени на стимулирование экономического развития, нежели на удовлетворение текущих бюджетных потребностей регионов.

3. Экономически неэффективные мероприятия не должны осуществляться, даже если их бенефициариями являются жители проблемных регионов.

В качестве одного из направлений региональной социально-экономической политики на Северном Кавказе, обеспечивающего логическое развертывание концепции устойчивого развития, *можно предложить* переориентацию отраслевой структуры производства, то есть создание и развитие в этих регионах новых производств. В этом плане представляет интерес опыт Германии и США в период Великой депрессии. Так, в штате Теннесси для ликвидации значительного отставания социально-экономического развития по сравнению с другими частями страны была создана крупнейшая энергосистема [162 – Барышева Г., Плучевская Э. Аспекты общности экономического пространства // Экономист. 2008. №1. С.33.]. Дешевая электроэнергия стала одной из важнейших предпосылок ускорения процесса индустриализации. В регионе стало возможно установление и поддержка льготных тарифов на электроэнергию. Это послужило стимулом для привлечения сюда промышленных предприятий, в том числе использующих новые технологии, в частности, атомной (стр. 139) промышленности, что способствовало улучшению условий и качества жизни населения.

Региональная экономическая политика должна быть ориентирована на органичное использование в системе действующих организационно-экономических форм хозяйствования структур этноэкономики, включения ее потенциала в корпоративную экономику и, как очень точно отмечает Ю.С. Колесников, тем самым «облагораживание» ее [163 – Колесников Ю.С. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России // Экономический вестник Ростовского государственного университет. 2003. Том 1. №2. С.23.].

Мерами государственной региональной политики в СКФО должны также решаться две важные задачи: стимулирование мобильности населения и поддержка локальных центров роста с помощью инвестиций в инфраструктуру и институциональных мер. Реализация последней задачи выступает императивом ускорения модернизации экономики регионов Северного Кавказа. Таким образом, приоритетной стратегической целью государственной региональной политики в СКФО, *как нам представляется*, может стать разработка модернизационной модели устойчивого развития социально-экономической системы городских агломераций как наиболее чувствительных к колебаниям рынка. Система городов как опорный каркас хозяйственного пространства, во многом определяя темпы и качество экономического роста, испытывает в то же время сильное обратное влияние принятых на макроуровне и реализуемых моделей развития и соответствующих им направлений экономической и социальной политики. В этой связи приоритетны инфраструктурные инвестиции государства в территории, где концентрируется население. Тем самым быстрее снижается экономическое расстояние для бизнеса и большинства жителей территории. Необходима государственная поддержка развития локальных агломераций городов и сельских поселений, причем как по классической, так и по американской модели.

Как показывает мировой опыт, объединение поселений в агломерацию превращает территорию в ареал устойчивого и динамичного роста со (стр. 140) значительным социальным и экономическим эффектом. При этом агломерация – это стратегический инструмент комплексного развития территории, от которого выигрывает и городской центр (решение городских проблем: вынос части производства, создание объектов транспортной и коммунально-хозяйственной

инфраструктуры, развитие рекреационных баз и т.п.) и окружение (более высокий уровень инженерно-технического, социально-культурного обслуживания и качества жизни). Агломерации отличаются динамичностью экономического развития, высокой концентрацией человеческих, производственных ресурсов, образовательного и научного потенциала, развитой инфраструктурой, обеспечивающей связь с национальными и глобальными рынками.

Эффективное развитие городских агломераций в регионах России не возможно без стратегического планирования данного процесса. Как отмечает О.С. Пчелинцев, разработка стратегических планов развития городских агломераций позволит [164 – Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. – М.: Наука, 2004. С. 51-52.]:

- соединить на конкретном: объекте методологию и технику территориального стратегического планирования с градостроительным проектированием;
- способствовать реализации экономического и научно-технического потенциала крупных городов в единстве с их пригородной территорией;
- отработать специфический для России механизм сезонной субурбанизации.

Однако решение данной задачи затруднено вследствие юридической неопределенности городской агломерации как объекта планирования. Именно уровень агломераций является одним из самых, важных в процессе управления территориальной организацией экономики регионов, в то время как они официально не являются даже объектом статистического учета. В этой связи стратегическое планирование развития городских агломераций возможно только на основе специальных договоренностей между городскими и (стр. 141) региональными властями. Ликвидация данного институционального пробела в российском законодательстве позволит более эффективно задействовать ресурсы городских агломераций в процессе обеспечения устойчивого развития северокавказского макрорегиона.».

4. Сравнение текста диссертации Яковлевой С.В. на тему «Управление социально-экономическим потенциалом региона» с текстом диссертации Русиновой О.С. на тему «Управление социально-экономическим развитием сельских территорий региона (на материалах Ставропольского края)». В тексте диссертации Яковлевой С.В. ссылки на работы Русиновой О.С. отсутствуют.

Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 79–98: «(Стр. 79) Регион как воспроизводственная система характеризуется определенными социально-экономическими пропорциями, отражающими (стр. 80) взаимосвязи между ее элементами. В статике данные пропорции позволяют судить о структурной сбалансированности социально-экономической системы региона, а в динамике – предопределяют перспективы ее развития.

Неравномерность развития является важнейшей характерной чертой любой экономической системы и выступает объективной основой для возникновения различного рода воспроизводственных диспропорций, сдерживающих дальнейший социально-экономический прогресс. К числу объективных факторов воспроизводственных диспропорций можно отнести различия в органическом строении капитала в разных отраслях, территориальные различия в обеспеченности факторами производства, циклические колебания в экономике, изменения в

соотношении спроса и предложения. Можно выделить и субъективные факторы, среди которых в первую очередь необходимо упомянуть просчеты в экономической политике различных уровней власти и управления [17 – Павлов К. Управление экономикой на основе учета воспроизводственных диспропорций // Проблемы теории и практики управления. - 2003. - № 3. - С. 40-41.].

По справедливому замечанию И.Н. Олейниковой, воспроизводственные пропорции, представляя собой определенные количественные и качественные соотношения между различными показателями в процессе общественного воспроизводства, во взаимосвязи образуют единую систему, которая включает [18 – См.: Олейникова И.Н. Воспроизводственный процесс в системе региональной экономики: инновационная составляющая и механизм управления (структурный аспект). Ростов н/Д: Терра, 2004. - С. 234-235; Киселева Н.Н. Устойчивое развитие социально-экономической системы региона: методология исследования, модели, управление. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. - С. 90-91.]:

1. Общеэкономические пропорции, характеризующие качество воспроизводственных процессов в целом и роль региона в национальной экономике. К ним относятся пропорции между спросом и предложением, потреблением и накоплением, живым и овеществленным трудом, затратами и результатами общественного труда, производственной и непроизводственной сферами, а также пропорции, позволяющие охарактеризовать место региона в народном хозяйстве страны, его отраслях и секторах. **(Стр. 81)**

2. Структурные пропорции, отражающие соотношение между различными элементами системы регионального воспроизводства, которые обеспечивают ее участие в территориальном разделении труда. Данные пропорции являются материально-вещественной характеристикой уровня комплексности развития региональной экономики и представлены, прежде всего, межотраслевыми и внутриотраслевыми пропорциями, а также пропорциями между отраслевой структурой региона и общественными потребностями.

3. Социально-экономические пропорции, преимущественно характеризующие эффективность распределительных процессов, определяющих уровень и качество жизни населения. Данную группу составляют пропорции между платежеспособным спросом и насыщением регионального потребительского рынка товарами и услугами, между численностью населения и развитием жилищного комплекса, между жилищным комплексом и комплексом коммунально-бытового обслуживания, между численностью населения и развитием отраслей социальной инфраструктуры.

4. Экономико-демографические пропорции, отражающие взаимозависимость демографического и экономического потенциалов регионального воспроизводства и обуславливающие характер миграционных процессов. Данные пропорции включают соотношения между приростом и выбытием трудовых ресурсов, между трудовыми ресурсами и наличием рабочих мест, между городским и сельским населением.

5. Экономико-экологические пропорции, характеризующие соотношение между емкостью природной среды и уровнем социально-экономического развития региона. Они выражаются в соотношении между сырьевым потенциалом и возможностями его использования в производстве, между развитием производства и уровнем природоохранной деятельности, между эксплуатацией и воспроизводством природных ресурсов. **(Стр. 82)**

6. Финансово-экономические пропорции, связанные с кругооборотом материальных и финансово-денежных ресурсов и лежащие в основе управления региональной экономикой вследствие своей важной роли в обеспечении связей между участниками регионального воспроизводства. К данной группе можно отнести пропорции между произведенной чистой продукцией и использованным на территории региона национальным доходом; бюджетом региона и ресурсами, необходимыми для обеспечения функций региональных органов власти; долями налогов и платежей, поступающих в федеральный и региональный бюджеты; внутренними и внешними источниками, обеспечивающими развитие региона.

В числе важнейших общеэкономических пропорций регионального воспроизводства необходимо выделить соотношение внутрорегионального спроса и предложения, а также фондов накопления и фондов потребления. Данные таблицы 10 свидетельствуют о росте объемов спроса, который не удовлетворяется за счет производимых в регионе товаров и услуг. За девять лет разрыв между спросом и предложением увеличился на 15%.

Необходимо отметить также рост объемов потребления по отношению к накоплению. Так, в 2000 году фактическое конечное потребление домашних хозяйств и валовое накопление основного капитала в Ставропольском крае соотносились как 74 и 26%, а в 2008 – 81 и 19% [19 – Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. - С. 376, 377, 382.]. Данные пропорции свидетельствуют о росте потребления в ущерб накоплению. Безусловно, необходимость реализации общественного продукта является важнейшей детерминантой расширенного воспроизводства, однако чрезмерное увеличение фонда потребления приводит к тому, что в региональном богатстве закрепляется недостаточная часть валового регионального продукта текущего периода [20 – См.: Угурчиев О.Б., Аджигов М.Т. Воспроизводственный процесс и экономическое развитие // Региональная экономика: теория и практика. - 2009. - № 39 (132). - С. 4-5.]. (Стр. 83)

Таблица 10 - Динамика некоторых общеэкономических воспроизводственных пропорций Ставропольского края, в процентах

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Доля спроса удовлетворяемого внутрикраевым предложением	83	87	81	84	79	74	74	72	71	...
Доля края в суммарном ВРП регионов России	0,93	0,95	0,92	0,94	0,88	0,81	0,81	0,79	0,81	0,87
Доля края в общероссийском объеме производства сельскохозяйственной продукции	2,61	2,67	2,75	2,86	3,31	3,22	3,22	3,58	3,10	2,69

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. - С. 359, 376, 377, 382, 526; данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] - Режим доступа <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/account/#>

Выявленные общеэкономические диспропорции отчасти объясняют неустойчивую динамику доли ВРП Ставропольского края в суммарном ВРП регионов России. Достигнув минимума в 2007 году, она демонстрирует небольшой рост, однако пока нет достаточных оснований считать наметившуюся положительную

динамику сложившейся тенденцией. В 2009 году по сравнению с 2000 годом доля ВРП Ставропольского края в суммарном ВРП регионов России сократилась на 6,5 %.

Динамика доли Ставропольского края в общероссийском объеме производства сельскохозяйственной продукции отличается нестабильностью: достигнув максимума в 2007 году, к 2009 она возвращается к уровню 2001 года.

Темпы роста показателя фондовооруженности, характеризующего соотношение живого и овеществленного труда в регионе, в анализируемом периоде отстают от среднероссийских (табл. 11). **(Стр. 84)**

Таблица 11 – Показатели фондовооруженности и производительности труда в Ставропольском крае и Российской Федерации, скорректированные с учетом дефляторов ВВП и ВРП соответственно, тыс. руб. на одного занятого в экономике

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Фондовооруженность в экономике Российской Федерации	197	284	347	429	437	521	614	780	922	1202
Производительность труда в экономике Российской Федерации	65	95	115	143	175	226	291	361	420	467
Фондовооруженность в экономике Ставропольского края	157	221	268	275	318	366	388	431	521	635
Производительность труда в экономике Ставропольского края	38	54	67	75	98	114	136	158	196	220

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 102, 385, 359; Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. – С. 115; данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] - Режим доступа <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/account/#>

Согласно данным таблицы 11, в целом в России с 2000 по 2009 год фондовооруженность с учетом дефлятора ВВП возросла более чем в 6 раз, в Ставропольском крае с учетом дефлятора ВРП – в 4 раза.

Положение усугубляется изначальным отставанием Ставропольского края по стоимости основных фондов на одного занятого в экономике. В 2000 году показатель фондовооруженности в Ставропольском крае составил 79,7% среднероссийского уровня, а в 2009 году под влиянием более медленных темпов роста – 52,8%, снизившись в анализируемом периоде на 33,8%.

На этом фоне выглядит закономерным отставание Ставропольского края по темпам роста производительности труда: в анализируемом периоде среднероссийское значение данного показателя с учетом дефлятора ВВП увеличилось более чем в 7 раз, а среднекраевое с учетом дефлятора ВРП – почти **(стр. 85)** в 6 раз. Это привело к снижению производительности труда по сравнению со среднероссийским значением на 18,7% в рассматриваемом периоде. Ситуация усложняется значительным отставанием Ставропольского края по абсолютному показателю производительности труда: в 2000 году он составил 58%, в 2009 – 47,2%) среднего по стране значения. Выявленные тенденции заставляют делать вывод о росте вклада живого труда в ВРП Ставропольского края, в том числе и за счет увеличения нагрузки на занятых в экономике.

Динамика соотношения производственной и непроизводственной сфер в экономике Ставропольского края в анализируемом периоде характеризовалась увеличением вклада отраслей третичного сектора в ВРП. Отчасти данные тенденции объясняются деиндустриализацией экономики в сравнении со среднероссийскими показателями, подтверждаемой отмеченным отставанием темпов роста фондовооруженности. Так, удельный вес оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, а также образования в ВРП Ставропольского края в период с 2004 по 2009 год увеличился на 21%; гостиниц и ресторанов – 55%; операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг, а также здравоохранения и предоставления социальных услуг – на 32%. Рекордными темпами росли объемы услуг, связанных с государственным управлением, обеспечением военной безопасности и обязательным социальным обеспечением: на 105% в период с 2004 по 2009 год [21 – Рассчитано по: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 116.]. Повышение удельного веса сферы услуг связано с опережающим ростом цен на услуги по сравнению с ценами на товары, а также быстрым развитием финансовых и других посреднических услуг, характерных для рыночной экономики [22 – Киселева Н.Н. Устойчивое развитие социально-экономической системы региона: методология исследования, модели, управление. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. - С. 93.].

Общеэкономические пропорции находятся в тесной взаимосвязи со структурными пропорциями регионального воспроизводства. При исследовании структурных пропорций важен анализ динамики укрупненных промышленных видов деятельности в экономике региона: добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды (рис. 4). (Стр. 86)

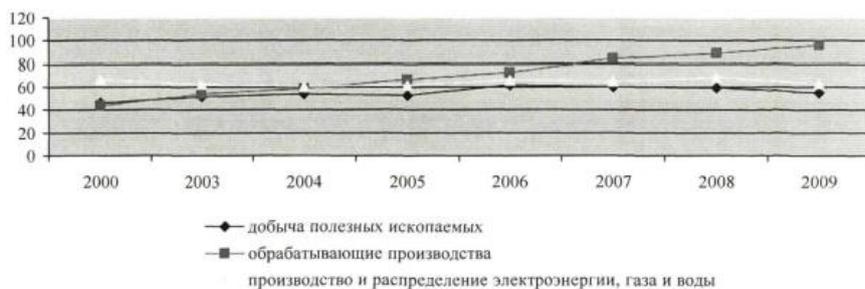

Рисунок 4 – Динамика индексов производства по видам экономической деятельности (в % по отношению к уровню 1991 года)

Составлено по: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 137, 138.

Согласно данным диаграммы, устойчивые темпы роста в Ставропольском крае демонстрируют лишь обрабатывающие производства, экономические результаты которых в 2009 году почти достигли уровня 1991 года. Динамика добычи полезных ископаемых отличается нестабильностью и сопровождается снижением доли сырой нефти и природного газа в пользу прочих полезных ископаемых. Снижение объемов производства и распределения электроэнергии, газа и воды происходит за счет сокращения производства и распределения газообразного топлива, объемы которо го

уменьшились с 2004 по 2009 год на 75% [23 – Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 134.]. Падение производства в отраслях промышленной инфраструктуры на фоне медленных темпов роста фондовооруженности едва ли может объясняться распространением энергосберегающих технологий и чревато сдерживанием развития обрабатывающих отраслей.

При изучении структурных пропорций регионального воспроизводства необходим анализ структуры обрабатывающих производств. Основными отраслями в структуре обрабатывающих производств Ставропольского края являются пищевая и химическая промышленность, составляя по итогам 2009 (стр. 87) года 35,5 и 33,4% общего объема выпуска по данному виду экономической деятельности [24 – Там же. - С. 134.].

Трансформационный кризис 90-х годов оказал существенное воздействие на структуру промышленности Ставропольского края. Результаты 1991 года здесь были почти достигнуты в 2009 году, но уже с совершенно другим качественным составом отраслей.

Согласно данным таблицы 6, за анализируемые 18 лет существенно снизилась степень диверсификации краевой обрабатывающей промышленности, которая, по сути стала двуотраслевой. При этом значительная доля химической промышленности во многом объясняется упадком отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию.

Таблица 12 – Изменение отраслевой структуры обрабатывающих производств в экономике Ставропольского края в 2009 году по сравнению с 1991 годом

Отрасли, доля которых увеличилась	Индекс производства по отношению к 1991 году, %	Отрасли, доля которых уменьшилась	Индекс производства по отношению к 1991 году, %
Химическое производство	134,0	Текстильное и швейное производство	51,7
		Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	10,1
Производство резиновых и пластмассовых изделий	266,0	Обработка древесины и производство изделий из дерева	8,0
		Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	42,6
		Производство транспортных средств и оборудования	22,6

Составлено по данным: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 137, 138.

(Стр. 88) Данный вывод подтверждается расчетом коэффициентов душевого производства для некоторых отраслей экономики края. Его значение по данным 2009 года для сельского хозяйства составило 1,4, для пищевой промышленности – 0,7, для легкой – 0,8, для химической – 1,9. Таким образом, Ставропольский край, будучи аграрным регионом, не специализируется на производстве продукции переработки сельскохозяйственного сырья.

Негативным явлением стало также снижение в анализируемом периоде доли машиностроения в структуре обрабатывающих производств, нарушающее пропорции

между производством средств производства и предметов потребления в изучаемой территориальной экономической системе.

В числе важнейших социально-экономических пропорций регионального воспроизводства следует выделить соотношение платежеспособного спроса и предложения товаров и услуг на региональном потребительском рынке. Платежеспособный спрос определяется уровнем среднедушевых доходов, которые возросли с 2000 по 2009 год с 61,6% до 68% среднероссийского уровня. Это способствовало снижению доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума с 45,2% в 2000 году до 19,3% в 2009 году, что, однако, по-прежнему превышает среднероссийский показатель равный 13,2% [25 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. - С. 164, 184.].

В структуре расходов на фактическое конечное потребление росла доля расходов домашних хозяйств на покупку товаров на фоне сокращения поступлений товаров и услуг в натуральной форме: с 58,8 и 12,4% в 2000 году до 63,6 и 5,4% соответственно. Приведенные данные свидетельствуют об увеличении платежеспособного спроса, компенсированного предложением на потребительском рынке Ставропольского края.

В анализируемом периоде сократилась доля расходов домашних хозяйств на оплату услуг: с 18,4% в 2000 году до 16,9% в 2009 году. Обычно (**стр. 89**) основной объем спроса на услуги формируют наиболее богатые домохозяйства, в отличие от бедных, преимущественно останавливающихся на потреблении товаров. Выявленные тенденции в распределении расходов домашних хозяйств сопровождалась ростом коэффициента Джини: с 0,340 в 2000 году до 0,386 в 2009 году – и коэффициента фондов: с 9,3 в 2000 году до 12,9 в 2009 году [26 – Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 76, 116.]. Приведенные данные позволяют сделать вывод о дальнейшем усилении поляризации по доходам общества Ставропольского края.

Тем не менее, отмеченный рост среднедушевых доходов населения положительно сказался на жилищных условиях (**табл. 13**).

Таблица 13 - Средняя обеспеченность населения жильем, м² на одного жителя

	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
В городской местности	17,7	19,4	19,3	19,8	20,0	20,5	20,8	21,6
В сельской местности	17,3	17,8	18,8	19,2	19,6	19,9	20,2	20,7

Составлено по данным: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 83.

Позитивным фактором динамики жилищной обеспеченности населения Ставропольского края, является равномерный рост показателей в городской и сельской местности. Но, несмотря на это, обеспеченность жителей региона жильем не достигает средних по России значений: 19,2 м² на человека в 2000 году и 22,4 – в 2009 году [27 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. - С. 216.].

Уровень благоустройства жилищного фонда Ставропольского края в анализируемом периоде также вырос (**табл. 14**). (**Стр. 90**)

Таблица 14 – Благоустройство жилищного фонда в Ставропольском крае, в процентах

	Жилищный фонд, оборудованный						
	водопроводом	канализацией	центральным отоплением	ваннами (душем)	газом	горячим водоснабжением	напольными электроплитами
Весь жилищный фонд							
2000	75,6	67,7	69,2	63,0	90,4	58,5	4,5
2009	79,8	75,2	86,4	67,9	90,5	65,9	4,2
Городской жилищный фонд							
2000	83,1	79,1	83,1	74,4	88,7	71,8	7,7
2009	88,2	85,9	94,8	78,8	88,8	79,2	7,0
Сельский жилищный фонд							
2000	65,9	52,4	50,6	47,7	92,6	40,6	0,1
2009	68,1	60,3	74,6	52,7	92,9	47,4	0,3

Составлено по данным: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 84.

Однако весьма велики различия степени благоустройства жилья в городской и сельской местности. Крайне низкой остается обеспеченность сельских жилых помещений водопроводом, канализацией, ваннами и душем, горячим водоснабжением. Отчасти данный факт объясняется различиями в уровне доходов и снижает привлекательность сельских территорий для проживания, оказывая деструктивное воздействие на сбалансированность социально-экономических пропорций регионального воспроизводства.

Необходимо отметить, что социально-экономические диспропорции регионального воспроизводства Ставропольского края имеют четкую пространственную локализацию, выражаясь в основном в различиях между городской и сельской местностью.

Определяя социальный климат на территории, данные пропорции воспроизводства оказывают непосредственное воздействие на протекающие демографические процессы. В период с 1990 года доля сельского населения в Ставропольском крае сократилась на 6,5%, что явилось следствием складывавшихся тенденций естественного и механического движения населения (табл. 9). В 2009 году доля сельских жителей в населении края (стр. 91) составила 43%, что почти в 2 раза выше среднероссийского показателя [28 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. - С. 62.]. Тем не менее, процессы урбанизации в аграрном регионе угрожают истощением человеческого потенциала сельских территорий.

Данные таблицы подтверждают проекцию на Ставропольский край общероссийских тенденций естественной убыли населения, ведущих к нарушению пропорции между приростом и выбытием трудовых ресурсов. При этом потенциал миграционных потоков, особенно значительный в 90-е годы, также постепенно истощается, что дает основания для неутешительных прогнозов сокращения рабочей силы в экономике Ставропольского края. Однако острота данных проблем различна в городской и сельской местности, характер демографических процессов в которых существенно изменился в анализируемом периоде.

Таблица 15 – Естественное и механическое движение населения
Ставропольского края, промилле

		1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009
В целом по краю	Коэффициент естественного прироста	-2,9	-4,6	-4,4	-4,1	-2,1	-1,2	-1,1
	Коэффициент миграционного прироста	129,3	45,5	15,2	7,2	34,7	20,2	25,1
В городской местности	Коэффициент естественного прироста	-3,5	-4,8	-4	-3,9	-2,1	-1,3	-0,9
	Коэффициент миграционного прироста	168,4	41,1	44,4	34	76	39,8	42,2
В сельской местности	Коэффициент естественного прироста	-2	-4,4	-4,9	-4,2	-2	-1,1	-1,3
	Коэффициент миграционного прироста	84	51,1	-22,2	-27,6	-19,2	-5,5	2,6

Составлено по данным: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 50, 57.

(Стр. 92) В 90-е годы депопуляция активнее происходила в городах, а с 2008 года стало быстрее убывать сельское население. Данная тенденция усугубляется активным миграционным оттоком и в перспективе угрожает деградацией сети мелких сельских поселений Ставропольского края и истощением производительных сил сельской экономики.

Необходимо отметить, что убыль сельских жителей происходит в условиях довольно высокой рождаемости, высокой смертности и миграционного оттока, в то время как рост удельного веса горожан в населении края объясняется более низкой смертностью и миграционным притоком в условиях более низкой рождаемости. Это позволяет говорить о том, что многие демографические проблемы в Ставропольском крае имеют экономическую подоплеку, иллюстрируя воздействие на население складывающихся социально-экономических диспропорций регионального воспроизводства.

Соотношение между трудовыми ресурсами и наличием рабочих мест позволяет говорить о недоиспользовании трудовых ресурсов в региональном производстве, поскольку уровень безработицы в 2009 году составил 8,7%, превысив на 0,9% показатель предыдущего года [29 – Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С.69.]. Растущее предложение на рынке труда снижает цену данного фактора производства, оказывая негативное влияние на уровень и качество жизни населения.

Помимо экономико-демографических пропорций сбалансированность регионального воспроизводства в условиях растущей антропогенной нагрузки на окружающую среду все более детерминируется экономико-экологическими пропорциями.

(Стр. 93) При анализе экономико-экологических пропорций воспроизводства Ставропольского края особое внимание необходимо уделить состоянию природного потенциала сельского хозяйства, как ключевой отрасли специализации данного региона в системе национального разделения труда.

Площадь сельскохозяйственных угодий в Ставропольском крае за период с 1995 года по 2009 год сократилась на 0,4%, что составляет 21200 га [30 – Там же. - С. 39.]. По результатам почвенного обследования, качество пашни за последние годы снизилось по бонитировочной шкале с 52 до 48 баллов [31 – Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края на период до 2020 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа <http://www.stavinvest.ru/?page=Strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-munitsipalnih-rayonov-i-gorodskih-okrugov-Stavropolskogo-kraja-na-period-do-2020-g>]. Усилению процессов почвенной эрозии способствует сокращение масштабов, вплоть до полного прекращения в 2009 году, создания противоэрозионных лесонасаждений на землях сельскохозяйственного назначения (табл. 10). Негативное влияние на воспроизводство экосистем в регионе оказывает весьма значительное снижение объемов лесовосстановления в анализируемом периоде.

Необходимо отметить, что данные тревожные тенденции в Ставропольском крае являются проекцией общероссийских проблем экологической ситуации на сельских территориях. Почти четвертая часть сельскохозяйственных угодий страны, в том числе около 30% пашни, подвержены водной и ветровой эрозии. Ежегодно в России в результате несельскохозяйственной деятельности разрушается около 50 тыс. гектаров земель. Масштабы этих разрушений превышают площадь рекультивируемых земель [32 – Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 30.11.2010 № 2136-р) // Собрание законодательства РФ. - 13.12.2010.-№50.-ст. 6748.]. (Стр. 94)

Таблица 16 – Показатели, характеризующие экономико-экологические пропорции регионального воспроизводства в Ставропольском крае (в % по отношению к 1995 году)

	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Лесовосстановление	105,6	111,5	105,7	100,1	108,1	87,7	64,2	67,7
Создание противоэрозионных лесонасаждений на землях сельскохозяйственного назначения	75,9	71,2	81,9	152,2	76,9	82,5	25,8	0
Количество источников выбросов загрязняющих веществ	93,4	108,8	103,9	133,9	143,4	165,7	172,7	168,7
Выбросы вредных веществ в атмосферу от стационарных источников	95,6	78,2	81,9	79,8	77,4	73,7	81,5	68,3
Объем сброса загрязненных сточных вод	71,9	72,3	72,7	71,7	68,6	66,2	63,1	61,4
Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов	243,9	920,2	1106,4	2328,5	1886,9	3913,5	1188,8	1431,4

Расчитано по данным: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 43-45.

Данные таблицы **16** также обнаруживают тенденцию роста количества источников выбросов загрязняющих веществ в Ставропольском крае, сопровождающуюся, однако, снижением физического объема выбросов в поверхностные воды и атмосферный воздух. Данный факт может быть объяснен ростом инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов

(Стр. 95) Комплексный анализ системы регионального воспроизводства невозможен без рассмотрения финансово-экономических пропорций. Соотношение между внутренними и внешними источниками, обеспечивающими развитие региона, характеризует структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования. В 2009 году за счет собственных средств в Ставропольском крае было осуществлено 31,9% капиталовложений и за счет бюджетных средств – 19% при среднероссийских значениях данных показателей 37,1% и 21,8% соответственно. В том же году объем иностранных инвестиций в экономику края на душу населения составил 36,9 долларов США или 6,4% среднероссийского уровня [33 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 943, 953.]. Приведенные данные позволяют говорить о дефиците внешних по отношению к региону финансовых ресурсов в условиях недостатка внутренних источников инвестиций, что создает условия для суженного воспроизводства основного капитала. Одной из причин низкой активности иностранных инвесторов выступает невысокая инвестиционная привлекательность региона, во многом зависящая от административного регулирования. Как отмечает И. Иванов, «претензии к инвестиционному климату в России в основном носят неэкономический характер и касаются в первую очередь коррупции, административных барьеров, а также некачественного законодательства и проблем с правоприменением» [34 – Иванов И. Россия в международном движении капитала // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 1. – С. 3.].

Удельный вес региональных кредитных организаций составляет около 17%, что значительно ниже порогового уровня, составляющего 50%. Это объясняет отставание темпов роста кредитных вложений от потребностей экономических субъектов кредитных ресурсах в условиях острой необходимости обновления и модернизации производственного оборудования. Зависимость финансовой системы Ставропольского края от внешних по отношению к нему кредитных выводит финансовые структуры региона в оперативное управление со стороны структур, не связанных непосредственно с обеспечением социально-экономического развития края. **(Стр. 96)** Это ставит под угрозу экономическую безопасность края в финансовой сфере [35 – Новикова И., Красников Н. Экономическая конкурентоспособность Ставропольского края // Экономист. - 2009. - № 9. - С. 69.].

Ключевой характеристикой ресурсной обеспеченности выполнения региональных полномочий можно считать сальдо бюджета. Данные таблицы **11** демонстрируют нестабильность динамики данного показателя, что затрудняет реализацию долгосрочных целей региональной политики.

Доля межбюджетных трансфертов в структуре доходов регионального бюджета позволяет судить об объеме налоговых и неналоговых поступлений. **(Стр. 97)** Ее рост в анализируемом периоде приводит к выводу о снижении самостоятельности

регионального бюджета и сужении возможностей перспективного финансового планирования для властей региона.

Структура расходов регионального бюджета позволяет судить о характере регулирующего воздействия органов власти на формирование воспроизводственных пропорций в экономике. Анализ бюджетов Ставропольского края с 2005 по 2009 год иллюстрирует падение удельного веса большинства основных групп расходов на социально-экономическое развитие в общем объеме расходов бюджета. Особенно негативным фактором является сокращение на 26,3% бюджетных ассигнований на экономику. На этом фоне наблюдается довольно значительный рост расходов на социальную политику – 74% в анализируемом периоде. Не умаляя значимости социальной составляющей региональной политики, необходимо отметить, что сложившаяся в Ставропольском крае модель регулирования экономики усугубляет выявленные диспропорции регионального воспроизводства, стимулируя его суженный тип. Как известно, максимальный мультипликативный эффект в социально-экономическом развитии достигается при увеличении расходов на нужды экономики, а опережающий рост финансирования социальной сферы ведет скорее к «проеданию» создаваемого в регионе общественного продукта, сокращая возможности дальнейшего социально-экономического прогресса.

Таким образом, анализ динамики воспроизводственных пропорций экономики Ставропольского края позволил выявить многочисленные нарушения сбалансированности развития региональной экономической системы. Общеэкономические диспропорции воспроизводства, выражающиеся в отставании темпов роста фондовооруженности, производительности труда от среднероссийских значений и сокращении объемов спроса, удовлетворяемого внутрирегиональным предложением, снижают роль Ставропольского края в системе национального разделения труда. Анализ структурных пропорций позволяет говорить о снижении (стр. 98) уровня комплексности развития экономики. Социально-экономические диспропорции обнаруживают усиливающуюся поляризацию по доходам и экономическим возможностям общества Ставропольского края. Это детерминирует репродуктивное и миграционное поведение населения, влияющее, в свою очередь, на размещение производительных сил в крае. Экономико-экологические диспропорции свидетельствуют о росте нагрузки со стороны сельского хозяйства природные экосистемы. Финансово-экономические диспропорции иллюстрируют недостаток внутренних и внешних финансовых ресурсов для воспроизводства региональной экономической системы. Резюмируя, необходимо отметить, что воспроизводственные диспропорции в экономике Ставропольского края детерминируются комплексом как объективных, так и субъективных факторов, в пользу чего свидетельствуют результаты анализа приоритетов бюджетной политики. Экстраполяция сложившихся тенденций в дальнейшем будет способствовать суженному воспроизводству экономики региона. – **фактически дословно на 20 страницах диссертации (стр. 79–98) совпадает с параграфом «2.1. Динамика воспроизводственных пропорций экономики Ставропольского края» диссертации Русиновой О.С. (стр. 59–77), заимствованный фрагмент составляет большую часть параграфа «2.2. Оценка состояния факторов социально-экономического развития Ставропольского края» диссертации Яковлевой С.В. (фрагмент расположен на стр. 79–98, параграф – стр. 77–98), заимствования**

произведены сплошным текстом подряд с сохранением авторского разграничения на абзацы, выводов, вводных слов и выражений («по справедливому замечанию...», «данный вывод подтверждается», «таким образом» и др.), заимствуются одинаковые по расположению и включению в текст ссылки на цитируемые источники, полностью совпадают по названию, содержанию, подборке показателей, временному периоду данных восемь статистических таблиц с 10 по 17 и оформление и информация на рис. 4. (иллюстрация динамики видов экономической деятельности) диссертации Яковлевой С.В.; текст диссертации Русиновой О.С., стр. 59–77: «(Стр. 59) Регион как воспроизводственная система характеризуется определенными социально-экономическими пропорциями, отражающими взаимосвязи между ее элементами. В статике данные пропорции позволяют судить о структурной сбалансированности социально-экономической системы региона, а в динамике – предопределяют перспективы ее развития.

Неравномерность развития является важнейшей характерной чертой любой экономической системы и выступает объективной основой для возникновения различного рода воспроизводственных диспропорций, сдерживающих дальнейший социально-экономический прогресс. К числу объективных факторов воспроизводственных диспропорций можно отнести различия в органическом строении капитала в разных отраслях, территориальные различия в обеспеченности факторами производства, циклические колебания в экономике, изменения в соотношении спроса и предложения. Можно выделить и субъективные факторы, среди которых в первую очередь необходимо упомянуть просчеты в экономической политике различных уровней власти и управления [45 – Павлов К. Управление экономикой на основе учета воспроизводственных диспропорций // Проблемы теории и практики управления. - 2003. - № 3. - С. 40-41.].

По справедливому замечанию И.Н. Олейниковой, воспроизводственные пропорции, представляя собой определенные количественные и качественные соотношения между различными показателями в процессе общественного воспроизводства, во взаимосвязи образуют единую систему, которая включает [46 – См.: Олейникова И.Н. Воспроизводственный процесс в системе региональной экономики инновационная составляющая и механизм управления (структурный аспект). Ростов н/Д: Терра, 2004. - С. 234-235; Киселева Н.Н. Устойчивое развитие социально-экономической системы региона: методология исследования, модели, управление. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. - С. 90-91.]: (стр. 60)

1. Общеэкономические пропорции, характеризующие качество воспроизводственных процессов в целом и роль региона в национальной экономике. К ним относятся пропорции между спросом и предложением, потреблением и накоплением, живым и овеществленным трудом, затратами и результатами общественного труда, производственной и непроизводственной сферами, а также пропорции, позволяющие охарактеризовать место региона в народном хозяйстве страны, его-отраслях и секторах.

2. Структурные пропорции, отражающие соотношение между различными элементами системы, регионального воспроизводства, которые обеспечивают ее участие в территориальном разделении труда: Данные пропорции являются материально-вещественной характеристикой уровня, комплексности развития

региональной экономики и представлены, прежде всего, межотраслевыми и внутриотраслевыми пропорциями, а также пропорциями, между отраслевой структурой региона и общественными потребностями.

3. Социально-экономические пропорции, преимущественно характеризующие эффективность распределительных процессов, определяющих уровень и качество жизни населения. Данную группу составляют пропорции между платежеспособным спросом и насыщением регионального потребительского рынка товарами и услугами, между численностью населения и развитием жилищного комплекса, между жилищным комплексом и комплексом коммунально-бытового обслуживания, между численностью населения и развитием отраслей социальной инфраструктуры.

4. Экономико-демографические пропорции, отражающие взаимозависимость демографического- и экономического потенциалов регионального воспроизводства и обуславливающие характер миграционных процессов. Данные пропорции включают соотношения между приростом и выбытием трудовых ресурсов, между трудовыми ресурсами и наличием рабочих мест, между городским и сельским населением. (Стр. 61)

5. Экономико-экологические пропорции, характеризующие соотношение между емкостью природной среды и уровнем социально-экономического развития региона. Они выражаются в соотношении между сырьевым потенциалом и возможностями его использования в производстве, между развитием производства и уровнем природоохранной деятельности, между эксплуатацией и воспроизводством природных ресурсов.

6. Финансово-экономические пропорции, связанные с кругооборотом материальных и финансово-денежных ресурсов и лежащие в основе управления региональной экономикой вследствие своей важной роли в обеспечении связей между участниками регионального воспроизводства. К данной группе можно отнести пропорции между произведенной чистой продукцией и использованным на территории региона национальным доходом; бюджетом региона и ресурсами, необходимыми для обеспечения функций региональных органов власти; долями, налогов и платежей, поступающих в федеральный, и региональный бюджеты; внутренними и внешними источниками, обеспечивающими развитие региона.

В числе важнейших общеэкономических пропорций регионального воспроизводства необходимо выделить соотношение внутрорегионального спроса и предложения, а также фондов накопления и фондов потребления. Данные таблицы 8 свидетельствуют о росте объемов спроса, который не удовлетворяется за счет производимых в регионе товаров и услуг. За девять лет разрыв между спросом и предложением увеличился на 15%.

Необходимо отметить также рост объемов потребления по отношению к накоплению. Так, в 2000 году фактическое конечное потребление домашних хозяйств и валовое накопление основного капитала в Ставропольском крае соотносились как 74 и 26%, а в 2008 – 81 и 19% [47 – Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. - С. 376, 377, 382.]. Данные пропорции свидетельствуют о росте потребления в ущерб накоплению. Безусловно, необходимость реализации общественного (стр. 62) продукта является важнейшей детерминантой расширенного воспроизводства, однако чрезмерное увеличение фонда потребления приводит к тому, что в региональном богатстве

закрепляется недостаточная часть валового регионального продукта текущего периода [48 – См.: Угурчиев О.Б., Аджигов М.Т. Воспроизводственный процесс и экономическое развитие // Региональная экономика: теория и практика. - 2009. - № 39 (132). - С. 4-5.].

Таблица 8 - Динамика некоторых общеэкономических воспроизводственных пропорций Ставропольского края, в процентах

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Доля спроса удовлетворяемого внутрикраевым предложением	83	87	81	84	79	74	74	72	71	...
Доля края в суммарном ВРП регионов России	0,93	0,95	0,92	0,94	0,88	0,81	0,81	0,79	0,81	0,87
Доля края в общероссийском объеме производства сельскохозяйственной продукции	2,61	2,67	2,75	2,86	3,31	3,22	3,22	3,58	3,10	2,69

Расчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. - С. 359, 376, 377, 382, 526; данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] - Режим доступа <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/account/#>

Выявленные общеэкономические- диспропорции отчасти объясняют неустойчивую динамику доли ВРП Ставропольского края в суммарном ВРП регионов России. Достигнув минимума в 2007 году, она демонстрирует небольшой рост, однако пока нет достаточных оснований считать наметившуюся положительную динамику сложившейся тенденцией. В 2009 году по сравнению с 2000 годом доля ВРП Ставропольского края в суммарном ВРП регионов России сократилась на 6,5 %.

Динамика доли Ставропольского края в общероссийском объеме производства сельскохозяйственной продукции отличается нестабильностью: достигнув максимума в 2007 году, к 2009 она возвращается к уровню 2001 года.

(Стр. 63) Темпы роста показателя фондовооруженности, характеризующего соотношение живого и овеществленного труда в регионе, в анализируемом периоде отстают от среднероссийских (табл. 9).

Таблица 9 – Показатели фондовооруженности и производительности труда в Ставропольском крае и Российской Федерации, скорректированные с учетом дефляторов ВВП и ВРП соответственно, тыс. руб. на одного занятого в экономике

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Фондовооруженность в экономике Российской Федерации	197	284	347	429	437	521	614	780	922	1202
Производительность труда в экономике Российской Федерации	65	95	115	143	175	226	291	361	420	467
Фондовооруженность в экономике Ставропольского края	157	221	268	275	318	366	388	431	521	635
Производительность труда в экономике Ставропольского края	38	54	67	75	98	114	136	158	196	220

Расчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. - С. 102, 385, 359; Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 115; данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] - Режим доступа <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/account/#>

Согласно данным таблицы 9, в целом в России с 2000 по 2009 год фондовооруженность с учетом дефлятора ВВП возросла более чем в 6 раз, в Ставропольском крае с учетом дефлятора ВРП – в 4 раза.

(Стр. 64) Положение усугубляется изначальным отставанием Ставропольского края по стоимости основных фондов на одного занятого в экономике. В 2000 году показатель фондовооруженности в Ставропольском крае составил 79,7% среднероссийского уровня, а в 2009 году под влиянием более медленных темпов роста – 52,8%, снизившись в анализируемом периоде на 33,8%.

На этом фоне выглядит закономерным отставание Ставропольского края по темпам роста производительности труда: в анализируемом периоде среднероссийское значение данного показателя с учетом дефлятора ВВП увеличилось более чем в 7 раз, а среднекраевое с учетом дефлятора ВРП – почти в 6 раз. Это привело к снижению производительности труда по сравнению со среднероссийским значением на 18,7% в рассматриваемом периоде. Ситуация усложняется значительным отставанием Ставропольского края по абсолютному показателю производительности труда: в 2000 году он составил 58%, в 2009 – 47,2% среднего по стране значения. Выявленные тенденции заставляют делать вывод о росте вклада живого труда в ВРП Ставропольского края, в том числе и за счет увеличения нагрузки на занятых в экономике.

Динамика соотношения производственной и непроизводственной сфер в экономике Ставропольского края: в анализируемом периоде характеризовалась увеличением вклада отраслей третичного сектора в ВРП. Отчасти данные тенденции объясняются: деиндустриализацией экономики в сравнении со среднероссийскими показателями, подтверждаемой отмеченным отставанием темпов роста фондовооруженности. Так, удельный вес оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, а также образования в ВРП Ставропольского края в период с 2004 по 2009 год увеличился на 21%; гостиниц и ресторанов – 55%; операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг, а также здравоохранения и предоставления социальных услуг – на 32%. Рекордными темпами росли **(стр. 65)** объемы услуг, связанных с государственным управлением, обеспечением военной безопасности и обязательным социальным обеспечением: на 105% в период с 2004 по 2009 год [49 – Рассчитано по. Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 116.]. Повышение удельного веса сферы услуг связано с опережающим ростом цен на услуги по сравнению с ценами на товары, а также быстрым развитием финансовых и других посреднических услуг, характерных для рыночной экономики [50 – Киселева Н. Н. Устойчивое развитие социально-экономической системы региона: методология исследования, модели, управление. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. - С. 93.].

Общеэкономические пропорции находятся в тесной взаимосвязи со структурными пропорциями регионального воспроизводства. При исследовании структурных пропорций важен анализ динамики укрупненных промышленных видов деятельности в экономике региона: добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды (рис. 5).

Рисунок 5 – Динамика индексов производства по видам экономической деятельности (в % по отношению к уровню 1991 года)

Составлено по: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 137, 138.

Согласно данным диаграммы, устойчивые темпы роста в Ставропольском крае демонстрируют лишь обрабатывающие производства, экономические результаты которых в 2009 году почти достигли уровня 1991 (стр. 66) года. Динамика добычи полезных ископаемых отличается нестабильностью и сопровождается снижением доли сырой нефти и природного газа в пользу прочих полезных ископаемых. Снижение объемов производства и распределения электроэнергии, газа и воды происходит за счет сокращения производства и распределения газообразного топлива, объемы которого уменьшились с 2004 по 2009 год на 75% [51 – Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю – Ставрополь, 2010 - С. 134]. Падение производства в отраслях промышленной инфраструктуры на фоне медленных темпов роста фондовооруженности едва ли может объясняться распространением энергосберегающих технологий и червато сдерживанием развития обрабатывающих отраслей.

При изучении структурных пропорций регионального воспроизводства необходим анализ структуры обрабатывающих производств. Основными отраслями в структуре обрабатывающих производств Ставропольского края являются пищевая и химическая промышленность, составляя по итогам 2009 года 35,5 и 33,4% общего объема выпуска по данному виду экономической деятельности [52 – Там же. - С 134.].

Трансформационный кризис 90-х годов оказал существенное воздействие на структуру промышленности Ставропольского края. Результаты 1991 года здесь были почти достигнуты в 2009 году, но уже с совершенно другим качественным составом отраслей.

Согласно данным таблицы 10, за анализируемые 18 лет существенно снизилась степень диверсификации краевой обрабатывающей промышленности, которая по сути стала двуотраслевой. При этом значительная доля химической промышленности во многом объясняется упадком отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию. (Стр. 67)

Таблица 10 – Изменение отраслевой структуры обрабатывающих производств в экономике Ставропольского края в 2009 году по сравнению с 1991 годом

Отрасли, доля которых увеличилась	Индекс производства по отношению к 1991 году, %	Отрасли, доля которых уменьшилась	Индекс производства по отношению к 1991 году, %
Химическое производство	134,0	Текстильное и швейное производство	51,7
		Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	10,1
Производство резиновых и пластмассовых изделий	266,0	Обработка древесины и производство изделий из дерева	8,0
		Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	42,6
		Производство транспортных средств и оборудования	22,6

Составлено по данным: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 137, 138.

Данный вывод подтверждается, расчетом коэффициентов душевого производства для некоторых отраслей экономики края. Его значение по данным 2009 года для сельского хозяйства составило 1,4, для пищевой промышленности – 0,7, для легкой – 0,8, для химической – 1,9. Таким образом, Ставропольский край, будучи аграрным регионом, не специализируется на производстве продукции переработки сельскохозяйственного сырья.

Негативным явлением стало также снижение в анализируемом периоде доли машиностроения в структуре обрабатывающих производств, нарушающее пропорции между производством средств производства и предметов потребления в изучаемой территориальной экономической системе.

(Стр. 68) В числе важнейших социально-экономических пропорций регионального воспроизводства следует выделить соотношение платежеспособного спроса и предложения товаров и услуг на региональном потребительском рынке. Платежеспособный спрос определяется уровнем среднедушевых доходов, которые возросли с 2000 по 2009 год с 61,6% до 68% среднероссийского уровня. Это способствовало снижению доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума с 45,2% в 2000 году до 19,3% в 2009 году, что, однако, по-прежнему превышает среднероссийский показатель равный 13,2% [53 – Регионы России Социально-экономические показатели. 2010 Стат сб / Росстат – М., 2010. - С. 164, 184.].

В структуре расходов на фактическое конечное потребление росла доля расходов домашних хозяйств на покупку товаров на фоне сокращения поступлений товаров и услуг в натуральной форме: с 58,8 и 12,4% в 2000 году до 63,6 и 5,4% соответственно. Приведенные данные свидетельствуют об увеличении платежеспособного спроса, компенсируемого предложением на потребительском рынке Ставропольского края.

В анализируемом периоде сократилась доля расходов домашних хозяйств на оплату услуг: с 18,4% в 2000 году до 16,9% в 2009 году. Обычно основной объем спроса на услуги формируют наиболее богатые домохозяйства, в отличие от бедных, преимущественно останавливающихся на потреблении товаров. Выявленные тенденции в распределении расходов домашних хозяйств сопровождалась ростом коэффициента Джини: с 0,340 в 2000 году до 0,386 в 2009 году – и коэффициента

фондов: с 9,3 в 2000 году до 12,9 в 2009 году [54 – Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010 – С 76, 116.]. Приведенные данные позволяют сделать вывод о дальнейшем усилении поляризации по доходам общества Ставропольского края.

Тем не менее, отмеченный рост среднедушевых доходов населения положительно сказался на жилищных условиях (табл. 11). (Стр. 69)

Таблица 11 - Средняя обеспеченность населения жильем, м² на одного жителя

	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
В городской местности	17,7	19,4	19,3	19,8	20,0	20,5	20,8	21,6
В сельской местности	17,3	17,8	18,8	19,2	19,6	19,9	20,2	20,7

Составлено по данным: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 83.

Позитивным фактором динамики жилищной обеспеченности населения Ставропольского края, является равномерный рост показателей в городской и сельской местности. Но, несмотря на это, обеспеченность жителей региона жильем не достигает средних по России значений: 19,2 м на человека в 2000 году и 22,4 – в 2009 году [55 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. - С. 216.].

Уровень благоустройства жилищного фонда Ставропольского края в анализируемом периоде также вырос (табл. 12).

Таблица 12 – Благоустройство жилищного фонда в Ставропольском крае, в процентах

	Жилищный фонд, оборудованный						
	водопроводом	канализацией	центральным отоплением	ваннами (душем)	газом	горячим водоснабжением	напольными электроплитами
Весь жилищный фонд							
2000	75,6	67,7	69,2	63,0	90,4	58,5	4,5
2009	79,8	75,2	86,4	67,9	90,5	65,9	4,2
Городской жилищный фонд							
2000	83,1	79,1	83,1	74,4	88,7	71,8	7,7
2009	88,2	85,9	94,8	78,8	88,8	79,2	7,0
Сельский жилищный фонд							
2000	65,9	52,4	50,6	47,7	92,6	40,6	0,1
2009	68,1	60,3	74,6	52,7	92,9	47,4	0,3

Составлено по данным: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 84.

Однако весьма велики различия степени благоустройства жилья в городской и сельской местности. Крайне низкой остается обеспеченность (стр. 70) сельских жилых помещений водопроводом, канализацией, ваннами и душем, горячим водоснабжением. Отчасти данный факт объясняется различиями в уровне доходов и снижает привлекательность сельских территорий для проживания, оказывая деструктивное воздействие на сбалансированность социально-экономических пропорций регионального воспроизводства.

Необходимо отметить, что социально-экономические диспропорции регионального воспроизводства Ставропольского края имеют четкую пространственную локализацию, выражаясь в основном в различиях между городской и сельской местностью.

Определяя социальный климат на территории, данные пропорции воспроизводства оказывают непосредственное воздействие на протекающие демографические процессы. В период с 1990 года доля сельского населения в Ставропольском крае сократилась на 6,5%, что явилось следствием складывавшихся тенденций естественного и механического движения населения (табл. 13). В 2009 году доля сельских жителей в населении края составила 43%, что почти в 2 раза выше среднероссийского показателя [56 – Регионы России Социально-экономические показатели 2010 Стат сб. / Росстат. – М, 2010. - С 62]. Тем не менее, процессы урбанизации в аграрном регионе угрожают истощением человеческого потенциала сельских территорий.

Данные таблицы 13 подтверждают проекцию на Ставропольский край общероссийских тенденций естественной убыли населения, ведущих к нарушению пропорции между приростом и выбытием трудовых ресурсов. При этом потенциал миграционных потоков, особенно значительный в 90-е годы, также постепенно истощается, что дает основания для неутешительных прогнозов сокращения рабочей силы в экономике Ставропольского края. Однако острота данных проблем различна в городской и сельской местности, характер демографических процессов в которых существенно изменился в анализируемом периоде. (Стр. 71)

Таблица 13 – Естественное и механическое движение населения

Ставропольского края, промилле

		1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009
В целом по краю	Коэффициент естественного прироста	-2,9	-4,6	-4,4	-4,1	-2,1	-1,2	-1,1
	Коэффициент миграционного прироста	129,3	45,5	15,2	7,2	34,7	20,2	25,1
В городской местности	Коэффициент естественного прироста	-3,5	-4,8	-4	-3,9	-2,1	-1,3	-0,9
	Коэффициент миграционного прироста	168,4	41,1	44,4	34	76	39,8	42,2
В сельской местности	Коэффициент естественного прироста	-2	-4,4	-4,9	-4,2	-2	-1,1	-1,3
	Коэффициент миграционного прироста	84	51,1	-22,2	-27,6	-19,2	-5,5	2,6

Составлено по данным: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 50, 57.

В 90-е годы депопуляция, активнее происходила в городах, а с 2008 года стало быстрее убывать сельское население. Данная тенденция усугубляется активным миграционным оттоком и в перспективе угрожает деградацией сети мелких сельских, поселений Ставропольского края и истощением производительных сил сельской экономики.

Необходимо отметить, что убыль сельских жителей происходит в условиях довольно высокой рождаемости, высокой смертности и миграционного оттока, в то время как рост удельного веса горожан в населении края объясняется более низкой смертностью и миграционным притоком в условиях более низкой рождаемости. Это позволяет говорить о том, что многие демографические проблемы в Ставропольском крае имеют экономическую подоплеку, иллюстрируя воздействие на население

складывающихся социально-экономических диспропорций регионального воспроизводства.

Соотношение между трудовыми ресурсами и наличием рабочих мест позволяет говорить о недоиспользовании трудовых ресурсов в региональном (стр. 72) производстве, поскольку уровень безработицы в 2009 году составил 8,7%, превысив на 0,9% показатель предыдущего года [57 – Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С.69.]. Растущее предложение на рынке труда снижает цену данного фактора производства, оказывая негативное влияние на уровень и качество жизни населения.

Помимо экономико-демографических пропорций сбалансированность регионального воспроизводства в условиях растущей антропогенной нагрузки на окружающую среду все более детерминируется экономико-экологическими пропорциями.

При анализе экономико-экологических пропорций воспроизводства Ставропольского края особое внимание необходимо уделить состоянию природного потенциала сельского хозяйства, как ключевой отрасли специализации данного региона в системе национального разделения труда.

Площадь сельскохозяйственных угодий в Ставропольском крае за период с 1995 года по 2009 год сократилась на 0,4%, что составляет 21200 га [58 – Там же. - С. 39.]. По результатам почвенного обследования, качество пашни за последние годы снизилось по бонитировочной шкале с 52 до 48 баллов [59 – Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края на период до 2020 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа <http://www.stavinvest.ru/?page=Strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-munitsipalnih-rayonov-i-gorodskih-okrugov-Stavropolskogo-kraua-na-period-do-2020-g>]. Усилению процессов почвенной эрозии способствует сокращение масштабов, вплоть до полного прекращения в 2009 году, создания противозерозионных лесонасаждений на землях сельскохозяйственного назначения (табл. 14). Негативное влияние на воспроизводство экосистем в регионе оказывает весьма значительное снижение объемов лесовосстановления в анализируемом периоде.

Необходимо отметить, что данные тревожные тенденции в Ставропольском крае являются проекцией общероссийских проблем экологической ситуации на сельских территориях. Почти, четвертая часть сельскохозяйственных угодий страны, в том числе около 30% пашни, подвержены водной и ветровой эрозии. Ежегодно в России в результате (стр. 73) несельскохозяйственной деятельности разрушается около 50 тыс. гектаров земель. Масштабы этих разрушений превышают площадь рекультивируемых земель [60 – Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 30.11.2010 № 2136-р) // Собрание законодательства РФ. - 13.12.2010. - № 50. - ст. 6748.].

Таблица 14 – Показатели, характеризующие экономико-экологические пропорции регионального воспроизводства в Ставропольском крае
(в % по отношению к 1995 году)

	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Лесовосстановление	105,6	111,5	105,7	100,1	108,1	87,7	64,2	67,7
Создание противозерозионных лесонасаждений на землях сельскохозяйственного назначения	75,9	71,2	81,9	152,2	76,9	82,5	25,8	0
Количество источников выбросов загрязняющих веществ	93,4	108,8	103,9	133,9	143,4	165,7	172,7	168,7
Выбросы вредных веществ в атмосферу от стационарных источников	95,6	78,2	81,9	79,8	77,4	73,7	81,5	68,3
Объем сброса загрязненных сточных вод	71,9	72,3	72,7	71,7	68,6	66,2	63,1	61,4
Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов	243,9	920,2	1106,4	2328,5	1886,9	3913,5	1188,8	1431,4

Рассчитано по данным: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 43-45.

Данные таблицы 14 также обнаруживают тенденцию роста количества источников выбросов загрязняющих, веществ в Ставропольском крае, сопровождающуюся, однако, снижением физического объема выбросов в поверхностные воды и атмосферный воздух. Данный факт может быть (стр. 74) объяснен ростом инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.

Комплексный анализ системы регионального воспроизводства невозможен без рассмотрения финансово-экономических пропорций. Соотношение между внутренними и внешними источниками, обеспечивающими развитие региона, характеризует структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования. В 2009 году за счет собственных средств в Ставропольском крае было осуществлено 31,9% капиталовложений и за счет бюджетных средств – 19% при среднероссийских значениях данных показателей 37,1% и 21,8% соответственно. В том же году объем иностранных инвестиций в экономику края на душу населения составил 36,9 долларов США или 6,4% среднероссийского уровня [61 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. - С. 943, 953]. Приведенные данные позволяют говорить о дефиците внешних по отношению к региону финансовых ресурсов в условиях недостатка внутренних источников инвестиций, что создает условия для суженного воспроизводства основного капитала. Одной из причин низкой активности иностранных инвесторов выступает невысокая инвестиционная привлекательность региона, во многом зависящая от административного регулирования. Как отмечает И. Иванов, «претензии к инвестиционному климату в России в основном носят неэкономический характер и касаются в первую очередь коррупции, административных барьеров, а также некачественного законодательства и проблем с правоприменением» [62 –

Иванов И. Россия в международном движении капитала // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. - № 1. – С. 3.].

Удельный вес региональных кредитных организаций составляет около 17%, что значительно ниже порогового уровня, составляющего 50%. Это объясняет отставание темпов роста кредитных вложений от потребностей экономических субъектов кредитных ресурсах в условиях острой необходимости обновления и модернизации производственного (стр. 75) оборудования. Зависимость финансовой системы Ставропольского края от внешних по отношению к нему кредитных выводит финансовые структуры региона в оперативное управление со стороны структур, не связанных непосредственно с обеспечением социально-экономического развития края. Это ставит под угрозу экономическую безопасность края в финансовой сфере [63 – Новикова И., Красников Н. Экономическая конкурентоспособность Ставропольского края // Экономист. - 2009. - № 9. - С. 69.].

Ключевой характеристикой ресурсной обеспеченности выполнения региональных полномочий можно считать сальдо бюджета. Данные таблицы 15 демонстрируют нестабильность динамики данного показателя, что затрудняет реализацию долгосрочных целей региональной политики.

Таблица 15 – Характеристики бюджета Ставропольского края

	2005	2006	2007	2008	2009
Доля безвозмездных поступлений в доходах регионального бюджета, %	35,7	30,4	33,2	34,6	37,8
Сальдо бюджета, млн. руб.	-291,0	1234,2	1617,0	1606,8	-6790,9
Доля расходов на национальную экономику в общем объеме расходов регионального бюджета, %	17,9	14,6	14,6	13,6	13,2
Доля расходов на жилищно-коммунальное хозяйство в общем объеме расходов регионального бюджета, %	13,3	8,7	10,1	11,5	9,3
Доля расходов на охрану окружающей среды в общем объеме расходов регионального бюджета, %	0,4	0,7	0,3	0,3	0,2
Доля расходов на образование в общем объеме расходов регионального бюджета, %	24,2	26,3	26,0	25,3	25,1
Доля расходов на здравоохранение и спорт в общем объеме расходов регионального бюджета, %	15,4	17,0	16,4	12,7	11,5
Доля расходов на социальную политику в общем объеме расходов регионального бюджета, %	11,9	14,5	15,2	16,3	20,7

Рассчитано по данным: Ставропольский край в цифрах, 2010. Статистический ежегодник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь, 2010. - С. 236, 237.

Доля межбюджетных трансфертов в структуре доходов регионального бюджета позволяет судить об объеме налоговых и неналоговых поступлений. Ее рост в анализируемом периоде приводит к выводу о снижении (стр. 76) самостоятельности регионального бюджета и сужении возможностей перспективного финансового планирования для властей региона.

Структура расходов регионального бюджета позволяет судить о характере регулирующего воздействия органов власти на формирование воспроизводственных пропорций в экономике. Анализ бюджетов Ставропольского края с 2005 по 2009 год иллюстрирует падение удельного веса большинства основных групп расходов на социально-экономическое развитие в общем объеме расходов бюджета. Особенно негативным фактором является сокращение на 26,3% бюджетных ассигнований на экономику. На этом фоне наблюдается довольно значительный рост расходов на социальную политику – 74% в анализируемом периоде. Не умаляя значимости

социальной составляющей региональной политики, необходимо отметить, что сложившаяся в Ставропольском крае модель регулирования экономики усугубляет выявленные диспропорции регионального воспроизводства, стимулируя его суженный тип. Как известно, максимальный мультипликативный эффект в социально-экономическом развитии достигается при увеличении расходов на нужды экономики, а опережающий рост финансирования социальной сферы ведет скорее к «проеданию» создаваемого в регионе общественного продукта, сокращая возможности дальнейшего социально-экономического прогресса.

Таким образом, анализ динамики воспроизводственных пропорций экономики Ставропольского края позволил выявить многочисленные нарушения сбалансированности развития региональной экономической системы. Общеэкономические диспропорции воспроизводства, выражающиеся в отставании темпов роста фондовооруженности, производительности труда от среднероссийских значений и сокращении объемов спроса, удовлетворяемого внутрирегиональным предложением, снижают роль Ставропольского края в системе национального разделения труда. Анализ структурных пропорций позволяет говорить о снижении уровня комплексности развития экономики. Социально-экономические (стр. 77) диспропорции обнаруживают усиливающуюся поляризацию по доходам и экономическим возможностям общества Ставропольского края. Это детерминирует репродуктивное и миграционное поведение населения, влияющее, в свою очередь, на размещение производительных сил в крае. Экономико-экологические диспропорции свидетельствуют о росте нагрузки со стороны сельского хозяйства природные экосистемы. Финансово-экономические диспропорции иллюстрируют недостаток внутренних и внешних финансовых ресурсов для воспроизводства региональной экономической системы. Резюмируя, необходимо отметить, что воспроизводственные диспропорции в экономике Ставропольского края детерминируются комплексом как объективных, так и субъективных факторов, в пользу чего свидетельствуют результаты анализа приоритетов бюджетной политики. Экстраполяция сложившихся тенденций в дальнейшем будет способствовать суженному воспроизводству экономики региона.»

5. Сравнение текста диссертации Яковлевой С.В. на тему «Управление социально-экономическим потенциалом региона» с текстом диссертации Белякова Д.Е. на тему «Развитие социально-экономического потенциала регионов в условиях рыночной экономики». В тексте диссертации Яковлевой С.В. ссылки на работы Белякова Д.Е. отсутствуют.

Фрагмент текста диссертации Яковлевой С.В., стр. 15–18: «(Стр. 15) Под экономическим или социально-экономическим потенциалом* (СЭП) в экономической науке обычно понимается суммарная характеристика ресурсных возможностей в той или иной области хозяйствования. В Статистическом словаре (М.,1965, с.446) понятие "экономический потенциал" определяется следующим образом: "под экономическим потенциалом понимается совокупная возможность народного хозяйства в целом и отдельного экономического района государства создавать определенное количество потребительских стоимостей при данном уровне развития производительных сил общества и эффективности их использования". БСЭ (изд. 3., т.29 с.627) определяет экономический потенциал как совокупную

"способность отраслей народного хозяйства производить промышленную и сельскохозяйственную продукцию, осуществлять капитальное строительство. Примечание: в разных источниках речь идет об "экономическом" или о "социально-экономическом" потенциале, хотя границы между этими терминами оказываются довольно размытыми. В данной работе в дальнейшем будет употребляться термин "социально-экономический потенциал", сокращенно - СЭП перевозку грузов, оказывать услуги населению в определенный исторический момент" Э.Б.Алаев [11 – Алаев Э.Б. *Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь*. - М.: Мысль, 1983.] в понятийно-терминологическом словаре по экономической географии определяет потенциал территории как "отношение между фактической и предельной (предельно допустимой) плотностями при изменяющихся условиях (с учетом дополнительных затрат, организационных мероприятий, открытия новых ресурсов, технического прогресса и т.д.); образно говоря, потенциал-это возможность, реализация которой требует нестандартного подхода, дополнительного условия. Синоним: «потенциальная емкость территории» (8, – Авдашева СБ. *Конкуренция и монополярная власть в экономике России: логика переходного процесса // Интернет-конференция «Поиск эффективных институтов для России XXI века»*. - 2003. - URL: <http://ecsocman.hse.ru/iconf/16214588/discussion.html> с. 78-79).

(Стр. 16) В советской экономической науке понятие потенциала широко начало использоваться с конца 60-х-начала 70-х годов. Ряд авторов считает, что само введение понятия СЭП обусловлено, с одной стороны, сознанием исчерпания ресурсов для экстенсивного экономического роста, с другой - стремлением ввести в действие дополнительные резервы и стимулы, заложенные в структуре системы или деятельности, но не реализованные на практике. СЭП рассматривается как совокупность социально-экономических факторов, источников, стимулов, форм роста эффективности использования производительных сил. Поэтому реализация СЭП выступает как дополнительный источник ресурсов. Обычно СЭП сводился к более узким вопросам, характеризующим отраслевые или иные пропорции воспроизводства или их функциональные взаимоотношения. Часто СЭП приравнивался к национальному богатству (материальное богатство плюс природные ресурсы). Вот несколько определений СЭП:

Таблица 1 - Анализ советской экономической науки в исследовании термина «социально-экономический потенциал»

Акбердин Р.З. (Стержень экономики, М., 1979,с.32).	максимально возможный выпуск объемов производства важнейших видов продукции
Белоусов Р.А. Рост экономического потенциала, М., 1972, с.3	способность хозяйственной системы осваивать, перерабатывать национальное богатство для удовлетворения общественных потребностей
Габ Б.И. Потенциал и потенциальный результат промышленного производства", Киев, 1990	Потенциал... можно представить., как средства производства и людей, приводящих их в действие, для создания национального дохода
Самоукин А.И. Методология статистического изучения социально-экономического потенциала, М., 1986, с.7	Потенциал характеризуется совокупностью ресурсов... как вовлеченных в народное хозяйство, так и не использующихся в данный момент времени по каким-либо причинам" (Самоукин АМ. О содержании понятия потенциала общества

(Стр. 17) В целом можно сказать, что в состав понятия "экономический потенциал" в советской экономической литературе включались факторы производства (природно-климатические ресурсы, основные фонды, трудовые ресурсы) в их количественной и качественной оценке. В советской плановой системе задача соединения этих факторов рассматривалась преимущественно как организационно-технологическая. Отмечалось лишь, что экономическая оценка факторов производства зачастую представляет собой методологически сложную задачу. Однако уже в 70-е годы пришло понимание, что само по себе материальное богатство, природные ресурсы и характеристики рабочей силы, то есть ресурсные характеристики, не могут полноценно характеризовать возможности развития экономики и что необходим более системный подход. Важнейшим фактором помимо оценки отдельных ресурсов, является "качество" самой системы, их объединяющей. Так, А.А.Задоя [48 – Задоя А.А. Народнохозяйственный потенциал и интенсивность воспроизводства. Киев, 1986.] справедливо замечал, что при оценке экономического потенциал основной упор делается на производительные силы, оставляя в стороне производственные отношения. В его трактовке народнохозяйственный потенциал включал и организационный аспект. М.Н.Миндорашвили [81 – Миндорашвили М.И. Методика статистического анализа промышленного потенциала региона: Автореф. Дисс. К.э.н. *Душанбе*, 1988.] включил в структуру СЭП также потенциал воспроизводства обществом определенного образа жизни, что оказывало влияние на структуру потребления и на производство.

В определениях потенциала в отечественной литературе советского периода, несомненно, нашли отражение традиционная ориентация на максимизацию выпуска и, соответственно, на полное задействование всех имеющихся ресурсов. При этом подразумевалось, что целью является "максимальное удовлетворение потребностей граждан в соответствии с законами социалистического воспроизводства". В макроэкономической теории под экономическим потенциалом понимается объем производства при полной занятости ресурсов. Эмпирический опыт показывает, однако, что полная занятость ресурсов подразумевает в то же время поддержание доли незагруженных производственных мощностей на уровне 10-20% от их (стр. 18) общего объема и естественного уровня безработицы в размере 5,5-6,5% от общей численности рабочей силы. Эти показатели могут варьироваться по различным странам, но во всех случаях полная занятость ресурсов исключает их стопроцентное использование (Х,с.44). Таким образом под экономическим потенциалом понимается не максимальный выпуск, а такие его масштабы, которые могли бы устойчиво поддерживаться при сохранении равновесия на всех рынках. "Потенциальный выпуск - это не максимальный выпуск, на который предположительно способна экономика: если бы нас заставили работать 18 часов в сутки, мы, несомненно, могли бы произвести больше. Скорее, это такой уровень выпуска, который мог бы поддерживаться, если бы каждый рынок в экономике находился в состоянии долгосрочного равновесия" (D.Begg, R.Dornbush, Economics, 1991; цит. по: 110 – **Фетисов Г.Г., Орешин В.П. Региональная экономика и управления. - М.: Инфра-М, 2006.**)» – фактически дословное заимствование текста из диссертации **Белякова Е.Д.** на 4 страницах с сохранением авторского разграничения на абзацы, стилистическими выражениями, незначительным количеством перефразированных выражений, при анализе источников соискатель заменяет

текстовое описание табличной формой с сохранением резюме по каждой публикации источника заимствования, наблюдается замена авторов в заимствованных предложениях, так ссылка на синоним «потенциальная емкость территории» дана в диссертации Белякова Е.Д. на работу Алаева Э.Б., «Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь», с. 78–79, а соискатель заменяет на работу Авдашевой С.Б. «Конкуренция и монополия в экономике России: логика переходного процесса», с. 78–79 (проверить соответствие публикации тексту невозможно – некорректная интернет-ссылка, а в РИНЦ статья не проиндексирована), аналогичная замена наблюдается по поводу зарубежного учебника «D. Begg, R. Dombush Economics», который в диссертации Белякова Е.Д. цитируется по статье Некипелова А.Д. «К вопросу о природе трансформационного шока», а в диссертации Яковлевой С.В. цитируется по учебнику Фетисова Г.Г., Орешина В.П. «Региональная экономика и управления», в списке трудов которого отсутствует учебник «D. Begg, R. Dombush Economics»; текст диссертации Белякова Д.Е., стр. 6–9: «(Стр. 6) Под экономическим или социально-экономическим потенциалом* [* – *Примечаний: в разных источниках речь идет об "экономическом" или о "социально-экономическом" потенциале, хотя границы между этими терминами оказываются довольно размытыми. В данной работе в дальнейшем будет употребляться термин "социально-экономический потенциал", сокращенно – СЭП* (СЭП) в экономической науке обычно понимается суммарная характеристика ресурсных возможностей в той или иной области хозяйствования.

В Статистическом словаре (М., 1965, с. 446) понятие “экономический потенциал” определяется следующим образом: “под экономическим потенциалом понимается совокупная возможность народного хозяйства в целом и отдельного экономического района государства создавать определенное количество потребительских стоимостей при данном уровне развития производительных сил общества и эффективности их использования”. БСЭ (изд. 3., т. 29 с. 627) определяет экономический потенциал как совокупную “способность отраслей народного хозяйства производить промышленную и сельскохозяйственную продукцию, осуществлять капитальное строительство, перевозку грузов, оказывать услуги (стр. 7) населению в определенный исторический момент”

Э.Б.Алаев в понятийно-терминологическом словаре по экономической географии определяет потенциал территории как “отношение между фактической и предельной (предельно допустимой) плотностями при изменяющихся условиях (с учетом дополнительных затрат, организационных мероприятий, открытия новых ресурсов, технического прогресса и т.д.); образно говоря, потенциал- это возможность, реализация которой требует нестандартного подхода, дополнительного условия. Синоним: ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ЕМКОСТЬ ТЕРРИТОРИИ” (8 – *Алаев Э.Б., Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь, М., 1983 с. 78-79).*

В советской экономической науке понятие потенциала широко начало использоваться с конца 60-х-начала 70-х годов. Ряд авторов считает, что само введение понятия СЭП обусловлено, с одной стороны, сознанием исчерпания ресурсов для экстенсивного экономического роста, с другой - стремлением ввести в

действие дополнительные резервы и стимулы, заложенные в структуре системы или деятельности, но не реализованные на практике. СЭП рассматривается как совокупность социально-экономических факторов, источников, стимулов, форм роста эффективности использования производительных сил. Поэтому реализация СЭП выступает как дополнительный источник ресурсов.

Обычно СЭП сводился к более узким вопросам, характеризующим отраслевые или иные пропорции воспроизводства или их функциональные взаимоотношения. Часто СЭП приравнивался к национальному богатству (материальное богатство плюс природные ресурсы). Вот несколько определений СЭП:

Акбердин Р.З. - максимально возможный выпуск объемов производства важнейших видов продукции (Стержень экономики, М., 1979, с.32).

Белоусов Р.А. - способность хозяйственной системы осваивать, перерабатывать национальное богатство для удовлетворения общественных потребностей (Рост экономического потенциала, М., 1972, с.3).

(Стр. 8) Габ Б.И.: "Потенциал... можно представить.. как средства производства и людей, приводящих их в действие для создания национального дохода" ("Потенциал и потенциальный результат промышленного производства", Киев, 1990),

Самоукин А.И.: "...Потенциал характеризуется совокупностью ресурсов... как вовлеченных в народное хозяйство, так и не использующихся в данный момент времени по каким-либо причинам" (Самоукин А.И. О содержании понятия потенциала общества//Методология статистического изучения социально-экономического потенциала, М., 1986, с. 7).

В целом можно сказать, что в состав понятия "экономический потенциал" в советской экономической литературе включались факторы производства (природно-климатические ресурсы, основные фонды, трудовые ресурсы) в их количественной и качественной оценке. В советской плановой системе задача соединения этих факторов рассматривалась преимущественно как организационно-технологическая. Отмечалось лишь, что экономическая оценка факторов производства зачастую представляет собой методологически сложную задачу.

Однако уже в 70-е годы пришло понимание, что само по себе материальное богатство, природные ресурсы и характеристики рабочей силы, то есть ресурсные характеристики, не могут полноценно характеризовать возможности развития экономики и что необходим более системный подход. Важнейшим фактором помимо оценки отдельных ресурсов, является "качество" самой системы, их объединяющей.

Так, А.А.Задоя (58 – Задоя А.А., Народнохозяйственный потенциал и интенсивность воспроизводства, Киев, 1986) справедливо замечал, что при оценке экономического потенциал основной упор делается на производительные силы, оставляя в стороне производственные отношения. В его трактовке народнохозяйственный потенциал включал и организационный аспект. М.Н.Миндорашвили (103 – Миндорашвили М.И. Методика статистического анализа промышленного потенциала региона, автореф. дисс. *Тб.*, 1988) включил в структуру СЭП также потенциал воспроизводства обществом определенного образа жизни, что оказывало влияние на структуру потребления и на производство.

(Стр. 9) В определениях потенциала в отечественной литературе советского периода, несомненно, нашли отражение традиционная ориентация на максимизацию выпуска и, соответственно, на полное задействование всех имеющихся ресурсов. При

этом подразумевалось, что целью является “максимальное удовлетворение потребностей граждан в соответствии с законами социалистического воспроизводства”.

В макроэкономической теории под экономическим потенциалом понимается объем производства при полной занятости ресурсов. Эмпирический опыт показывает, однако, что полная занятость ресурсов подразумевает в то же время поддержание доли незагруженных производственных мощностей на уровне 10-20% от их общего объема и естественного уровня безработицы в размере 5,5-6,5% от общей численности рабочей силы. Эти показатели могут варьироваться по различным странам, но во всех случаях полная занятость ресурсов исключает их стопроцентное использование (*1 – Аганова Т.А., Серегина С.Ф., Макроэкономика, М., 1997.,с.44*). Таким образом под экономическим потенциалом понимается не максимальный выпуск, а такие его масштабы, которые могли бы устойчиво поддерживаться при сохранении равновесия на всех рынках. "Потенциальный выпуск - это не максимальный выпуск, на который предположительно способна экономика: если бы нас заставили работать 18 часов в сутки, мы, несомненно, могли бы произвести больше. Скорее, это такой уровень выпуска, который мог бы поддерживаться, если бы каждый рынок в экономике находился в состоянии долгосрочного равновесия" (D.Begg, R.Dombush, Economics, 1991; цит. по: 110 – *Некипелов А.Д., К вопросу о природе трансформационного шока// Общество и экономика, №3-4, 1996, с.37-52*).».

Председатель
диссертационного совета

Антонюк Валентина Сергеевна

Ученый секретарь
диссертационного совета

Резепин Александр Владимирович

07.06.2022

